

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет
Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Краевое государственное казенное учреждение
«Государственный архив Алтайского края»

Е. М. Залкинд

ОЧЕРК ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2012

ББК 63.3(0)41+63.1(0)4

3-237

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой АлтГУ Ю. Г. Чернышов (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент АлтГУ А. М. Бетмакаев, научный сотрудник Лаборатории исторического краеведения АГПА В. Б. Бородаев, заместитель директора КГКУ «Государственный архив Алтайского края» О. Н. Дударева, преподаватель АлтГУ С. Н. Исакова (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент АлтГУ О. Ю. Курныкин, кандидат исторических наук, доцент АлтГУ Г. И. Курныкина, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой АлтГУ А. В. Старцев, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ТГУ Л. И. Шерстова.

Залкинд, Е. М.

3-237 Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе [Текст] : монография / Е. М. Залкинд ; отв. ред. Ю. Г. Чернышов. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. — 242 с. : ил.

ISBN 978-5-7904-1269-1

Книга известного востоковеда Евгения Михайловича Залкинда первоначально была подготовлена к печати в Улан-Удэ, в Бурятском филиале СО АН СССР, в 1975 г. Впоследствии автор читал спецкурс по этой теме в Алтайском государственном университете. Публикацию книги удалось осуществить по тексту, сохранившемуся в архиве. В издание включены статьи, посвященные научному творчеству и биографии Е. М. Залкинда. Приводятся также описание архивного фонда и библиография трудов ученого.

Несмотря на прошедшие десятилетия, это фундаментальное исследование, основанное на анализе обширного фактического материала по истории стран Востока, нисколько не утратило научной актуальности. Оно представляет интерес не только для монголоведов и специалистов по кочевым обществам, но и для всех, кто интересуется проблемами теории всемирно-исторического процесса.

ББК 63.3(0)41+63.1(0)4

ISBN 978-5-7904-1269-1 © Залкинд Е. М., 2012

© Кафедра всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, 2012

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Говорят, что «рукописи не горят». Но, к сожалению, для читателей они иногда бывают долго недоступными. Эта книга ожидала публикации более 40 лет. По-видимому, ее можно считать одним из главных трудов Евгения Михайловича Залкинда. И поэтому ее публикация — восстановление исторической справедливости. Книга наконец станет доступной читателям.

Эта работа интересна отнюдь не только как «памятник историографии». Объективно говоря, конечно, нужно признать, что автор рассуждал вполне в рамках допустимых тогда идеологических подходов. Однако и в этих рамках существовал все же серьезный выбор: либо догматически повторять цитаты из «классиков марксизма-ленинизма», либо, опираясь на метод диалектического материализма, пытаться двигаться к истине, анализируя реальные исторические факты. Е. М. Залкинд шел как раз по второму пути и не раз вступал в полемику с теми авторами-догматиками, которые пытались наклеить на оппонентов опасный в то время ярлык «оппортунизма».

Что же касается основной ткани повествования, то это исследование совершенно не устарело. Круг письменных источников по данной теме за прошедшие годы почти не расширился. Появились, конечно, ценные исследования по отдельным аспектам темы. Однако современным авторам нередко не хватает именно того универсализма мышления, тех смелых аналогий и обобщений, которые украшают книгу Е. М. Залкинда. Когда читаешь текст, просто восхищаешься исторической эрудицией автора. Он совершенно свободно делает глубокие экскурсы в историю стран Востока — Японии, Китая, Монголии, стран Центральной Азии и арабского мира. Он часто обращается и к истории Запада, причем в самые разные эпохи — от восстаний рабов в Древнем Риме до становления скандинавских государств, до позднефеодальной Франции и т. д.

Подробнее о научном значении этой монографии сказано в приводимой ниже статье профессора Л. И. Шерстовой. О сложном и трудном жизненном пути Евгения Михайловича мы узнаем из биографического очерка О. Ю. Курныкина. Некоторые воспоминания, связанные со слу-

шанием курса Е. М. Залкинда, приводятся Ю. Г. Чернышовым. О содержании личного фонда Е. М. Залкинда в КГКУ «Государственный архив Алтайского края» рассказывает Т. Г. Мальцева. В приложении дается наиболее полный свод публикаций ученого, составленный О. Ю. Курныкиным и Г. И. Курныкиной.

Нужно отметить, что работа с рукописью была связана с определенными сложностями. Не все места в тексте хорошо читались, а многие сноски остались без указания номеров страниц и выходных данных. Все эти лакуны, насколько было возможно, мы попытались заполнить. Вместе с тем мы стремились не слишком изменять текст, стараясь оставить его как можно более близким к авторскому варианту.

Хочется выразить признательность всем членам редколлегии, каждый из которых внес свой вклад в публикацию этой книги. Заслуживают благодарности и работники Государственного архива Алтайского края (в частности заместитель директора О. Н. Дударева), оказавшие помощь в подготовке издания. Выражаем также признательность С. А. Батурину и В. М. Васильеву, сотрудникам музея Бурятского научного центра, за предоставление материалов о Е. М. Залкинде, хранящихся в Научном архиве Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.

Книга издана при финансовой поддержке выпускников исторического факультета АлтГУ: экс-депутата Госдумы, профессора ВШЭ В. А. Рыжкова, научного сотрудника Лаборатории исторического краеведения АГПА В. Б. Бородаева, профессоров АлтГУ В. Н. Владимирова, А. В. Старцева и А. А. Тишкина. Издание подготовлено в рамках реализации программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири». Перевод текста из машинописного варианта в электронный сделан О. Ю. Курныкиным и Г. И. Курныкиной. Все работы по подготовке издания выполнены членами редколлегии бесплатно.

Л. И. Шерстова

Е. М. ЗАЛКИНД И ЕГО ТРУД «ОЧЕРКИ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ»

Процесс познания обладает удивительным свойством. Нерешенные проблемы заставляют возвращаться к ним снова и снова, но на каждом витке накопления и осмысления нового материала оказывается, что отдельные догадки, прозрения, выводы, сделанные прежними исследователями, не потеряли научной значимости и по-прежнему представляют интерес не только для историков науки, но и для современных ученых.

Причина такого явления кроется в том, что понимание сущности глубоких исследований возможно при условии, когда последователи, сами накопив определенный научный опыт, становятся способны оценить и понять, что сделали их предшественники. Это особенно важно отметить применительно к историческим знаниям, в основе развития которых лежит не только длительный процесс сбора и анализа источников, но и всестороннее знакомство с трудами предшествующих поколений исследователей, так как любая наука базируется на длительной научной традиции. Именно последняя является одним из критерием полноты и целостности любой системы знаний, придавая последующим изысканиям прочный фундамент, позволяющий отбрасывать несостоятельные гипотезы и скороспелые выводы.

Отказ от научной традиции приводит к появлению спекулятивных и конъюнктурных работ, многочисленных «научных» сенсаций и открытий. К тому же новые знания, особенно в гуманитарных науках, возникают очень медленно. Объясняется это еще и тем, что жизнь историка несопоставима с историей человечества, которую он изучает. Поэтому он способен осмыслить лишь незначительные исторические отрезки. Здесь не может быть открытий, аналогичных в естественных науках, где результат научного поиска во многом определяется наличием или отсутствием соответствующей материальной базы.

Трудности исторических исследований во многом обусловлены и тем, что ученые изучают социум, который меняется во времени и частью которого они сами являются. Историк вынужден смотреть на мир изнутри, в то время как натуралист изучает его извне. Отсюда неполнота и субъективность полученных знаний, отсюда и появление у каждого историка своей «истории». Поэтому так важно бережное и внимательное отношение к работам предшественников, которые смогли получить новые знания, не разрушая научной традиции, требующей всестороннего и критического отношения к собственным выводам и построениям.

Ситуация еще более усложняется, когда написанная работа в силу разных обстоятельств не публикуется, и таким образом прерывается научная традиция, а полученные выводы оказываются недоступными для научного сообщества. В результате происходит обеднение науки, а новое направление, возможно, начавшее формироваться, пресекается.

Данное суждение напрямую связано с монографией Евгения Михайловича Залкинда «Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе». Подготовленная к печати еще в 1975 г., когда ученый работал в Бурятском филиале Сибирского отделения АН СССР, она в силу непонятных причин не была опубликована. Затем на основе монографии студентам исторического факультета Алтайского госуниверситета читался спецкурс. После смерти Евгения Михайловича Залкинда на одной из конференций, проводимой в Барнауле, присутствовал А. П. Окладников, которому была передана рукопись для публикации. Но и в 80-е гг. XX в. монография Е. М. Залкинда не увидела свет. Таким образом, с момента подготовки текста к печати прошло почти 40 лет — примерно столько же, сколько к моменту его написания прошло после издания книги Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов». Но если последняя стала классикой отечественного востоковедения, то о первой не знали даже некоторые специалисты.

Между тем труд Е. М. Залкинда продолжил традицию отечественного востоковедения, посвященную изучению кочевых обществ Центральной Азии, в нем поставлен ряд важнейших методологических проблем исторического развития человечества. Действительно ли Восток в своем историческом движении противостоит Западу и имеет собственную линию цивилизационного развития, настолько отличную от западноевропейской, что можно говорить о кардинальной разнице европейской и азиатской истории?

В связи с этим предельно четко обнажилась проблема существования общеисторических закономерностей в развитии человечества, а также резко обозначился вопрос о том, что следует понимать

под «спецификой», «особенностями» отдельных обществ и культур. Где та грань, которая отделяет своеобразие, присущее любому этносу, от признания невозможности бесконфликтного их существования? Доведенный до логического конца, данный тезис приводит к отрицанию взаимопонимания между Востоком и Западом, что нашло отражение в пресловутом постулате С. Хантингтона о неизбежном «столкновении цивилизаций».

Что такое феодализм? Совокупность базовых признаков, которые в конкретных исторических условиях настолько вариативны, что, воплотившись в социумах Запада и Востока, позволяют предполагать наличие двух векторов в истории человечества? Либо феодализм — всего лишь идеальная модель, предельная степень абстрагирования, реально не существовавшая в истории ни одного общества, но в рамках которой возможно бесконечное множество различных социально-политических, экономических, культурных модификаций? И, наконец, какое место в истории занимают кочевые общества Центральной Азии, и можно ли их рассматривать как еще один самостоятельный вектор развития человечества — «кочевой феодализм»?

Следует заметить, что в современной отечественной историографии широко распространена периодизация исследований, представленная трехчленной схемой: работы досоветского, советского, постсоветского периодов. С одной стороны, такой подход кажется логичным, так как каждый период развития отечественной науки определяется преобладающей или господствующей методологической концепцией. С другой же стороны, выделение советского этапа как чего-то однородного, единообразного, обусловленного жесткими рамками формационного подхода, в пределах которого научный поиск был якобы невозможен, без хотя бы внимательного изучения работ советских историков представляется поверхностным и упрощенным.

Безусловно, такие исследования с трудом выходили в свет, а их авторы подвергались безапелляционной критике с позиций ортодоксального марксизма. Но тем более необходимо непредвзятое отношение к подобным работам. Это суждение напрямую связано с данной монографией: ведь с момента ее написания прошло почти 40 лет, а методологические принципы, положенные в основу проведенного Е. М. Залкиндом исследования, были ориентированы на формационный метод и классовый подход при изучении исторической проблематики.

Между тем следует отметить, что отдельным работам Ф. Энгельса, К. Маркса и даже В. И. Ленина присущ достаточно свободный стиль, в них присутствуют прямо противоположные тезисы, есть оригиналь-

ные умозаключения, не заключенные в законченные формулировки. Часть этих работ были научными исследованиями, содержащими предположения и гипотезы, которые лишь со временем уже в советской науке приобрели форму непогрешимых истин и идеологических штампов.

Такое становится возможным, когда научный поиск подчиняется идеологическому давлению, а научные выводы, которые обязательно в процессе познания либо корректируются, либо опровергаются, приобретают форму непогрешимых канонов. Однако анализ некоторых вышедших в советское время исследований свидетельствует о том, что, несмотря на то, что они написаны с позиций формационного подхода, последний самими авторами воспринимался как научный метод, а не как готовая схема, что позволило их авторам, формально оставаясь в рамках марксистской методологии, создавать оригинальные исследования.

Современное состояние исторической науки, в которой отказались от монополии какой-либо одной методологической концепции, предполагает широкий выбор методологических принципов исследования, что создает условия для использования различных научных концепций, в том числе и сохранившихся от предыдущего этапа советской науки. Важными кажутся возможности той или иной методологии в научном познании, определяемые получением новых знаний или восприятием известных фактов под новым углом зрения, что углубляет наши представления об историческом процессе.

В связи с этим показательна, например, переписка в 60–70-е гг. XX в. между Н. И. Конрадом и А. Тойнби. Нужно заметить, что работы первого послужили отправной точкой для исследования Е. М. Залкинда как общей проблемы «Восток — Запад», так и частного вопроса о генезисе феодализма у кочевников. Если работы Н. И. Конрада были написаны в рамках формационной парадигмы, то, как известно, А. Тойнби являлся одним из наиболее ярких приверженцев культурно-цивилизационного метода исторического познания. Тем не менее между этими учеными, исповедовавшими различные методологические принципы, не только осуществлялся плодотворный научный диалог, обоими действительно отстаивался тезис «единства человечества», хотя и подчеркивалось сомнение в жесткой детерминированности исторического процесса. По этому поводу Н. И. Конрад писал: «...абсолютных законов хода истории нет»¹.

¹ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 411.

Другая проблема, вызвавшая заинтересованный обмен мнениями, заключалась в понимании соотношения между общим и частным в историческом развитии. В одном из писем Н. И. Конраду А. Тойнби сформулировал ее как вопрос «о нахождении действенного равновесия между разнообразием и единством (человечества. — Л. Ш.)»².

Это обстоятельство заставляет по-иному посмотреть на связь между историей и этнологией, так как изучение разнообразия народов и культур, их специфики является традиционной темой исследования этнологов, в то время как историки по преимуществу изучают исторические закономерности, смещая акцент на выявление единства истории.

На тесную связь истории и этнологии в свое время обратил внимание Клод Леви-Строс. Постулат о «единстве человечества» занимал ведущее место в проводимых им этнологических исследованиях. Рассматривая развитие культуры, он пришел к пониманию этого процесса через изучение модификаций универсальных бинарных оппозиций, которые лежат в основе культуры любого народа, но вследствие различных причин и обстоятельств принимают бесконечное множество вариантов, делая культуру одного народа абсолютно непохожей на культуру другого.

Подчеркивая важность сопряжения исторических и этнологических исследований, К. Леви-Строс писал: «История экономики является в широком смысле слова историей бессознательных операций»³. Таким образом, устанавливалась связь между предметом изучения историков и этнологов. Из этого следовало, что понимание человеческой истории как единого процесса не будет полным без признания специфики его протекания у разных народов, а преувеличение или игнорирование одного из аспектов неизбежно приводит к искажению исторического познания. Следовательно, характеристика развития человечества как диалектического процесса была свойственна не только советской науке. Она определяла во второй половине XX в. уровень развития гуманитарных знаний мирового научного сообщества. Тогда же была признана необходимость соотнесенности исторических и этнологических знаний.

Монография Е. М. Залкинда соответствовала мировому уровню развития гуманитарных знаний того периода, в ней автор реализовал свой потенциал как историка, так и этнолога. И это позволило ему провести глубокое и многоплановое исследование. Профессиональное владение этнографическим материалом препятствовало абсолютизации «осо-

² Конрад Н. И. Указ. соч. С. 413.

³ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 35.

бенного», а опыт историка не позволял замкнуться в жестких рамках «единообразия». Такой исследовательский принцип во многом объясняется его научной биографией.

Формирование научных взглядов Е. М. Залкинда пришлось на 20–30-е гг. XX в. Это был период, когда закладывались основы советской этнографии, которая выполняла не только исследовательские, но и общественно-политические функции, что было связано с решением важнейших национальных и культурных программ социалистического строительства. Большое научное и практическое значение имело решение Президиума ВЦИК об организации в 1924 г. Комитета содействия народностям северных окраин, который сосредоточил свою деятельность на выработке директив всем государственным и хозяйственным организациям, работавшим в Сибири.

Подобные запросы государственной власти сделали актуальной подготовку этнографических кадров. В декабре 1918 г. в Географическом институте при Петроградском университете открылись два факультета: географический и общезтнографический, где стали готовить специалистов широкого профиля. Деканом общезтнографического факультета был назначен Л. Я. Штернберг, профессором того же факультета стал другой известный этнограф В. Г. Богораз. Так зародилась мощная ленинградская этнографическая школа, сразу же приступившая к формированию многих научных направлений.

В 1928 г. состоялся перевод общезтнографического факультета на исторический и его реорганизация с выделением кафедры этнографии, студентом которой в этом же году стал Е. М. Залкинд. Его первые этнографические экспедиции пришлось на 1930-е гг., когда он начал работать среди вилюйских и забайкальских эвенков, воссоздавая картину их этногенеза. Ощущение неполноты источниковой базы вызвало стремление к ее расширению, и Е. М. Залкинд начал собирать и систематизировать письменные китайские сведения о «северных варварах», в том числе и о народах Южной Сибири. Обнаруженные во время одной из экспедиций материалы по бурятской истории, вывезенные в период Гражданской войны из Иркутска, привлекли его научное внимание. На несколько десятков лет затянулось их изучение, сопровождавшееся поисками дополнительных материалов в других архивах страны. Следствием этой работы стал выход в свет двух основополагающих монографий по истории бурят: «Присоединение Бурятии к России» (Улан-Удэ, 1958 г.) и «Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX в.» (Москва, 1970 г.). Таким образом, им была воссоздана бурятская история с XVII по середину XIX в.

Начав с этнографии, он неизбежно пришел к истории. Такая эволюция, думается, имеет две основные причины. Во-первых, во второй половине 1930-х гг. этнография под партийно-идеологическим воздействием постепенно, но неуклонно теряла свою научную самостоятельность, превращаясь по преимуществу в описательную «вспомогательную» историческую дисциплину, лишенную собственной теоретической базы. Во-вторых, намечалось неизбежное стремление части историков к пониманию прошлого не в виде схематических формационных построений, а как развития человеческого социума с присущими ему этнографическими особенностями и этнокультурной спецификой. Таким образом, неизбежно сближался вектор развития отечественной и мировой исторической науки, а Е.М. Залкинд, будучи автором многочисленных статей и монографий по истории и этнографии сибирских и центрально-азиатских народов, в 1970-е гг. обратился к основополагающей исторической проблеме — выяснению путей развития Востока и Запада.

Широта научного замысла автора монографии «Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе», казалось бы, вызванная частной проблемой сущности генезиса феодализма в кочевом обществе, отражает важнейший методологический принцип не только признания общеисторических закономерностей в развитии человечества, но и понимания взаимосвязанности и взаимообусловленности исторических процессов в различных регионах планеты. Рассуждая о контактах человечества начиная с первобытности, он обратил внимание на то, что и в древности, и в более поздние времена изоляция отдельных этнических общностей была скорее исключением, чем правилом. А значит, исторический синтез является неотъемлемым элементом развития человечества. Проблема заключается лишь в том, что его результаты в одних обществах («варварские королевства Западной Европы») существенно влияли на дальнейшее их развитие, а у других народов влияние более развитых цивилизаций было менее заметно (Китай — Центральная Азия). Нужно отметить, что на значимость синтеза в историческом процессе Е.М. Залкинд обратил внимание еще в своей работе «Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX в.», где убедительно доказал, что «сочетание новых форм, принесенных сюда русскими, с отношениями, складывавшимися в самом бурятском обществе, и привело к синтезу»¹.

¹ Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX в. М., 1970. С. 303.

Выяснение роли синтеза в историческом процессе напрямую связано с основной проблемой монографии — генезисом феодализма как особым периодом в развитии человечества. Следует заметить, что выделение формации как ступени постепенного движения человечества есть отражение идеи его развития. И в этом смысле формация является важной дефиницией исторического материализма. Однако любой историк, признающий факт развития человечества, вынужден вводить в рамках своей концепции аналогичные понятия. В работах Макса Вебера используется термин «стадия». Арнольд Тойнби рассматривал развитие цивилизаций как прохождение ими генезиса, роста, надлома и распада. Фактически эти же дефиниции использовал Лев Николаевич Гумилев, анализируя этногенез.

В современных работах по отношению к доиндустриальным обществам часто используется термин «традиционные», и в эту категорию попадают как догосударственные образования, так и древние и средневековые цивилизации¹. Возможно, такой подход облегчает типологию социумов, но он приводит к расширительному толкованию их стадийно различных сущностей.

Формация — лишь одна из дефиниций, которой можно описать поступательное движение человечества. Темой своего исследования Е. М. Залкинд выбрал проблему генезиса феодализма. При этом он довольно четко объяснил причины: феодализм является наиболее универсальной формацией, следующей за первобытностью. Естественно, возникает вопрос о его происхождении.

В данной монографии нашла отражение одна из особенностей Е. М. Залкинда как блестящего лектора. Она построена не просто как рассуждение, хотя, безусловно, следить за ходом мысли ученого интересно, монография пронизана полемикой, наличие которой отмечает и автор, анализируя отдельные выводы С. Е. Толыбекова, Г. М. Румянцева, Е. Бэкон, Л. Крайдера, Л. П. Потапова. Однако эта книга представляет собой великолепный образец «внутренней полемики». Автор не боится ставить «неудобные» с позиции формационной теории вопросы. Наоборот, он заостряет на них внимание, определяя их предельно конкретно и точно.

Уже на первых страницах исследования Е. М. Залкинд выдвинул неожиданный тезис о том, что считать эталоном исторического развития. Путь Европы, при котором отклонение от европейского движения

¹ См., напр.: Алаев Л. Б. История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века. М., 2004.

трактуются как особенность? Но если речь идет о научных дефинициях как предельной степени абстрагирования, как универсальной терминологии, тогда не может быть ни географической, ни этнической привязки. На примере генезиса феодализма он рассматривает три варианта этого процесса: феодализм возникает из первобытно-общинного либо из рабовладельческого строя, либо на основе синтеза элементов обоих, «четвертого не дано». И далее он констатирует: данная классификация, как и всякая иная, определяет лишь основные закономерности, вытекающие из разных исходных пунктов генезиса феодализма. При этом разные вариации, в том числе и очень специфические, не только возможны, но и неизбежны. Таким образом, обозначился вопрос о том, где кончается специфика и возникает нечто принципиально новое. Рассмотрение этой проблемы проходит красной нитью через все сочинение: будь то определение специфики генезиса и развития феодализма в европейских, азиатских, африканских странах или проблемы его происхождения в кочевых обществах Центральной Азии.

Базируясь на исследованиях Н. И. Конрада и А. Я. Гуревича, Евгений Михайлович добавляет, что необходимо отказаться от стремления подогнать любое феодальное общество к «заранее данному шаблону». При этом нужно, по его мнению, избежать и «второй опасности: переоценки особенностей развития отдельных стран». Иначе не только возникает угроза отрицания существования исторических закономерностей, но и подвергается сомнению такой очевидный постулат, как «единство человечества».

Глубокое владение этнографическим материалом позволило Е.М. Залкинду за всем многообразием проявления конкретных форм специфики человеческих социумов, будь то первобытность или феодализм, европейский мир или азиатский, видеть то общее, что отражало принцип развития и укладывалось в предельно расширительное понимание сущности той или иной формации. Ни одно общество, ни одна культура, ни один народ не могут быть эталоном для понимания сущности исторического процесса, а следовательно, обязательным примером для подражания и копирования. Именно специфика есть внешнее проявление общеисторических закономерностей, а соотношение «особенного» и «единообразного» отражает диалектику частного и общего. Из этого следует важный лаконичный вывод: «ни одна формация не имеет тождественных проявлений во всех странах, у всех народов». Поэтому бессмысленно и научно не продуктивно брать за образец, эталон какую-то конкретную страну или народ и путем аналогий пытаться соотнести с ними другие социумы и этносы.

Евгений Михайлович Залкинд четко разделял понимание аналогии и сравнительно-исторического метода как инструментов научного познания. И если первый опирался на внешние сходства явлений, то второй, по его мнению, выявлял глубинные, возможно, даже внешне не тождественные процессы. При этом он остановился на понимании того факта, что любая «классификация не может быть стабильной, текущая жизнь рождает новые типы», развивается и феодализм. Поэтому он внутренне неоднороден и не является чем-то застывшим. В одной стране могут сосуществовать региональные особенности, вплоть до таких, которые, казалось бы, должны исключать друг друга и которые, развиваясь, создают новые специфические комбинации различных институтов. Весь вопрос заключается в выделении каких-либо черт, которые становятся определяющими. Следовательно, необходимо проведение сравнений не просто феодализма как стадии, а одинаковых этапов его развития в различных феодальных обществах.

Исходя из марксистского определения сущности феодализма Е. М. Залкинд в качестве основных его критериев называет земельную собственность и определяемые ею системы эксплуатации крестьян и структуру господствующего класса. Привлекая различные примеры из истории европейских и азиатских государств периода феодализма, он доказывает, что как на Западе, так и на Востоке сосуществовали два вида собственности на землю: государственная и частновладельческая (частнофеодальная). Определенные отличия в способах и государственном устройстве зависели от их соотношения на каждом этапе развития феодализма, но не были принципиальными.

Это же относится и к наличию общины, в том числе и не подчиненной крупным землевладениям, что, по его мнению, было характерно и для Европы, хотя и в количественно меньшем соотношении, чем на Востоке. «А функции южноазиатской касты в феодальной Европе, — продолжал Е. М. Залкинд, — выполнялись делением общества на сословия и профессиональные организации (цехи, гильдии), которые также зиждились на наследственном принципе, соблюдавшемся достаточно строго... Однако разрыв с цехами был возможен... Короче говоря, ни один европейский институт не тождественен касте... (но) ведь каста не была универсальна и для Востока», — лаконично заключал автор.

Таким образом, вопрос об «азиатском способе производства» как основе особой, «шестой» формации или особом типе феодализма, якобы присущем неевропейским странам, перестает быть актуальным. Проблема решается в рамках категории «особенного», которая отражает конкретное проявление «общего».

Под этим же углом Евгений Михайлович Залкинд рассматривал «кочевой феодализм» и пришел к выводу о том, что институты монгольского общества XIII в. соответствовали раннему феодализму и «в кочевом обществе не обнаружилось никаких существенных различий с обществом оседлым». И далее: «...процесс генезиса феодализма протекал в рамках общих закономерностей перехода от первобытнообщинного строя к феодализму». Использование же Б. Я. Владимирцовым слова «кочевой», по мнению Е. М. Залкинда, лишь подчеркивало специфические черты подвижных скотоводческих социумов.

Особый интерес у Евгения Михайловича Залкинда вызывал период перехода от первобытности к классовому обществу, в связи с чем он актуализировал понятие «дофеодальный период», предложенное А. И. Нусыхиным применительно к европейским странам. Опираясь на источники и исследования предшественников, автор монографии убедительно доказал, что как на Западе, так и на Востоке наблюдалась общая закономерность, которая сводилась к тому, что «возникновение государства является не заключительным аккордом сложения феодализма, а прелюдией к нему». Именно в рамках государства «достраивался» феодализм.

Данный вывод позволяет по-иному посмотреть на политические процессы не только у монголов, но и у других народов Центральной Азии, для которых была характерна «прерывистость» государственной традиции. Государственные институты, возникнув у гуннов (а, возможно, уже и у ранних кочевников), в силу разных причин не могли укрепиться, чтобы усилить процессы феодализации уже в рамках государства, сделав их необратимыми. Отсюда, с одной стороны, стремительное чередование государств и этносов в Центральной Азии. С другой же — потенциальная готовность кочевого мира к быстрому возрождению утерянных государственных институтов, даже если в этническом плане они были чужеродными, что проявилось в наличии многочисленных «кочевых империй» в первом тысячелетии нашей эры. Центральная Азия этого периода была «больна» феодализмом.

Не меньшее внимание в монографии уделяется проблеме формирования основных классов феодального общества. Действительно, это одна из захватывающих проблем исторического развития, когда парадигма равенства сменяется имущественной и социальной дифференциацией, возникновением эксплуатации. Евгений Михайлович Залкинд подробно остановился на рассмотрении возникновения слоя элиты и зависимого населения в рамках монгольской империи Чингисхана. При этом он подчеркивал, что «родоплеменная знать» была не столько союзником, сколько противником Чингиса в его государственной дея-

тельности, что только часть ее представителей вошла в состав формирующегося феодального сословия. В основе феодального класса были те, чьим интересам полностью соответствовал феодализм. «Таким слоем на Западе было рыцарство, на крайнем Востоке — самурайство, а в Монголии — личная гвардия Чингиса», — писал Е. М. Залкинд.

В монографии актуализируется «антропологическое» содержание власти, которое проявлялось в устремлениях, ценностях, поведении феодальной элиты. В связи с этим Е. М. Залкинд подчеркивал значимость войны в раннем феодализме, будь то Запад или Восток: война укрепляла не только положение новой элиты, но и власть феодальных правителей. «Война не была только результатом злой их воли... Она была средством укрепления новых отношений и способом преодоления внутренних социальных противоречий», — заключал автор. Отмечая размах военных действий, проводимых Чингисом, он подчеркивал их особенности, связанные, в первую очередь, с устойчивостью родоплеменных отношений в кочевом обществе, со спецификой специализированного хозяйства, базировавшегося на скотоводстве, с необходимостью выхода на торговые пути Средней Азии и Китая.

Подводя своеобразный итог исследованию укрепления феодализма у монголов, Е. М. Залкинд отмечал, что «поскольку границы кочевьев не были четко определены, то пожалование уделов не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали землю вместе с обитающими на них людьми, у кочевников же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями. От перестановки слагаемых суть дела не изменялась, но критерий, которым определялись такие пожалования, не мог быть иным: они определялись не размерами владений, а числом поданных».

Это был очень смелый и важный вывод, который, к сожалению, не получил своего продолжения в работах автора. По сути, Е. М. Залкинд впервые в отечественном востоковедении сформулировал проблему особого статуса поданных и специфику восприятия земли, по отношению к которой традиционное сознание подвергало сомнению права не только феодалов, но и верховных правителей. Не обозначая внешне категорию ментальности, он выделил базовые, глубинные основы, определявшие ценностные ориентации и поведенческие стереотипы «кочевого общества». Даже беглое рассмотрение методологических приемов и принципов, использованных Е. М. Залкиндом, характеристика отдельных сюжетов и выводов, присутствующих в монографии, демонстрируют глубину, актуальность и оригинальность данного исследования.

Хотелось бы еще добавить, что за внешней простотой и лаконичностью языка монографии скрывается кропотливая работа по «оттачиванию» научного повествования, в котором нет места ни лишним словам и фразам, ни искусственной наукообразности изложения, что, безусловно, способствует не только ее вдумчивому прочтению, но и проникновению в глубину теоретических построений автора.

Когда читаешь монографию Евгения Михайловича Залкинда, невольно попадаешь под обаяние личности автора, восхищаешься аргументированностью его выводов, проникаешься его тонкой интеллигентной самоиронией, — как будто слышишь его чуть хрипловатый тихий голос и видишь его грустную улыбку. Между тем автор не безапелляционен, он приглашает либо продолжить дальнейшую аргументацию своих выводов, присоединившись к нему в поиске ответов на поставленные вопросы, либо понуждает к спору. Он готов выслушать противоположные точки зрения, но только в том случае, если они также будут проникнуты научной логикой и подкреплены соответствующей доказательной базой. Это исследование — пример интеллектуальной беседы заинтересованных в научном поиске автора и читателя, беседы с уважением друг к другу, даже если автор и читатель не являются единомышленниками.

Научная деятельность Евгения Михайловича Залкинда, как и многих неординарных, талантливых исследователей, во многом осуществлялась «не благодаря, а вопреки»; его научная судьба является ярким примером честного и страстного служения науке. И хотя выход в свет этой монографии задержался почти на 40 лет, она по-прежнему представляется научно значимой и, нужно надеяться, пополнит собой классические труды по востоковедению.

О. Ю. Курныкин

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЗАЛКИНДА (1912–1980)¹

Евгений Михайлович Залкинд принадлежит к тому поколению отечественных ученых-гуманитариев, которое сформировалось в переломный момент российской истории и на судьбе которого в большей или меньшей степени отразились изломы отечественной истории XX века.

Е. М. Залкинд родился 3 августа 1912 г. в Ростове-на-Дону в семье большевика-подпольщика. По воспоминаниям Евгения Михайловича, его отец вышел из очень бедной семьи, пытавшейся выбиться из нужды примерно теми же методами, что и герои Шолом Алейхема, и с теми же результатами. Еще в молодые годы его отец — Михаил Яковлевич — ушел в революцию. Он рано примкнул к социал-демократам, а после раскола в их рядах — к большевикам. Его партийный стаж исчислялся с 1902 г. Он входил в состав руководства ростовской партийной организации, работал некоторое время в Баку, где после ареста был помещен в одну камеру со Сталиным. Близко дружил с Прокопием Джапаридзе, впоследствии расстрелянным в числе 26 бакинских комиссаров. Михаил Яковлевич неоднократно подвергался арестам, и его сын Евгений родился, когда отец отбывал ссылку в Устьысольске на территории нынешней Республики Коми. После революции отца перевели на советскую и партийную работу в Москву, где он, страдавший многими недугами, в том числе тяжелым пороком сердца, скончался в январе 1920 г. Таким образом, в семилетнем возрасте Евгений осиротел.

После смерти отца семья переехала в Ленинград. В общей сложности ленинградский период жизни Е. М. Залкинда охватывает более двух десятилетий. Здесь он в 1928 г. окончил единую трудовую школу-девятилетку. Согласно свидетельству об окончании школы являл-

¹ В основу данного биографического очерка легли материалы личного фонда Е. М. Залкинда, хранящегося в Государственном архиве Алтайского края (Ф. Р — 1775), а также материалы Научного архива Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН (Е. М. Залкинд. Личное дело. № 1703 (1). 1941–1942 гг.; № 1703 (2). 1960–1977 гг.).

ся секретарем школьной санитарной комиссии. Принимал участие в работе по ликвидации неграмотности в подшефной части, а также, в соответствии с принятым школой «промышленно-экономическим уклоном», приобрел навыки и знания по следующим специальным предметам: бухгалтерии, коммерческой арифметике, товароведению, хозяйственному праву. Возможно, эти знания оказались бесполезными в дальнейшей профессиональной деятельности Евгения Михайловича, сочетавшей академические исследования с выполнением ряда хозяйственно-управленческих функций.

В следующем 1929 г. 17-летний Залкинд поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета, где в те годы под руководством Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза (Тана) складывается сильная этнографическая школа. Ему довелось слушать лекции таких выдающихся отечественных историков, как Е. В. Тарле, Н. И. Конрад. Именно тогда Евгений Михайлович под влиянием своих учителей впитывает традиции академизма, профессиональной добросовестности и культуры. В те годы определился и круг его научных интересов — этнография и история народов Сибири и Центральной Азии.

Летом 1931 г. после окончания второго курса Залкинд был направлен в Бурятию для прохождения музейной практики. Он был включен в состав экспедиции Троицкосавского краеведческого музея по обследованию сельскохозяйственных артелей и коммун Бурят-Монгольской АССР в связи с развернувшейся в стране кампанией коллективизации. Сохранились дневник и отчет Евгения Михайловича об этой двухмесячной экспедиции, не только проливающие свет на состояние бурятской деревни и происходившую в ней радикальную ломку, но и характеризующие некоторые индивидуальные черты автора. В молодом практиканте удивительным образом сочетались искреннее стремление изменить окружающую действительность к лучшему и вместе с тем трезвый, несколько ироничный взгляд на реалии. Уже тогда в нем проявлялись черты исследователя, просветителя и деятельного участника происходивших в стране преобразований. Студент, которому тогда не исполнилось еще и 19 лет, принял активное участие в дискуссиях по вопросам резкспозиции краеведческого музея г. Верхнеудинска (нынешнего Улан-Удэ).

Пройти полный университетский курс Евгению Михайловичу было не суждено: в 1932 г. в связи с острым недостатком кадров состоялся досрочный выпуск, и после окончания третьего курса он и его сокурсники получили свидетельство об окончании университета. Некоторое

время работал научным сотрудником музея при Научно-исследовательском институте культуры в Улан-Удэ, но через несколько месяцев вернулся в Ленинград для продолжения образования. В следующем 1933 г. 20-летний Залкинд поступил в аспирантуру Института народов Севера. Тогда же по совместительству работал в издательстве «Молодая гвардия», в редакции детской литературы, руководимой С. Я. Маршак, где ведал выпуском детских книг на языках народов Севера.

Летом 1934 г. по командировке Института народов Севера Залкинд посетил верховья р. Баргузин. Во время этой поездки были собраны архивные материалы, сделаны этнографические наблюдения, произведены фольклорные записи, легшие в основу диссертационного исследования.

По истечении трехгодичного срока аспирантуры в мае 1936 г. Евгений Михайлович защитил кандидатскую диссертацию «Опыт исследования этногенеза и общественного устройства восточных эвенков (тунгусов) (Баргузинские эвенки)» (утверждение ВАКом в ученой степени кандидата исторических наук состоялось в декабре 1938 г.). После кончины одного из своих учителей профессора В. Г. Богораза Евгений Михайлович в 1936 г. с готовностью принимает лестное для него предложение читать курс по истории и этнографии Сибири в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, однако через год в связи с изменением учебных планов начинающий преподаватель остался не у дел.

В 1938 г. 25-летний Залкинд поступил в докторантуру Института востоковедения АН СССР. Однако, по его признанию, первые два года докторантов загружали учебными занятиями, а когда дело дошло до работы над диссертацией, Евгения Михайловича откомандировали от Академии наук в длительную экспедицию в Забайкалье. В 1939 г. он работал научным сотрудником, а в 1940 г. — начальником экспедиции, главной задачей которой являлся сбор коллекции из имущества бывших буддийских монастырей Бурятии, закрытых по распоряжению властей.

Сохранились отчеты Е. М. Залкинда об экспедициях 1939 и 1940 гг., представляющие несомненный интерес и ярко свидетельствующие как о крайних проявлениях антирелигиозной политики государства, так и о неординарных личностных качествах автора этих отчетов.

Так, в отчете 1939 г. описывается состояние Янгажинского дацана, который Евгений Михайлович посетил уже после завершения там работы специальной комиссии, в состав которой он был введен как представитель Академии наук. По его словам, «дацан производил такое впечатление, как будто бы в нем произошел погром: груды разбитых и разломанных бурханов, толстый слой листов из рассыпанных книг покрывали всю территорию монастыря. Огромная деревянная статуя

Майдари¹ оригинальной работы бурятских мастеров разбита в щепы и сжигалась. Разрушение дацана было полным». Автор отчета не скрывал своего отношения к подобному стилю работы членов комиссии: «...разрушение Янгажинского дацана представляется в высшей степени нецелесообразным».

Е. М. Залкинд постоянно конфликтовал с остальными членами комиссии, стремившимися возможно большее количество предметов буддийского культа сдать в утиль. «Мой голос оставался одиноким», — печально констатировал в отчете Евгений Михайлович. Вместе с тем он отмечал, что наибольшим своим достижением во время работы в комиссии считал то, что ему удалось добиться полного сохранения книг. Тревожился он и о судьбе огромных коллекций из закрытых дацанов Монгольской Народной Республики, опасаясь, что Академия наук придет туда слишком поздно.

Основные усилия Е. М. Залкинда как начальника экспедиции Академии наук по сбору коллекций бывших буддийских монастырей Бурят-Монгольской АССР и Читинской области в следующем 1940 г. были направлены на спасение того, что еще оставалось после варварского разрушения дацанов. Благодаря настойчивости, организаторским способностям и профессионализму руководителя экспедиции, самоотверженной работе ее членов в Ленинград было отправлено два вагона собранных коллекций. Предметы изобразительного искусства были распределены по ленинградским музеям, а рукописи и книги пополнили фонды Ленинградского отделения Института востоковедения; часть материалов была передана в музеи и хранилища Бурятии. Вклад Е. М. Залкинда в сохранение культурного наследия российского буддизма, думается, в полной мере еще не оценен. Правда, за успешную работу по руководству экспедицией он был премирован месячной стипендией.

После начала Великой Отечественной войны Евгений Михайлович по состоянию здоровья (из-за повреждения ноги) был освобожден от военной службы и первую, самую страшную, зиму провел в блокадном Ленинграде. Состоял в дружине противовоздушной обороны города. В феврале 1942 г. при эвакуации сотрудников Академии наук его в состоянии жесточайшей дистрофии вывезли в Фергану, затем после трехмесячного восстановления Е. М. Залкинд с семьей переехал в знакомую ему Бурятию, в Улан-Удэ. Здесь он в течение пяти лет работал сначала ученым секретарем, а с 1943 г. — заместителем директора Научно-исследовательского института культуры и экономики по научно-ис-

¹ Майдари — в буддизме грядущий Учитель человечества.

следовательской работе. За это время сменились четыре директора института, так что основная тяжесть организационной и хозяйственной работы легла на плечи заместителя. Как отмечал сам Евгений Михайлович, ему пришлось быть фактическим редактором и корректором почти всех трудов института, его научным руководителем и завхозом. Он с полным основанием ставил себе в заслугу поднятие культуры изданий института. Одновременно Евгений Михайлович вел курсы лекций по всеобщей истории в местном педагогическом институте. В 1945 г. он был утвержден в звании доцента, а в 1947 г. — старшего научного сотрудника по специальности «история и этнография».

Е. М. Залкинд, впитав традиции академической науки, считал своим долгом делиться знаниями с рядовыми тружениками, выступал на промышленных предприятиях Улан-Удэ, перед колхозниками отдаленных районов Бурятии в качестве внештатного лектора горкома ВКП(б). В его личном архиве сохранились тексты радиопередач, с которыми он в 1945–1946 гг. выступал по местному радио. Особый интерес представляет цикл передач «Изучай свою республику» для школьников Бурятии, в котором в доступной и не лишенной литературного изящества форме излагались народные легенды о происхождении бурятского народа, рассказывалось про образ жизни древних бурят, о природе и полезных ископаемых Бурятии. Эти передачи свидетельствовали о хорошем знании не только истории бурятского народа, но и реального состояния экономики, природного ландшафта, растительного и животного мира Забайкалья. Автор радиопередач призывал школьников во время летних каникул осуществлять экскурсионные поездки по своему краю, предлагая конкретные, наиболее удобные и интересные маршруты. Е. М. Залкинд выступил на радиомитинге интеллигенции в день объявления Советским Союзом войны Японии. Как отмечалось в характеристике, данной ему Институтом востоковедения в 1941 г., «характерной чертой его является живой интерес к современным событиям, к нуждам, предъявляемым жизнью», и этот живой интерес к происходящим событиям и процессам как внутри, так и за пределами своей страны он сохранял на протяжении всей своей жизни.

В военные годы Евгений Михайлович, по его словам, не считал возможным отказываться от любых возложенных на него поручений, жертвуя своей собственной научной работой. Откликаясь на потребности военного времени, он пишет брошюру «Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов». В 1945 г. была опубликована написанная им биография крупного бурятского ученого и просветителя М. Н. Хангалова.

После завершения войны встал вопрос о продолжении работы над докторской диссертацией. Он стремился вернуться в Ленинград, чтобы быть ближе к ведущим научным центрам, там остались собранные им материалы и личная библиотека, которые невозможно было вывезти при эвакуации. В 1947 г. Е. М. Залкинд вновь перебирается в Ленинград и вскоре становится заведующим сектором Восточного научно-исследовательского института при Ленинградском университете. Но в 1950 г. эта структура была ликвидирована. Следующий год он проработал в должности доцента Восточного факультета ЛГУ, читая курсы по истории Центральной Азии и Южной Сибири, Бурят-Монголии, этнографии Монголии и тунгусо-маньчжурских народов. Но в мае 1951 г. Евгений Михайлович был вынужден оставить университет. Официальное объяснение этому — прекращение набора студентов на отделения монгольского и тувинского циклов и отсутствие в связи с этим учебной нагрузки. Однако, учитывая сгушавшуюся тогда политическую атмосферу в стране, можно предполагать иные причины его увольнения.

В 1949 г. в газете «Бурят-Монгольская правда» под заголовком «За большевистскую партийность в науке и литературе» был помещен отчет о собрании, посвященном борьбе против космополитизма. На этом собрании тогдашний директор Научно-исследовательского института культуры и экономики М. А. Рампилова обвинила Е. М. Залкинда (в ряду других руководителей НИИКЭ) в активной поддержке буржуазных националистов, подвизавшихся в исторической науке, фольклоре, литературе, лингвистике. М. П. Хамаганов, выступивший с основным докладом, подверг критике статью Залкинда «К этногенезу эвенков» за «рабскую угодливость, коленопреклонение перед реакционной иностранщиной». То, что эти обвинения носили надуманный и, по сути, ритуальный характер, подтверждает тот факт, что упомянутая Рампилова и после своих обвинений в адрес Евгения Михайловича вела с ним переписку по поводу продолжения научного сотрудничества. Однако в условиях поднятой тогда в стране новой волны репрессий эти обвинения не могли не иметь последствий.

Как признает сам Евгений Михайлович в своей автобиографии, следующие два года (1951–1952) были для него самым трудным периодом жизни. Его попытки устроиться на работу натывались на непробиваемую стену. Понимая тщетность надежд быть зачисленным в штаты столичных вузов, он направлял запросы о вакансиях в периферийные научные центры и вузы, однако неизменно получал отказы. Такие отказы пришли, в частности, из Казахской и Киргизской академий наук, из министерств просвещения РСФСР, Киргизской, Казах-

ской и Узбекской ССР. Евгений Михайлович посылал запросы в десятки самых отдаленных уголков страны: в Енисейск, Ужгород, Кызыл, Тюмень, Кишинев, Новгород, Вологду, Псков, Пржевальск. Отказы под предлогом отсутствия вакансий пришли также из Бийского учительского института и Барнаульского государственного педагогического института. Следует учитывать, что в то время преподавателей с ученой степенью кандидата наук и званием доцента в стране было неизмеримо меньше, чем сейчас, а провинциальные вузы страдали от недостатка квалифицированных преподавателей: как отмечалось на проходившем тогда совещании директоров пединститутов, более 70% преподавателей не имели ученых степеней и званий. Показателен и такой эпизод: в изданной уже после отъезда Е.М. Залкинда из Улан-Удэ «Истории Бурят-Монгольской АССР» в главе «Присоединение Бурят-Монголии к России» содержались значительные текстуальные заимствования из рукописи Евгения Михайловича, но при этом вместо автора в сноске был указан инвентарный номер, под которым эта рукопись хранилась в фонде института.

Безысходность ситуации, сложившейся тогда для Е.М. Залкинда, подчеркивал тот факт, что когда он все-таки прошел по конкурсу в Бурят-Монгольский педагогический институт, после вмешательства партийных органов итоги этого конкурса были объявлены недействительными. Сам же Евгений Михайлович дал объяснение сложившейся вокруг него ситуации — в примечании к автобиографии он отметил: 1952 г. — разгар организованной Сталиным антисемитской кампании. Оказавшись без работы, Евгений Михайлович, на иждивении которого была мать, жил, распродавая свою личную библиотеку, тщательно составляемую на протяжении 20 лет.

Получив отовсюду столь единодушные отказы, Е.М. Залкинд был вынужден обратиться в высшие партийные инстанции. Он отправил в ЦК ВКП(б) письмо на имя Сталина с настойчивой просьбой разобраться с его вопросом. Но и после этого жернова бюрократической машины едва сдвинулись. Лишь через три месяца Министерство высшего образования дало ему направление в Узбекский государственный университет им. Алишера Навои в Самарканде. Однако там его встретили крайне недружелюбно. Ректор университета под давлением из Москвы принял Евгения Михайловича на работу, но лишь на полставки доцента, а через полгода уволил по сокращению штатов. Залкинд был вынужден перебраться с семьей в Москву, вновь оказавшись без работы. В отчаянии в очередном послании в отдел науки ЦК КПСС он писал: «Я совершенно выброшен из жизни», «я уже продал все, что мог».

Только после смерти Сталина, в конце 1953 г. Евгений Михайлович получил направление в Омский педагогический институт, где в течение 7 лет работал в должности доцента кафедры всеобщей истории. Здесь он читал курсы по истории Средних веков и истории стран Востока. Как представляется, параллельное чтение курсов по истории Запада и Востока не только придало энциклопедичность историческим познаниям Евгения Михайловича, но и укрепило его представления о единстве мирового исторического процесса, столь четко сформулированные и отстаиваемые в его последней монографии.

Об омском периоде жизни Е. М. Залкинда сохранилось немного свидетельств. Он по-прежнему пользовался среди студентов славой прекрасного лектора, был руководителем научного студенческого кружка «История и литература стран Востока». Являлся председателем профбюро факультета, выступал перед омичами с лекциями от общества по распространению политических и научных знаний. За годы работы в Омском пединституте ему неоднократно объявляли благодарности «за активное участие в культурно-массовой работе среди студентов в группах и общежитии», «за хорошее руководство научно-исследовательской и учебной работой студентов».

Хотелось бы привести выдержки из любопытного документа, датированного октябрем 1954 г., — отчета о работе в колхозе группы студентов, написанного Е. М. Залкиндом. Работа на уборке урожая не только представляла собой неотъемлемый атрибут жизни советского студенчества, но и характеризовала состояние сельскохозяйственного производства в стране. Отмечая, что «обстановка в коллективе была здоровая, настроение бодрое», Евгений Михайлович вместе с тем ярко и образно живописал быт и труд студентов в одном из колхозов Щербакульского района Омской области. «Жилищно-бытовые условия оставляли желать лучшего. Студентам предоставили помещение конторы колхоза, где на каждого человека приходилось не более 1 квадратного метра. Есть приходилось по очереди, спать — вповалку на соломе. Если к этому добавить, что в том же доме стояли лошадь и корова, летали стаи кур и бегали своры собак, а стены и потолок были черны от неисчислимых полчищ мух — то картина будет полной... К сожалению, крайняя антисанитария и плохая обеспеченность студентов теплой одеждой явились источником многочисленных желудочных и простудных заболеваний». Кроме того, по словам автора отчета, «упорную, и в конечном счете успешную, борьбу пришлось вести с грубыми (примерно в 2–3 раза) обсчетами, которые практиковались зав. током при определении выполненной студентами работы. Нельзя не упомянуть о совер-

шенно нетерпимой грубости по отношению к студентам, которая вызывала постоянные, и подчас резкие, протесты со стороны руководителей группы».

В Омске он завершил работу над монографией «Присоединение Бурятии к России», по которой в 1962 г. на Ученом совете Московского университета защитил докторскую диссертацию. В 1967 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Завершение работы над докторской диссертацией совпало с открытием в 1960 г. в Бурятии академического центра, и Е. М. Залкинд получает настойчивые предложения переехать в Улан-Удэ. При этом дирекция Бурятского комплексного научно-исследовательского института предложила забыть прежние «недоразумения», признав, что Евгению Михайловичу пришлось претерпеть целый ряд «неприятностей» в конце 1940-х гг. Не сразу, но в конечном итоге он принимает это предложение, и последующие 16 лет его жизни вновь связаны с Буртией. Он стал старшим научным сотрудником, а в 1967–1970 гг. выполнял обязанности заместителя директора Бурятского института общественных наук СО АН СССР. В 1970–1975 гг. Евгений Михайлович возглавлял сектор этнографии и археологии этого института, а после его упразднения являлся старшим научным сотрудником отдела истории БИОН. Этот период стал, пожалуй, наиболее плодотворным в его научной деятельности. В центре его исследовательских изысканий оказались проблемы социальной структуры бурятского общества и ее эволюции под влиянием русских общественных институтов и русской культуры. Он внес крупный и оригинальный вклад в изучение этногенеза эвенков и бурят, эволюции родовой структуры и обычного права сибирских народов. Результатом многолетних исследований стала монография «Общественный строй бурят в XVII — первой половине XIX в.» (М., 1970), ставшая этапным событием в изучении бурятского общества. Е. М. Залкинд принимал активное участие в создании Бурятского этнографического музея-заповедника, являлся заместителем председателя республиканского общества по охране памятников истории.

Трудно в полной мере оценить работу Е. М. Залкинда в качестве редактора многих научных трудов БИОНа. Под его руководством был составлен первый том «Очерков истории культуры Бурятии» (Улан-Удэ, 1972), он принимал активное участие в подготовке к изданию «Очерков истории культуры МНР» (Улан-Удэ, 1971), оставшихся незавершенными после кончины Г. Н. Румянцева. В справке о проделанной им работе в 1971–1975 гг. Е. М. Залкинд отмечал, что «общий объем редакторской работы за пятилетку равен примерно 150 листам, что приближается

к двухгодичной норме штатного редактора». Кроме того, многие работы своих коллег Евгений Михайлович просматривал, а нередко и редактировал безо всякого оформления, по их личной просьбе, откладывая в сторону собственные исследовательские проекты.

Евгений Михайлович приобрел большой авторитет и уважение в научном мире. Справедливыми представляются слова М. Г. Воскобойникова, заведующего кафедрой языков народов Севера ЛГПИ, обращенные к Е. М. Залкиндy по случаю его пятидесятилетия: «Великим гуманизмом, большой любовью к людям, и в первую очередь к коренным сибирякам, всегда веет от Ваших научных трудов и литературоведческих этюдов. Прямота, честность, иногда даже резковатая, но доброжелательная, — это спутник всех Ваших научных и общественных деяний».

Во многих ситуациях проявлялось такое присущее Евгению Михайловичу качество, как нетерпимое отношение к непрофессионализму и бюрократизму в действиях начальников различных уровней, что нередко создавало для него определенные трудности. Он открыто выступал против «духа консерватизма», насаждаемого в некоторых подразделениях БКНИИ, направлял докладные записки руководству БИОН, в которых резко возражал против сокращения штатов и финансирования возглавляемого им сектора этнографии и археологии.

В январе 1977 г. по приглашению ректора Алтайского государственного университета В. И. Неверова Е. М. Залкинд вместе с супругой Л. Т. Андреевой переехал в Барнаул (врачи порекомендовали ему сменить климат в связи с состоянием здоровья). Вплоть до своей кончины в мае 1980 г. он возглавлял кафедру всеобщей истории. Появление в составе преподавательского корпуса ИФ столь крупного и авторитетного ученого с немалым организаторским опытом, яркой индивидуальностью и огромным жизненным опытом стало большой удачей для факультета. С приходом Евгения Михайловича на кафедре всеобщей истории была поднята планка требований к научной и преподавательской деятельности. Профессор Залкинд быстро вошел в курс дела, хотя старался, по его словам, «не проявить излишней торопливости в решении принципиальных вопросов».

Спустя пять месяцев после начала работы в Алтайском госуниверситете Евгений Михайлович направил ректору записку, в которой дал оценку кадровому составу и уровню учебной и научной работы возглавляемой им кафедры, а также изложил свое видение путей развития кафедры как на ближайшую, так и на более отдаленную перспективу. Эта записка ярко характеризует профессиональные и личностные качества Е. М. Залкинда как руководителя и организатора.

По его мнению, на кафедре всеобщей истории, созданной в 1975 г., сложился вполне работоспособный коллектив, способный решать более серьезные задачи во всех направлениях деятельности университета. Как отмечалось в записке, «наличие на кафедре такого прекрасного лектора и методиста, как доцент А. В. Шестаков, высококвалифицированного лектора А. Е. Глушкова и, позволю себе заметить, автора этой записки способно само по себе оказать влияние на всю ее работу. Кроме того у нас имеются, по-видимому (я не рискую пока высказаться категорически), и другие лекторы, у которых можно поучиться. Только благодарности заслуживают и начинающие преподаватели (А. И. Седельников, Р. Р. Каирбекова), которым пришлось принять на себя в первый год работы в вузе чтение сложных курсов, с чем они, в основном, успешно справились». Вместе с тем, как полагал Евгений Михайлович, на кафедре не хватало двух специалистов — по истории стран Азии и Африки (частично эта проблема решалась за счет увеличения лекционной нагрузки самого заведующего кафедрой) и новой истории. Попытки приглашения кого-либо из сибирских вузов и зондирование почвы через частные каналы в Ленинградском университете не дали положительных результатов (эта ниша впоследствии была заполнена с приходом на кафедру после окончания аспирантуры Томского госуниверситета Л. В. Мониной и О. А. Аршинцевой).

Большую озабоченность Евгения Михайловича вызывало состояние научно-организационной работы на кафедре, что объяснялось «естественной болезнью роста», а не чьими-то упущениями и недоработками. В целях формирования научного коллектива на кафедре Е. М. Залкинд полагал полезным ввести в практику ее работы регулярные выступления с научными докладами, обсуждение и реферирование новейших научных изданий. Размышляя о научных приоритетах кафедры, Евгений Михайлович исходил из того, что «каждый университет должен иметь что-то свое». Он вынес на рассмотрение руководства АГУ предложение, «реализация которого потребует длительного времени, но которое, тем не менее, представляется перспективным», а именно: учитывая изменения, происшедшие в мире, и географическое положение университета, постепенно развивать в нем востоковедное направление. При этом особое внимание надлежало уделять тем проблемам восточной истории, которые связаны с историей Алтая и этнографией этого региона. Здесь возможны, по мнению Евгения Михайловича, стыковка с тематическими планами кафедры истории СССР и кооперирование с исследованиями, проводимыми кафедрой русского языка по топонимике края; в связи с этим в лингвистическом плане приоритет должен

принадлежать тюркологии. Таким образом, Е. М. Залкинд, очевидно, первым в истории АлтГУ поставил вопрос о развитии востоковедных исследований как приоритетного научного направления университета — идея, которая не без трудностей и, к сожалению, весьма неспешно, но приобретает все более зримые очертания.

Касаясь организационных аспектов деятельности возглавляемой им кафедры, Евгений Михайлович ставил перед ректоратом вопрос об увеличении средств на командировки членов кафедры и студентов-дипломантов для работы в центральных библиотеках. Он поднимал вопросы о необходимости закрепления кадров посредством продвижения работников и присвоения им званий, соответствующих их квалификации, а также о создании нормальных жилищно-бытовых условий для нуждающихся в этом. Так, в срочной помощи в улучшении жилищных условий, по его мнению, нуждался А. И. Седельников — «способный и перспективный специалист, очень полезный университету в организации самодеятельности и вообще человек добросовестный и общественно активный». В подобной же помощи нуждался и В. Д. Славнин, семья которого «не имела своего угла». Причем Евгений Михайлович подчеркивал, что ни Седельников, ни Славнин никогда не обращались к нему за помощью в их бытовом устройстве.

Особого упоминания заслуживают редкое мастерство Е. М. Залкинда как лектора и его методический опыт преподавателя высшей школы. В каких бы аудиториях ни выступал Евгений Михайлович, он неизменно оставлял сильное впечатление у слушателей своей яркой, образной, содержательной и вместе с тем легкой для восприятия речью. Это достигалось большой подготовительной работой, накоплением энциклопедических познаний в гуманитарных науках, знакомством с достижениями мировой художественной культуры. На лекциях он почти не пользовался записями, однако сохранившиеся в его архиве конспекты лекций свидетельствуют о серьезных предварительных усилиях в сборе необходимого материала и его осмыслении. Размышления профессора Залкинда о методике преподавания в высшей школе заслуживают отдельного рассмотрения, здесь лишь упомянем некоторые из положений, сохранившихся в его записях.

При разработке лекционного курса главным направлением, по его мнению, являлось «правильное соотношение информативной части лекции и размышлений преподавателя, развитие стержневой идеи, которая должна присутствовать в каждой лекции; обязательное освещение спорных моментов науки; совершенствование лекционного мастерства, воспитание в молодых преподавателях понимания того,

что только увлеченность самого лектора своим предметом может вызвать ответную реакцию слушателей». Первостепенное значение Евгений Михайлович придавал совершенствованию форм практических занятий со студентами, в частности, пропагандировал (и проводил на нашем курсе) занятия «типа лабораторных», посвященные разбору документальных источников, чтобы привить студентам навыки анализа первоисточников. Кроме того, он ратовал за включение в планы семинаров тем, способствующих расширению кругозора студентов, преимущественно по истории культуры. Оригинальной была и методика проведения экзаменов, практикуемая им. Евгений Михайлович полагал, что машинный способ (т.е. посредством ЭВМ) проверки знаний мог быть полезным при текущей проверке самостоятельной работы студентов, но «совершенно неприемлем при экзаменах по гуманитарным дисциплинам, когда важно выяснить, как студент мыслит, насколько глубоко он понимает предмет». Вместо традиционного опроса по билетам Е. М. Залкинд проводил экзамен в порядке живой беседы по теме, выбранной самим студентом, причем беседа велась без предварительной подготовки. После основного ответа экзаменатор предлагал несколько дополнительных вопросов, как на понимание проблематики курса в целом, так и более узких — на конкретное знание материала.

Можно с уверенностью сказать, что профессор Залкинд любил работать со студентами. В них он ценил и поощрял способность к самостоятельным размышлениям. В отчете заведующего кафедрой всеобщей истории за 1978 г. были отмечены следующие студенты: В. Бородаев¹, имеющий публикации по археологии, Е. Глушанин² и Ю. Чернышов³, исследующие сложные проблемы периода античности, О. Курныкин⁴, разрабатывающий трудную историографическую тему.

В барнаульский период Евгений Михайлович приложил немалые усилия для подготовки серьезного научного издания — коллективной

¹ В. Б. Бородаев — сейчас научный сотрудник лаборатории исторического краеведения АлтГПА, автор многочисленных публикаций по истории и краеведению Алтая.

² Е. П. Глушанин — впоследствии доктор исторических наук, профессор, блестящий специалист по истории поздней античности и ранней Византии. Безвременно скончался в 2006 г.

³ Ю. Г. Чернышов — в настоящее время доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, кандидатская и докторская диссертации были посвящены социальным утопиям Древнего Рима.

⁴ О. Ю. Курныкин — сейчас кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, кандидатскую диссертацию защитил по истории национально-освободительного движения в колониальной Индии.

монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», членом редколлегии и одним из ведущих авторов которой он являлся. Здесь же, в Барнауле, он завершил свой многолетний труд — «Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе», однако эта монография так и не была опубликована.

К большому сожалению, барнаульский этап в жизни Е. М. Залкинда оказался печально кратким. Однако таков был масштаб личности этого человека, что, проработав столь непродолжительный срок в Алтайском госуниверситете, он оставил глубокий след в становлении исторического факультета. Блестящий лектор, умевший ярко и доступно изложить самый сложный исторический материал, Евгений Михайлович пользовался неизменным уважением и почитанием в студенческой среде. Большую помощь он оказывал молодым исследователям, щедро делясь с ними накопленными историческими знаниями, идеями, архивными материалами, руководил работой аспирантов. Много сил и времени уделял редактированию многочисленных монографических работ, коллективных трудов, сборников научных статей. Научное наследие Е. М. Залкинда весьма значительно и включает более 70 научных трудов, в том числе три монографии, ряд глав и разделов в коллективных изданиях.

Поражает многогранность личности и увлечений Евгения Михайловича. Одним из таких неизменных его увлечений оставались шахматы. Он не без успеха принимал участие в шахматных турнирах городского или регионального масштаба там, куда его забрасывала судьба. В 1951 г. ему, выступавшему за команду Ленинградского дома ученых, был присвоен первый спортивный разряд по шахматам. Принимал участие в первенстве Омска по шахматам, после переезда в Барнаул играл за команду АГУ. Незадолго до кончины участвовал в товарищеской встрече по шахматам между преподавателями и студентами университета. На факультете шахматные турниры между профессорами А. П. Бородавкиным и Е. М. Залкиндром обростали легендами.

Евгений Михайлович был великолепным знатоком и тонким ценителем русской и мировой поэзии, с юношеских лет сам увлекался стихосложением. В его архиве сохранилась подборка написанных им стихов, свидетельствующая об определенной поэтической даровитости. Он был мастером составления поэтических экспромтов и эпиграмм.

У Евгения Михайловича были большие планы научной и организаторской работы в Алтайском госуниверситете. Он был инициатором предложения о подготовке к изданию «Очерков истории культуры Алтая». Незадолго до своей кончины он в ответ на просьбу редакции жур-

нала «Полярная звезда», выходившего в Якутске, дал согласие на составление рецензии на монографию В. Н. Иванова «Русские ученые о народах Северо-Востока Азии». В свою очередь, он предлагал редакции написать очерк о юмористическом журнале «Взгляд и нечто», выходившем в Якутске в годы Первой мировой войны, с приведением наиболее удачных напечатанных там поэтических произведений. Осуществить эти и многие другие планы Евгений Михайлович уже не успел.

Характерными чертами Евгения Михайловича как ученого были высокий профессионализм, редкая работоспособность и добросовестность, виртуозное владение приемами научной полемики, сочетавшиеся с удивительной скромностью и самоиронией. Он хорошо, насколько это было возможно для советских исследователей, ориентировался в специальной зарубежной литературе, владея английским, французским (чтение без словаря), немецким, испанским (чтение со словарем) языками. Научные тексты Е. М. Залкинда отличаются великолепным стилем, свидетельствующим о высокой культуре автора. Интеллигентность, личностное обаяние и деликатность, свойственные Евгению Михайловичу, позволяли создать на кафедре атмосферу доброжелательности, уважения друг к другу и творческой самореализации.

В память о Е. М. Залкинде на историческом факультете АлтГУ периодически проходят научные чтения, издаются сборники статей и материалы конференций, учреждена именная стипендия Ученого совета для студентов, отличившихся в научно-исследовательской деятельности в области востоковедения.

Ю. Г. Чернышов

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗАЛКИНД — ЧЕЛОВЕК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ

Участвуя в подготовке этой книги к изданию, я внимательно прочитал весь текст. Это чтение хорошо напомнило о том, как в далеком 1978 г. Евгений Михайлович преподавал нам, студентам исторического факультета АГУ, спецкурс по данной теме. Хотелось бы рассказать о некоторых воспоминаниях, связанных с этим замечательным человеком.

Он был, несомненно, очень интересной и неординарной личностью. Интеллигентный, вежливый, широко эрудированный, обладавший огромным жизненным опытом, демократичный и всегда уважительно относившийся к другим мнениям. Он ходил по университетским коридорам и лестницам прихрамывая, опираясь на трость. Своими академично-свободными манерами напоминал дореволюционного профессора. На переменах, выйдя из аудитории, курил в холле, аккуратно стряхивая пепел в заранее припасенную коробочку. Некоторые особенно активные студенты пристраивались к нему курить, параллельно обсуждая темы прослушанной лекции. Они стряхивали пепел туда же. И он их не прогонял — напротив, оживленно обо всем беседовал, тонко шутил. Хорошо запомнился его внимательный и какой-то грустно-иронично-доброжелательный взгляд, которым он всегда встречал собеседников.

Чувствовалось, что в жизни у него было немало тяжелых моментов. Достоверно тогда ничего известно не было. Говорили, что он пережил блокаду в Ленинграде, работал в ЛГУ, где учился у таких известных ученых, как Е. В. Тарле, Н. И. Конрад, В. Г. Богораз-Тан. Но потом из-за «вольномудства» и «неправильного происхождения» вынужден был отправиться в Сибирь. После работы в Бурятии переехал на Алтай в 1977 г. В АГУ он занимал должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Никогда не стремился «сделать карьеру» через следование политической конъюнктуре.

Очень характерен такой эпизод, ставший известным недавно благодаря архивным документам (см. статью О. Ю. Курныкина).

В 1939–1940 гг. Е. М. Залкинд в составе комиссии находился в командировке в Забайкалье для сбора материалов буддийских монастырей, закрытых властью. Монастыри к этому времени были буквально разгромлены: святыни разбиты, книги валялись на земле. Остальные члены этой комиссии (очевидно, исходившие из пропагандируемой тогда установки, что «религия — опиум для народа») стремились как можно больше предметов культа «сдать в утиль». С огромным трудом Е. М. Залкинду удалось тогда добиться сохранения хотя бы всех книг.

Кстати, в июле этого года мне довелось побывать на конференции в Бурятии. При посещении дацана в Улан-Удэ нельзя было не обратить внимание, с какой заботливостью и любовью местные жители пытаются восстановить все то, что 70 лет назад было варварски разрушено. Сейчас наступило время «собирать камни», но, к сожалению, из камней теперь можно возвести только «новодел». Но самое ценное — книги — все же осталось. Это хороший повод задуматься, а стоит ли бездумно торопиться «разбрасывать камни», даже если в какой-то момент этот курс могут объявить «официальным курсом партии и правительства»?

Е. М. Залкинд поступил тогда как настоящий интеллигент — не плывя по течению, а руководствуясь собственным разумом и совестью. За такую роскошь ему потом пришлось не раз расплачиваться. И все же он на всю жизнь сохранил в себе этот внутренний стержень — служил не чиновникам или партии, а науке. Практически все, кому довелось у него учиться, вспоминают о нем с теплом и огромным уважением — как настоящего Человека и настоящего Профессора.

Спецкурс, который он нам читал, был, очевидно, построен на материалах именно этой книги. Впрочем, это было не заурядное «чтение лекций», а скорее рассказывание и рассуждение, диалог и беседа. Прямо перед студентами разворачивалась солидная исследовательская «кухня». Приводились и сопоставлялись разные факты из истории Запада и Востока. Цитировались разные мнения ученых, а затем шел их детальный критический разбор, взвешивались все аргументы «за» и «против».

Очень характерно, что Евгений Михайлович старался не определять исход поиска истины какими-то абстрактными схемами или личными симпатиями и антипатиями. Так, например, в целом весьма критично воспринимая концепцию С. Е. Толыбекова¹, он вполне мог поддержать этого автора, если по какому-то вопросу его аргументы

¹ Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1959; *Он же*. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971.

представлялись разумными. И напротив, очень уважительно относясь к исследованию Б. Я. Владимирцова², он, тем не менее, мог констатировать объективно присущие ему некоторые «недоработки». Следы такого подхода хорошо видны и в этой книге.

О его отношении к студентам как коллегам хорошо говорит эпизод, который запомнился мне на всю жизнь. Слушая спецкурс и, очевидно, пропитавшись исходящим от лектора пьянящим духом свободы критики, я вдруг обратил внимание, что один аспект темы в спецкурсе рассматривается явно не полно. Дело в том, что Евгений Михайлович вполне в традициях отечественной историографии того времени при анализе феномена феодализма уделял основное внимание «базисным», а не «надстроечным» явлениям. В очень дискуссионном вопросе о том, был ли у монголов сложившийся феодализм к XIII в., главные аргументы черпались из экономической сферы (вопросы о собственности на скот, на землю и т. д.). И очень мало говорилось, например, о тех переменах в религиозной сфере (и в целом в менталитете), которые могли быть косвенно связаны с генезисом феодализма и развитием феодальных отношений.

Где-то в середине курса я задал Евгению Михайловичу вопрос на эту тему. Он кратко ответил в том духе, что бывают всякие исключения и религия здесь не показатель. Занимаясь историей христианства, я как раз интересовался в это время вопросом о том, каковы объективные причины того, что у многих народов мира происходило принятие «мировых религий» именно на стадии формирования феодальных отношений. Случай с «монгольским феодализмом» полностью выбивался из этой тенденции: если допускать, что этот феодализм (пусть даже в «ранней» форме) сложился уже к XIII в., то почему общество продолжало довольствоваться шаманизмом, а мировая религия в лице буддизма была принята только после XVI в.? При этом некоторые авторы высказывались на данную тему гораздо более определенно. Так, по И. Я. Златкину, процесс феодализации Монголии начался еще в первые века н.э. Государство киданей (империя Ляо, X–XII вв.) относится уже к типу раннефеодальных, а после реформ Чингисхана «феодальные производственные отношения получили силу закона и стали определяющими»³.

² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

³ Златкин И. Я., Рошин С. К. Монгольская Народная Республика // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 619.

Для прояснения этого вопроса пришлось поднять дополнительную литературу по религиоведению и истории Востока. Результатом стало написание 6-страничной записки¹, в которой достаточно дерзко подвергалось сомнению суждение лектора о том, что «религиозные» и вообще «надстроечные» аргументы не могут быть серьезным доводом в этом вопросе. Отмечалось, что в литературе иногда встречаются иные подходы. Так, например, в известной книге В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» указывалось: «Можно сказать, что буддизм при всех различиях эпох и условий различных стран везде выступал в качестве провозвестника средневекового общественного устройства, средневекового образа жизни и мышления. В этом — общее между ним и такими же мировыми религиями — христианством и исламом»². В конце записки, переданной Е. М. Залкинд, высказывались предположения, какие реальные тенденции в изменении менталитета монгольского общества, вероятно, происходили в течение данного периода.

Записка была передана Евгению Михайловичу незадолго до окончания лекций. Некоторые сокурсники ждали, какова же будет «месть» преподавателя за эту критику. Однако он, зайдя в аудиторию, сразу сказал, что записка порадовала его использованием специальной литературы и серьезной аргументацией, поэтому ее автор без экзаменации получает «автомат». А спустя два года еще одной «мечью» Евгения Михайловича стала его рекомендация на продолжение учебы в ленинградской аспирантуре.

Кстати, в ЛГУ о нем тоже оставалась хорошая память. Его рекомендация была очень уважительно встречена профессором Э. Д. Фроловым. В мае 1980 г. пришло известие о смерти Е. М. Залкинда. Всем, кто его знал, было очень горько от сознания того, что этого человека мы никогда больше не увидим. К сожалению, не очень повезло с сохранностью его бумаг. Рассказывают, что новый хозяин квартиры, главный редактор партийной газеты, едва вселившись, просто выбросил все бумаги на свалку. Однако кое-что коллеги все-таки смогли спасти. Но и это пролежало многие годы без движения в архиве.

Добрая память о Евгении Михайловиче осталась везде, где он жил и работал — не только на Алтае и в Санкт-Петербурге, но и, в частности, в Бурятии. На его научно-популярные статьи и региональные

¹ Текст этой записки недавно был обнаружен коллегой О. Ю. Курныкиным среди материалов личного фонда Е. М. Залкинда, хранящегося в Государственном архиве Алтайского края (Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 66).

² Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 248–249.

исследования до сих пор там часто ссылаются. А недавно в Интернете удалось найти указание о том, что столетний юбилей этого ученого включен в план официальных мероприятий (утверждено приказом Министерства культуры Республики Бурятия от 30 декабря 2011 г. № 003–684)³.

Архивные документы⁴ рассказывают о том, что в последние годы жизни Евгения Михайловича его труды были по достоинству оценены и за рубежом. 6 июня 1978 г. ему было направлено письмо из Франции, из Лаборатории этнологии и сравнительной социологии Центра монголоведных исследований Университета Париж X. Автор, известный монголовед Роберта Амайон (Roberte Hamayon)⁵, писала: «Господин профессор. Редакционный комитет нашего альманаха „Монголоведные исследования“⁶, весьма заинтересованный Вашей книгой „Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX в.“, опубликованной в Москве в 1970 г. <...>, выразил желание издать ее французский перевод в виде специального номера альманаха. Я сама обеспечу перевод; выпуск предполагается в начале 1979 г. Я сейчас обращаюсь к Вам с просьбой дать свое согласие, чтобы приступить к этому переводу и к этой публикации, которая будет в большой степени способствовать

³ Государственное задание Государственному автономному учреждению культуры Республики Бурятия «Национальная библиотека Республики Бурятия» на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг. URL: http://minkultrb.ru/ministry/documentation/gs_nacbibl.docx

⁴ ГААК. Ф. 1775. Оп. 1. Д. 52. Л. 56.

⁵ Сведения о ней в Википедии: «Роберта Амайон (фр. *Roberte N. Hamayon, Nicole-Roberte Hamayon*; р. 1939) — французский филолог, антрополог, монголовед. С 1974 года почетный директор Научно-исследовательской Практической школы высших исследований (EPHE) по секции религиозных наук (Религии Северной Азии). Область ее исследований — шаманизм, традиционные религиозные субстраты автохтонных народов Сибири и Монголии. Известна как организатор, преподаватель, подготовивший ряд ученых, а также использованием передового научного инструментария по отношению к изучению Востока. Получив образование в области лингвистики и этнологии в Сорбонне в 1958 году и изучив русский язык в *École des Langues Orientales* в 1964 году, Роберта Амайон получила первую докторскую степень в Университете Париж VII в 1973 году за «Элементы монгольской грамматики» (*Dupod*, 1976, в соавторстве с М. L. Beffa) и вторую докторскую степень в Университете Париж X в 1988 за исследование монгольского шаманизма, опубликованное в 1990 под названием «*Esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*». В 1970 году она основала в Парижском университете X Центр Изучения Монголии и Сибири и его журнал, *Études mongoles et sibériennes*. Регулярно участвовала в экспедиционной работе в Монголии, Сибири и Северном Китае». Амайон, Роберта. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EC%E0%E9%EE%ED,%D0%EE%E1%E5%F0%F2%E0>

⁶ Сайт данного издания: <http://emscat.revues.org/> Список выпусков: <http://www.base-juniper.org/?q=node/1623>

ознакомлению с чрезвычайно интересной историей бурятского общества, увы, совсем не известной во Франции, а также с Вашим произведением». Согласие на перевод книги Евгений Михайлович дал. Работа по переводу была начата, но ее не успели завершить при жизни ученого. Последнее письмо от Роберты, в котором она желает ему выздоровления и с сожалением сообщает, что перевод затягивается из-за больших объемов другой работы, было датировано 2 апреля 1980 г.

Хочется верить, что выход в свет данной книги поможет сохранить светлую память о Евгении Михайловиче — очень достойном человеке, талантливом преподавателе и серьезном ученом.

Т.Г. Мальцева

ЛИЧНЫЙ ФОНД Е. М. ЗАЛКИНДА В КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ»

В 2002 г. в государственный архив Алтайского края (далее — ГААК) поступили документы выдающегося ученого-востоковеда, крупного специалиста по истории Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии, доктора исторических наук, профессора Алтайского государственного университета Евгения Михайловича Залкина (Ф. Р-1775) от его племянницы С. Н. Мироновой. Позднее, в 2006 г. было принято новое поступление — передан к описанию еще 71 документ. В результате научно-технической обработки документов было сформировано 99 ед. хр. с материалами, отражающими научную, творческую, преподавательскую и общественную деятельность фондообразователя.

Документы личного фонда Е. М. Залкина были систематизированы по следующей схеме:

- I. Материалы научной деятельности Е. М. Залкина.
- II. Творческие материалы Е. М. Залкина.
- III. Материалы о Е. М. Залкине.
- IV. Переписка.
- V. Материалы к биографии Е. М. Залкина:
 - 1) личные документы;
 - 2) документы служебной и общественной деятельности Е. М. Залкина.
- VI. Материалы, собранные Е. М. Залкиным по интересующим его темам.
- VII. Фотодокументы.
- VIII. Материалы Л. Т. Андреевой — жены Е. М. Залкина.
- IX. Материалы разных лиц, отложившиеся в фонде.

В первом разделе документы систематизированы по номинальному принципу: монографии, диссертации, статьи, подготовительные материалы к научным исследованиям (тетради с архивными выписками),

творческие документы преподавательской деятельности (планы лекций, программы курсов). В конце раздела помещена автобиография. С нее и хотелось бы начать обзор документов о жизни и деятельности талантливого ученого и педагога, широко эрудированного и остроумного рассказчика, доброжелательного собеседника и опытного организатора научных исследований Е. М. Залкинда.

В автобиографии, которую составил Евгений Михайлович в 1957 г., будучи доцентом кафедры всеобщей истории Омского педагогического института, в кратких очерках о своей деятельности в ленинградской редакции детской литературы в начале 1930-х гг. и очерке «Моя жизнь» за скупыми сведениями просматривается сложная и насыщенная событиями жизнь, которая во многом была присуща представителям поколения начала XX в. Здесь и упоминания о неоднократных ссылках отца-большевика, который, по словам родственников и товарищей, «был человеком редкой чистоты и кристальной честности», и сведения о родной сестре отца, единственной из всей родни получившей образование: «...женщина редкой доброты, она пользовалась большой популярностью в захолустном тогда Таганроге, так как была акушеркой. Погибла от пули гитлеровцев». Отец Е. М. Залкинда много занимался самообразованием, оставшаяся после него небольшая библиотека свидетельствовала о серьезном интересе простого бухгалтера к философии, социальным и экономическим дисциплинам... По обрывочным сведениям о предках по линии отца и матери, которые зафиксированы в записях Евгения Михайловича в его архивном фонде, чувствуется огромная теплота, с которой он передает эти крупницы семейных рассказов и преданий. Впоследствии они повлияли на становление его как гражданина и ученого: «Я появился на свет, когда мой отец отбывал очередную ссылку в Усть-Сысольске, на территории нынешней Коми АССР. Мать приехала к нему с грудным ребенком, моим старшим братом, совершив нелегкое в ее положении путешествие по северным рекам. За месяц или два до моего рождения она вернулась в родной Ростов. Эти обстоятельства, как мне кажется, наложили отпечаток на всю последующую мою жизнь. Во-первых, я до сих пор не могу решить вопрос: южанин я или северянин. И, вероятно, именно по этой причине меня равно волнуют и заросшие суровым лесом сибирские сопки и пирамидальные тополя затерявшихся в степи казахских аулов. Во-вторых, это первое путешествие зародило во мне страсть к перемене мест. И, наконец, я испытываю законную гордость от сознания, что царизм обрек меня на пребывание в местах не столь отдаленных еще в утробном состоянии...»¹.

¹ ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.

С иронией он также описывает свое краткое пребывание в редакции ленинградского отделения «Молодой гвардии», а позднее — издательства детской литературы, возглавляемой С. Я. Маршакom: «Так как С. Я. Маршак славился умением подбирать талантливых сотрудников, спешу защитить его доброе имя оговоркой, что за мое пребывание на ниве детской литературы он не несет никакой ответственности. Я пришел туда двадцатилетним парнем в качестве редактора-североведа по изданию детских книг на языках народов Севера и через год покинул редакцию, отправившись в многомесячную экспедицию за Байкал летом 1934 г.»²

Возвращаясь к материалам научной деятельности Е. М. Залкинда, отложившимся в архивном фонде, хотелось бы отметить наличие в них монографий, диссертаций, статей, подготовительных материалов к научным исследованиям (тетради с архивными выписками), творческих документов преподавательской деятельности (планы лекций, программы курсов), вырезок из газет «Бурят-Монгольская Правда», «Правда Бурятии», «За науку в Сибири», «Статистическое обозрение Сибири», списков основных трудов, текстов радиопередач по истории Бурятии для школьников, дневников и отчетов с записями об экспедициях, выписок из книг, картотек документов по истории средних веков и др.

С конца 1953 г. по 1960 г. Е. М. Залкинд работал в Омском государственном педагогическом институте, где он завершил свою диссертацию, которую защитил по опубликованной монографии в 1962 г. на Ученом совете Московского государственного университета. Эта работа под названием «Присоединение Бурятии к России» (Улан-Удэ, 1958) получила высокую оценку специалистов и явилась основой диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Изучение общественных отношений бурят-монголов становится в центре его научных изысканий. В монографии «Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в.» (М., 1970) исследованы социальная структура бурятского общества, родовые и семейные отношения, улусная община, имущественное расслоение и формы эксплуатации. На базе архивных документов автор обосновывает концепцию о развитии феодализма в Бурятии и его особенностях, сложившихся в результате синтеза бурятских и российских общественных институтов. Это исследование отличается многоплановостью и богатой источниковой базой. Здесь дается полная картина освоения русскими Восточной Си-

² ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 41. Л. 10.

бири, «братской землицы», показано историческое значение включения Бурят-Монголии в состав Русского государства, что в конечном итоге обеспечило и ускорило формирование единой бурят-монгольской народности. К сожалению, в архивном фонде имеется только одна глава из этой диссертации¹. В другой работе, диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Опыт исследования этногенезиса и общественного устройства восточных эвенков (тунгусов)», прослеживается богатейший архивный и полевой материал по истории баргузинских эвенков, а также прилагаются словарь киданьского языка и этимология названия «эвенки-тунгусы»².

Исследователи научного наследия Е. М. Залкинда не раз отмечали его приверженность к эмпирическим изысканиям, когда история одного народа (бурят-кочевников) вписывается в общий ход всемирно-исторического процесса благодаря гармоничному сочетанию конкретного исторического исследования и теоретического обобщения.

В конце 1937 г. Е. М. Залкинд поступил в докторантуру Института востоковедения Академии наук СССР. В 1939 г. он был назначен научным сотрудником экспедиции Института востоковедения АН СССР с целью обследования дацанов Бурят-Монгольской АССР, в 1940 г. являлся начальником экспедиции по сбору коллекций из имущества бывших буддийских монастырей Бурят-Монгольской АССР и Агинского национального округа Читинской области, где им был собран интересный материал по этнографии и общественному устройству восточных эвенков, а также по обследованию сельскохозяйственных артелей, коммун и дацанов Бурят-Монгольской АССР. В архивном фонде отложились уникальные материалы по этим экспедициям, в основном это дневниковые записи, которые могут быть любопытны и сегодня, так как в них зафиксированы не только элементы материальной и духовной культуры жителей региона, но и их менталитет, способность адаптироваться в новых условиях хозяйствования. Здесь же имеются фотоснимки Агинского дацана, подвергнувшегося разрушениям в 1939 г.³

Говоря о научной деятельности Е. М. Залкинда, нельзя не сказать о нем как о педагоге, умело сочетающем работу ученого и просветителя в деле познания молодыми людьми истории родного края. Сохранились тексты цикла радиопередач по истории Бурятии и Восточной Азии для школьников под общим названием «Изучай свой край», подготов-

¹ ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 5.

² Там же. Д. 6.

³ Там же. Д. 3, 32, 33.

ленных в 1945–1946 гг., которые поражают не только глубоким познанием в области истории и культуры региона, но и оригинальной подачей материала. Остается только позавидовать бурятским школьникам, которые имели возможность слышать увлекательные рассказы кандидата исторических наук Е. М. Залкинда о природе, древних легендах бурят-монголов, эвенков и др.⁴

Многие, кому посчастливилось учиться у Евгения Михайловича, до сих пор помнят его методику проведения экзаменов по истории в форме собеседования, когда можно было определить общий уровень понимания вопроса, определить «потолок» студента. Понятно, что это требовало большой подготовки экзаменуемого⁵.

Существенный объем составляют документы по работе в различных архивах Советского Союза. Это тетради с выписками из документов архива АН СССР по истории Сибири и Востока (1948), архива Института истории АН СССР по истории Сибири и Востока XVII в. (1948), рукописного отдела Института востоковедения АН СССР по истории Востока XIX в., рукописного отдела Бурятского государственного института истории, языка, литературы и искусства по истории Бурятии XIX — начала XX в., архива Бурят-Монгольской АССР по истории Бурятии XVI — начала XIX в., Иркутского областного архива по истории Иркутской губернии XIX в. и др.⁶

Наряду с архивными в личном фонде Е. М. Залкинда отложились многочисленные выписки из книг известных ученых, выдающихся общественных деятелей, чьи научные интересы или деятельность так или иначе соприкасались с интересами Е. М. Залкинда (Бартольд, Львов, Клеменц, Хангалов, Европеус, Талько-Грынцевич, Асалханов, Иванов, Кюхельбекер, Потапов, Сердобов, Уманский)⁷. Среди них работы по истории Забайкалья и Иркутской области, антропологии и этнографии, истории якутов, алтайцев и тувинцев.

Особую группу документов составляют тезисы, планы лекций, программы, списки источников и литературы по истории средних веков и новой истории Востока. Среди них: «Международные отношения в XI–XV вв.», «Китай в годы революции и мировой войны», «Средневековая культура славянских народов Византии» и др.⁸

⁴ ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 14.

⁵ Там же. Д. 12.

⁶ Там же. Д. 15. Л. 21.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 24, 87, 95.

⁸ Там же. Д. 34. Л. 40.

Нельзя не сказать о теме, которую Е. М. Залкинд разрабатывал в последние годы и которой посвятил работу «Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе»¹. Это проблема формирования и развития феодальных отношений у кочевников, которую он сформулировал в 1974 г. Работа ученого получила высокую оценку коллег².

Отдельную группу документов составляют материалы о Е. М. Залкинде с отзывами на диссертации и книги ученого, статьи и заметки, воспоминания коллег по работе³.

Нам, кому посчастливилось общаться с Е. М. Залкиндом в его бытность заведующим кафедрой всеобщей истории Алтайского госуниверситета, особенно дороги документы о его работе на Алтае. Среди них докладная записка ректору Алтайского государственного университета В. И. Неверову, где дается объективная характеристика сотрудников кафедры, как опытных ее представителей, так и начинающих преподавателей, делается акцент на необходимости привлечения дополнительных специалистов. Самыми любопытными в документе являются соображения ученого по совершенствованию лекционной работы, ее методики, а также активизации практических занятий студентов. Особое внимание автор уделяет координации работы алтайских вузов в области археологии и этнографии. Говоря о стабилизации преподавательского состава кафедры, Евгений Михайлович заостряет внимание ректора на создании нормальных жилищно-бытовых условий для некоторых талантливых преподавателей. Сегодня вызывают удивление и восхищение планы работы кафедры всеобщей истории, где находилось место для работы кружка по всеобщей истории, обсуждения статей, диссертаций и рукописей коллег, докладов о новейшей литературе по истории стран Востока и Америки. Коллектив кафедры жил интересной и насыщенной жизнью. В документах отложились материалы о дипломных работах первого выпуска исторического факультета АлтГУ. Сегодня это ценнейший материал не только о научных интересах будущих педагогов и ученых, но и в целом об атмосфере в университете конца 70-х гг. прошлого века⁴.

В разделе «Материалы, собранные Е. М. Залкиндом по интересующим его темам» содержатся вырезки из газет на русском и бурятском языках (1947–1980), документы о праздновании 300-летия вхождения Буря-

¹ ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 92.

² Там же. Д. 98.

³ Там же. Д. 44. Л. 46, 98.

⁴ Там же. Д. 71.

тии в состав России (1959), вырезки из газет «Morning star», «Daily World» и других на английском, немецком и французском языках⁵. Здесь же хранится протокол объединенного заседания кафедры археологии Ленинградского госуниверситета, сектора Средней Азии и Кавказа Института археологии Академии наук по обсуждению рукописи А. В. Давыдовой «Иволгинское городище (по материалам восьмилетних раскопок)», в котором участвовали всемирно известные ученые: М. Грязнов, Л. Гумилев, Р. Итс и другие. Документ имеет практическое значение, являясь примером проведения заседания научного сообщества⁶.

Особый колорит несут документы личного характера, а также творческие материалы, стихи, пародии, материалы туристической поездки в Китай, переписка, фотодокументы, биографические материалы, сведения об участии в шахматных турнирах⁷. В них ученый раскрывается совершенно с иной стороны: ироничный, с тонким чувством юмора, «талантливый и трудолюбивый исследователь, чьи интересные и содержательные лекции вызывали у студентов стремление к изучению исторической науки, помогали постигать тайны исследовательского труда, быть гармонично развитым человеком»⁸.

⁵ ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 74. Л. 82.

⁶ Там же. Д. 77.

⁷ Там же. Д. 42, 43, 66, 88, 89, 96, 99.

⁸ Там же. Д. 96.

Е. М. Залкинд

ОЧЕРК ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Предисловие

Задача, поставленная автором предлагаемого читателю очерка, заключалась в том, чтобы связать материалы, накопленные по истории феодализма в кочевом обществе, с современной теорией медиевистики.

В последние годы проблема взаимоотношения Востока и Запада, в широком плане поставленная в блестящих трудах академика Н. И. Конрада, привлекает к себе все большее внимание¹. В советской науке утверждается концепция единства мирового исторического процесса, отвергающая искусственное разделение человечества на два региона, обладавших якобы принципиально отличными чертами и в социальном, и в культурном развитии. Не отрицая весьма значительной специфики, вследствие которой на разных этапах истории то одна, то другая часть света опережала другую, советские историки подходят к выводу, что основные исторические закономерности были едины. Правда, дискуссия об азиатском способе производства как особой формации, присущей только Востоку, то затухая, то вспыхивая с новой силой, все еще продолжается, но ряды защитников этой теории явно слабеют.

Общая прогрессивная тенденция заключается в сближении истории Запада и Востока, в освобождении последней от наслоений, оставшихся в наследство от старой историографии, выросшей на апологетизации Европы, рассматривавшейся как эталон, отклонения от которого трактовались как особенности. И востоковеды, и историки Запада при решении теоретических вопросов все в большей степени обращаются к прошлому не только тех стран, которые являются основным объек-

¹ Последним словом в этой области является книга: Никифоров В. И. Восток и мировой исторический процесс. М., 1975.

том их исследования, но и к взаимно аналогичным явлениям в других частях света.

Пока мы находимся еще в начале пути, который принес уже новые идеи и научные выводы и обещает много больше в будущем. Но вполне естественно, что при решении больших, глобальных вопросов еще не уделяется внимание некоторым важным проблемам более частного значения. В числе их находится и интересующая нас проблема — генезис феодализма в кочевом обществе, пока еще очень мало связанная с общемировым историческим процессом, исследуемая только в монографическом плане в связи с историей отдельных кочевых обществ. Единственное исключение составляет дискуссия о том, земля или скот являются основным средством производства у кочевников, растянувшаяся на долгие годы и отвлекающая силы от исследования других аспектов проблемы. Поэтому неудивительно, что и в общих трудах обращение к истории кочевого общества является редким исключением. Данная работа и является попыткой в какой-то мере заполнить этот пробел, определить, насколько специфичны социальные институты кочевников, образуют ли они отличный от оседлых народов тип генезиса феодализма или представляют лишь вариант одного из известных нам в истории последних.

Поскольку речь идет о типологии феодализма, необходимо было определить отношение к существующим схемам, чтобы потом говорить о соответствии кочевого общества одному из типов, установленных для оседлых народов. Так как история кочевников протекала в основном на Востоке, то неизбежным стало выяснение отношения автора к проблеме Восток — Запад. Без такого обзора все рассуждения о генезисе феодализма у кочевников оказались бы, естественно, недостаточно фундированными.

Разумеется, наша частная задача не требовала глубокого погружения в многочисленные темы, возникающие при освещении всей суммы вопросов, касающихся типологии феодализма вообще и соотношения социальных форм, сложившихся на Востоке и Западе. Обсуждение их имеет длительную историю, литература огромна, и анализ ее дан в специальных работах. Попытка охватить всё могла увести нас далеко от основной темы, которая потонула бы в море гораздо более широких проблем. Поэтому, учитывая вводный характер соответствующих глав, мы ограничились привлечением только самого необходимого минимума источников и пособий, отдавая предпочтение новейшим трудам и материалам последних дискуссий по истории восточного и западного феодализма, не углубляясь в историографию и не задерживаясь на бо-

лее частных вопросах. Десятки затронутых в этих главах проблем могли бы послужить темой специального исследования. Для многих из них такие исследования имеются, и мы могли воспользоваться их выводами. Конечно, такое самоограничение не исключало обязательности критического подхода к этим выводам и самостоятельности трактовки.

Исследование конкретных черт процесса генезиса феодализма у кочевых народов основывается главным образом на материалах Монголии. Ознакомление с литературой по истории кочевников, стоящих на разных ступенях феодального развития, показывало, что Монголия является для кочевого общества феодальной эпохи таким же эталоном, или наиболее совершенной моделью, какой для европейского феодализма служит франкское королевство, а для генезиса капитализма — Англия. Отсутствие элементов оседлого быта, относительная изолированность, исключаящая существенный синтез, сложение единого государства, сравнительная краткость периода утверждения феодальных отношений — все это выгодно отличает Монголию в качестве объекта изучения от других кочевых народов, у которых феодализм проявляется в не столь закономерных формах и часто если и не носил синтетического характера, то складывался под сильным влиянием более развитых народов, либо завоеванных ими, либо подчинивших их своему влиянию.

К тому же монгольский феодализм изучен, благодаря академику Б. Я. Владимирцову и его последователям, значительно лучше, чем любой другой. А так как мы не ставили перед собой задачу скрупулезных поисков данных, которые позволили бы уточнить какие-либо детали или обнаружить новые нюансы отдельных социальных институтов, то такая изученность существенно облегчила работу. Главное заключалось для нас в новом прочтении уже накопленных материалов, в сравнительном анализе основных, определяющих черт феодализма кочевых и оседлых народов. Такая задача требовала постоянного обращения к аналогичным явлениям, иногда в очень широком географическом диапазоне. Но, как, надеемся, убедится и читатель, заключения строятся не на методе аналогии, а на сравнительно-историческом анализе, так как сравниваются и сопоставляются явления и институты не просто похожие по своим внешним проявлениям (а таких в истории человечества великое множество), но возникающие на одинаковой стадии общественного развития и обусловленные общими социально-экономическими предпосылками.

В исторической науке допустимы и необходимы исследования двух типов: частные, опирающиеся на тщательный анализ источников, охва-

тывающие всю сумму фактов, характеризующих изучаемое явление, и обычно ограниченные определенными хронологическими рамками, и более широкие, обзорного характера, обобщающие накопленный материал и пытающиеся дать ему теоретическое осмысление. Нет надобности говорить, что предлагаемый очерк относится к числу последних.

Работа несколько полемична. В литературе вопроса наблюдаются иногда две противоположные, но в равной мере не соответствующие истине тенденции: преувеличение степени развития феодализма у кочевников, проявляющееся в признании любой ранней формы эксплуатации феодальной рентой и каждого племенного вождя неким подобием феодального сеньора, и нигилистическое отношение к кочевникам, выражающееся в отрицании возможностей прогресса в кочевом обществе и их вклада в историю мировой культуры и изображении номадов только как сокрушителей оседлых цивилизаций, как хищных орд беспощадных завоевателей. И та и другая точка зрения далеки от объективности. Поскольку очень многие из вопросов, затронутых в очерке, остаются до сих пор предметом дискуссий, обсуждение их не может не сочетаться с критикой тех исследований, в которых проводятся неправильные или спорные, по мнению автора этой работы, взгляды.

Автор отнюдь не обольщает себя надеждой, что ему удалось решить все поставленные вопросы. Вероятно, в работе обнаружатся и неточности, и не вполне аргументированные положения, тем более, что состояние изученности проблемы позволяет высказать некоторые суждения лишь в порядке гипотезы. Но он надеется, что книга обратит внимание на поставленную в ней проблему и будет способствовать дальнейшему ее изучению.

Глава I

О ПУТЯХ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

Изучение феодализма, общих его закономерностей и конкретных форм развития в разных странах и более широких регионах является одной из актуальных задач советской исторической науки. Это определяется тем, как неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, что без познания прошлого невозможно правильно понять и оценить более поздние черты исторического процесса. Кроме того, феодализм еще далеко не отошел полностью в область преданий. Если сегодня лишь в немногих глухих уголках земного шара можно обнаружить феодальные отношения в их чистых формах, то пережитки феодальной эпохи, отживающие и постепенно уступающие свое место социальным формам более передовым или еще живые и прочные, широко распространены во многих странах, особенно завоевавших независимость после Второй мировой войны. Отдельные пережитки феодализма имеются и в аграрной структуре развитых капиталистических государств. Наконец, история средневековья, пожалуй, в большей мере, чем любая другая область исторической науки, подвергалась и подвергается до сегодняшнего дня фальсификации с целью обоснования различных расистских и шовинистических «теорий». Разоблачение их требует от историка-марксиста глубокого овладения конкретным материалом, чтобы во всеоружии вести борьбу с реакционной буржуазной наукой.

Феодализм — наиболее универсальная из всех антагонистических социально-экономических формаций. Рабовладельческая формация сложилась на сравнительно ограниченной территории южной Европы, Переднего Востока, южной Азии и Дальнего Востока. У народов, живших вне этой зоны, рабовладение не получило полного развития, не стало господствующим способом производства, и переход к феодализму у них происходил на основе разрушения первобытно-общинного строя. До победы капитализма и к нашим дням дошли далеко не все народы земного шара. К тому же социалистические страны Востока, где капитализм к моменту освободительной революции наблюдался

в неразвитых, типично колониальных формах, осуществляют переход к социализму по некапиталистическому пути развития. Аналогичная тенденция проявляется и во многих развивающихся странах. Это позволяет заключить, что некоторой, причем численно значительной части человечества удастся избежать «прелестей» капиталистической кабалы. Миновать же стадию феодализма удастся, по-видимому, лишь очень немногим и притом малочисленным народностям. В число их могут быть включены некоторые малые народности Советского Севера, у которых в прошлом феодальные отношения наблюдались в зачаточных формах и процесс классовообразования не завершился и к моменту Октябрьской революции¹ и которые ныне являются равноправными участниками строительства коммунистического общества, а также в более отдаленной перспективе немногие этнические группы в разных уголках Земли, все еще живущие в условиях первобытно-общинного строя. За этим, сравнительно редким, исключением через феодальную стадию развития прошло, или проходит, почти все человечество.

Основные закономерности феодализма едины у всех народов. Наиболее полное определение сущности феодального способа производства дано К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «Таким образом, главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев»². Полнота этой формулировки заключается, на наш взгляд, в том, что она вскрывает сущность господствующей формы собственности не только в раннее, но и в развитое средневековье, когда центр экономической жизни начинает постепенно перемещаться из деревни в город, где организация производства сохраняет феодальный, хотя и отличный от сельского характер.

Но единство сущности феодального способа производства вовсе не исключает многообразия конкретных форм, в которых эта сущность проявляется. В течение длительного времени, до XX съезда КПСС, в нашей науке распространено было абсолютизирование того пути генезиса капитализма, по которому прошла Западная Европа и классическое описание которого дано в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Генезис феодализма у франков стал как бы эталоном формирования феодальных отношений, и повсюду

¹ См.: Общественный строй у народов северной Сибири. М., 1970. С. 436.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. С. 23.

искали полной ему аналогии, в первую очередь возникновение аллода как исходного пункта феодального развития. Менее всего в такой догматизации был повинен сам Энгельс, давший в своем труде глубокий анализ становления феодального строя в варварском франкском обществе. Но нигде Ф. Энгельс не говорит об универсальности конкретных форм проявления общей закономерности. Наоборот, поскольку он рассматривает развитие феодализма как синтез разложения общинного строя варваров и остатков аграрных отношений римской эпохи, очевидным становится, что генезис феодальной формации там, где отсутствовал второй элемент этого синтеза, т. е. не ощущалось влияние Рима, должен был протекать иным путем.

Преодоление догматизма, отрицательно сказавшегося на развитии научной мысли, после XX съезда КПСС привело к значительному оживлению исследований в области истории, в том числе и истории средневековья. В частности, пересмотру подверглись, казалось бы, канонизированные положения. Встал сложный вопрос о типологизации генезиса феодализма. Он широко обсуждался на европейском преимущественно материале на научной сессии «Итоги и задачи изучения феодализма в Западной Европе», состоявшейся в 1966 г.¹

Были предложены, и на дискуссии и вне ее, различные типы, или, пользуясь модной социологической терминологией, модели генезиса феодализма. Разберем в качестве примера одну из наиболее аргументированных гипотез, предложенную Л. С. Васильевым и И. А. Стучевским². Авторам представляется, что в развитии докапиталистических обществ можно выделить три модели. Первая — античная, базирующаяся на эксплуатации чужаков-рабов при сохранении «всех членов общины в качестве свободных и равноправных земельных собственников»³. Авторы придерживаются традиционной точки зрения на гибель рабовладельческого общества такого типа, так как оно неизбежно «заходит в тупик и деградирует»⁴.

Вторая модель — германская община, объединение мелких собственников земли, в условиях которого «главной фигурой в производстве оказался эксплуатируемый согражданин, соотечественник, бывший общинник»⁵. Этот путь развития более прогрессивен по срав-

¹ См.: Средние века. М., 1968. Вып. 31.

² Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 81.

нению с предыдущим, так как создает лучшие предпосылки для становления феодального строя.

Наконец, третья модель — восточная община, которая, в отличие от германской, представляла собой не «сумму индивидов», а «коллектив как таковой: все, чем владел человек, что он собой представлял, все это было опосредовано коллективом»⁶. Эта форма — очень застойная и развивающаяся очень медленно.

Такая классификация может вызвать ряд возражений. Во-первых, генезис феодализма у романо-германских племен скорее частный случай, чем общая закономерность. Генезис феодализма определялся здесь, как показано Ф. Энгельсом, сочетанием процесса разложения общины и остатков крупной земельной собственности, сложившейся в Римскую эпоху. Второй элемент проявляется все слабее по мере удаления от границ собственно Римской империи и ее лучше освоенных провинций и зависимых территорий. У большинства же народов, исходным пунктом развития феодализма которых было разложение общины или подчинение ее складывающимся господствующим классом, римское влияние не ощущалось вовсе. Поэтому считать германскую общину образцовой моделью для народов, переходящих к феодализму непосредственно от первобытно-общинного строя, минуя рабовладельческую формацию, не приходится.

Спорной является характеристика первого типа общины — античного. Утвердившееся и в научной, и в учебной литературе мнение, что рабовладельческий строй ведет, так сказать, «в никуда», т. е. неизбежно погибает, не рождая в недрах своих элементов новой формации, вызывает серьезные сомнения. То, что колонат подрывал основы рабовладельческого общества и «революционная борьба» колонов способствовала его падению, общепризнанно⁷. Колонат и все связанные с ним институты были явным зародышем нового, феодального, общества в недрах рабовладельческого строя. Известное положение Энгельса: «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»⁸, трактовавшееся как доказательство невозможности прямой трансформации колона в крепостного крестьянина, можно ведь рассматривать, и с большим основанием, как констатацию факта в конкретных условиях западно-европейской истории.

⁶ Васильев Л. С., Стучевский И. А. Указ. соч. С. 84. Мы здесь не касаемся вопроса об азиатском способе производства, все еще вызывающем дискуссии. Эта тема будет рассмотрена ниже.

⁷ См., например: Всемирная история. М., 1957. Т. III. С. 80.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21. С. 153.

Мнение о неизбежности крушения рабовладельческого общества как неперемennого условия рождения на его развалинах феодальной формации плохо согласуется с фактами, лежащими, можно сказать, на самой поверхности. Не пережили катастрофы, постигшей Западно-Римскую империю, ни Восточно-Римская империя, ни страны Азии — Индия, Иран, Китай, также прошедшие через рабовладельческую формацию¹.

Трагический конец Западно-Римской империи был уникальным случаем перехода от рабовладения к феодализму, а не закономерностью. Это подтверждается обширным сравнительно-историческим материалом. Причины гибели Рима требуют еще основательного изучения, и это дело специалистов. Но автор позволит себе высказать некоторые соображения, отнюдь не претендуя на абсолютную их достоверность. В истории древности, начиная с Шумера и Древнего Египта и вплоть до Греции и Рима, явственно прослеживается соперничество двух тенденций: стремления к созданию этнически однородных государственных образований и борьбы за экономическое единство всего древнего Востока. Последняя была, как нам представляется, немаловажным фактором и во время арабских завоеваний.

Сколь ни слаба была экономическая жизнь в древних государствах, они взаимно нуждались в продуктах, производимых в одних странах и отсутствовавших в других. Эта потребность удовлетворялась торговлей и войнами, которые часто велись не только для захвата рабов, но и для приобретения различных товаров или для получения доступа к минеральным, лесным и иным природным ресурсам. Среди многих причин, вызывавших в результате успешных походов образование крупных государств, которые мы здесь не будем рассматривать, несомненно, не последнюю роль играли соображения экономические. И Рим удерживал свои провинции, несмотря на то, что в антиримских движениях проявлялась первая из названных тенденций, не только грубой силой. Между ними существовали, пусть и слабые, экономические связи, представлявшие взаимный интерес. Романизация провинций, нивелирование производства подорвали их, что, как известно, нанесло страшный удар прежде всего по экономической жизни самого Рима, вызвав упадок городов, возвращение к натуральному хозяйству, рурализацию, вытеснение вилл латифундиями, что привело к обострению

¹ Вероятно, было бы справедливо в учебных программах по истории средних веков говорить не об особенностях развития феодализма на Востоке, а о специфике Западной Европы.

кризиса рабовладельческого строя. Поэтому причины катастрофы, постигшей Рим, следует, может быть, искать прежде всего в романизации провинций. Но, повторяю, это не более чем рабочая гипотеза.

Но, так или иначе, судьба античной общины настолько специфична, что она никак не может служить моделью в общемировом масштабе. О том, что германская община нетипична для подавляющего большинства народов, переходящих к феодализму непосредственно из первобытно-общинного строя, уже сказано выше. Наконец, модель восточной общины может быть принята только при условии, что территория «Востока» будет распространена и на Балканский полуостров.

Более плодотворным путем классификации генезиса феодализма представляется не поиск конкретных моделей, приуроченных к определенным географическим зонам, а выработка моделей на основе типологии генезиса феодализма. Поэтому правильной видится типология, данная З. В. Удальцовой, согласно которой можно выделить три типа генезиса феодализма: становление его из первобытно-общинных отношений, минуя рабовладельческую стадию развития; формирование феодальных отношений на основе синтеза «элементов феодализма, вызревающих внутри рабовладельческой формации, с феодальными отношениями, рождающимися на последней стадии развития общинно-родовых отношений варваров»; развитие феодализма и рабовладельческих отношений².

Эта типология, предложенная для Западной Европы, носит, по существу, общемировой характер, ибо исчерпывает все возможные варианты становления феодализма. И ее вполне можно освободить от той географической приуроченности, которая имелась в выступлении З. В. Удальцовой, оперировавшей традиционными терминами: германская община, романо-германская община.

Не вполне удачна и ссылка на государства Закавказья, в частности Грузию и Армению, как на пример третьего типа генезиса феодализма, так как мнение о существовании там рабовладельческой формации разделяется далеко не всеми исследователями истории этого региона³. Вероятно, модель этого третьего пути следует искать восточнее, если ее вообще можно найти в чистом виде. В формулировке З. В. Удальцовой, определяющей этот третий путь, пугает ее излишняя категоричность: «...без какого-либо синтеза с общественными отношениями варва-

² Средние века. Вып. 31. С. 150–151.

³ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 98–99.

ров»¹. Едва ли на заре феодального развития был в мире уголок, свободный от «какого-либо» контакта с варварскими племенами. Точнее было бы говорить, что при данном типе генезиса синтез если и наблюдался, то был настолько слабым, что не имел существенного значения.

Разумеется, речь идет об основных генетических типах феодального развития, так как и учение Маркса — Энгельса о социально-экономических формациях определяло основные, присущие любому человеческому обществу закономерности, в пределах которых разрывалось все многообразие конкретной действительности. И наряду с относительно чистыми, близкими к абстрагированной модели образцами генезиса феодализма наблюдалось большое число промежуточных форм, обусловленных взаимными контактами, возникавшими на ранних ступенях социального развития и усиливавшимися по мере общественного прогресса народностей или государств, между которыми возникали экономические, военные, политические и иные взаимоотношения.

Взаимные контакты, как показано новейшими исследованиями, восходят к глубокой древности, причем отдаленность территорий, на которых прослеживается культурное или экономическое влияние, подчас очень велика. Это влияние усиливается при массовом соприкосновении разных племен и народов, возникающем в результате завоевания, постоянных набегов, активных экономических связей, обусловленных близким соседством, отношений господства и подчинения, но оно может проникать и по многим другим каналам.

Представление, что древний мир был подобен «Стране разбитых бутылок» современного Папуа, где отдельные племена живут в глубокой изоляции, разделенные труднопроходимыми горами, не соответствует истине. Не говоря уже о средневековье и о классовых формациях вообще, даже на заре человеческой истории прослеживаются такие сугубо конкретные общие черты в хозяйстве, культуре и искусстве этнических групп, разделенных огромными расстояниями, которые невозможно объяснить случайным совпадением.

Для первобытности это хорошо показано в трудах А. П. Окладникова и его учеников². Смелые аналогии вызвали полемику, которую следует признать вполне естественной. Обыденному, основанному на здравом смысле сознанию трудно смириться с мыслью о том, что в давние времена мог совершаться обмен хозяйственными и культурными достижениями между такими районами, путешествие куда представ-

¹ Средние века. Вып. 31. С. 151.

² См., напр.: История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 58–59.

ляется нелегким делом и в нашу эпоху «покорителей пространства». Но, во-первых, такая связь не обязательно должна была носить непосредственный характер; она могла осуществляться через посредство племен и народов, расселенных на промежуточных территориях. Так, например, поддерживались торговые связи народов сибирского Севера с цивилизованными государствами Восточной и Центральной Азии. Во-вторых, представление о том, что чем дальше вглубь истории, тем больше отсутствие транспортных средств, неудовлетворительное состояние путей сообщения и географические препятствия затрудняли сообщение между отдаленными регионами, нуждается в существенном пересмотре.

Огромные, по сравнению с нашими днями, трудности путешествий в древности компенсировались крайне низким уровнем потребностей тех, кто совершал их в военных или коммерческих целях. Шалаш для ночлега и ячменную лепешку либо кусок вяленого мяса можно было отыскать в любом месте. А большего тогдашнему воину или купцу и не требовалось; ничего лучшего он не имел и у себя дома. И то, что сегодня кажется нам почти подвигом, представлялось, вероятно, древнему путешественнику самым заурядным делом.

Известно, что закаленные солдаты Наполеона не смогли преодолеть Синайской пустыни, а для вавилонских, ассирийских или египетских войск она не являлась сколько-нибудь серьезным препятствием во время их боевых походов.

У кочевых же и бродячих племен вопрос о расстоянии никогда не играл заметной роли. Волны воинственных кочевников, время от времени выплескивающиеся, по образному выражению К. Маркса, из Центральноазиатского котла, катились иногда на многие тысячи километров. Вспомним в этой связи и рассказ Ф. Миддендорфа о группе тунгусов, сопровождавших его экспедицию на огромное расстояние лишь по той единственной причине, что общение с путешественниками нарушало монотонность их повседневной жизни³.

Для кочевника достаточно было находить богатые пастбища, если какие-либо весомые соображения побудили его тронуться в путь. Лесным жителям требовались уголья, обильные промысловым зверем. Если такие условия были налицо, передвижение на любые расстояния не изменяло привычного бытия и тех, и других. Поэтому подвижность населения в древности была, возможно, не меньшей, а большей, чем в более поздние эпохи. Разумеется, здесь речь идет не о беспоря-

³ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1.

дочном движении племен и народов, а лишь о том, что передвижения на далекие расстояния совершались относительно легко, если для этого имелись достаточные мотивы.

Другим и, вероятно, еще более существенным обстоятельством, облегчавшим дальние контакты, было полное пренебрежение в старину к тому фактору, ценность которого все более повышается с развитием цивилизации, а именно ко времени. Долгие месяцы продолжались военные походы, годами шли посольства в дальние страны, купец не страшился провести всю свою молодость или зрелые годы в опасном путешествии, если оно обещало ему хорошую прибыль. Примеры тому общеизвестны. Можно сослаться и на арабов, державших в своих руках сухопутную торговлю с Южной Азией, и на братьев Поло, проложивших дорогу в загадочный Китай, и на бухарских купцов, чьи караваны из года в год преодолевали в XVI–XVII столетиях нелегкий путь через горы и пустыни Центральной Азии. Тщательно подсчитывался доход, но совсем не уделялось внимания издержкам времени.

Пренебрежение ко времени было связано с застойностью существования и низким уровнем жизни. Были ли годы проведены в одном месте или растрочены на коммерческую экспедицию — ничего не изменялось, и путешественник, вернувшись к родному очагу, находил свой дом в том же состоянии, в каком он его покинул, если только тот не стал жертвой какого-нибудь бедствия.

Естественно, что само представление о времени было иным. Отмечается, что в далеком прошлом реальному историческому времени предшествовали другие временные категории: циклическое ритуальное и мифологическое время, характеризующееся чрезмерной гиперболизацией. В Древней Индии, например, «категория исторического времени не была существенной для культуры: хронология и летописание долгое время принципиально отсутствовали»¹.

Таким образом, контакты между этническими общностями на всех стадиях развития, от палеолита до сложившегося классового общества, были в большей или меньшей мере интенсивны. В зависимости от степени этой интенсивности находился и результат: от взаимного или одностороннего влияния и заимствований до такого сочетания социальных институтов и их взаимопроникновения, которое конституирует синтез в точном смысле этого слова. Как нет на земле этносов, сохранивших «чистоту крови» с доисторических времен, так не существует

¹ Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 40.

и социальных структур, сложившихся только на основе имманентных законов развития данного общественного коллектива, не испытавших на себе влияния контактировавших с ними этнических общностей.

Сама возможность синтеза вытекает не только из внешних обстоятельств: завоевания, государственного объединения, когда судьбы народов тесно переплетаются. Нужны еще благоприятные условия, а именно подготовленность данного общества, прежде всего в смысле достаточного развития его общественного строя, к такому синтезу. Не может породить никаких синтетических форм проникновение капиталистических отношений к даякам внутренних областей Борнео. Прежде чем стал возможным синтез разлагающегося родового строя варваров и элементов феодального общества, возникших в Римской империи, Рим должен был подвергнуться уничтожению. Реформа Тай-ка, которую многие исследователи рассматривают как исходный пункт генезиса феодализма в Японии и которая была ничем иным, как попыткой перенести на японскую почву китайскую надельную систему, оказалась не вполне успешной не только из-за сильного сопротивления крестьянства², но и потому, что в Японии, в отличие от ее континентального соседа, не было объективных условий для установления феодализма в государственной форме, порождением которого и является надельная система.

Короче говоря, в истории, как и в химии, синтезировать можно лишь то, что поддается синтезу. Об этом не следует забывать, так как не всякое заимствование или насильственное мероприятие рождает синтез. Для последнего обязательно органическое, хотя бы и не безболезненное, принятие новшества данным обществом.

Различная степень внешних влияний и своеобразие конкретных условий и определяют специфику проявления общих закономерностей в той или иной стране, придающую своеобразные, нередко неповторимые черты историческому процессу. «Модель» не исключает глубокого «своеобразия общественного строя каждой из стран» в эпоху феодализма, как справедливо отмечено А. Я. Гуревичем³. Можно говорить лишь о проявлении в каждой отдельно взятой стране общих закономерностей, не пытаясь превратить какую-либо страну, северную Францию в частности, в классический образец, институты которого обязательны для любого феодального общества⁴.

² Горо Хани. История японского народа. М., 1957. С. 43–44.

³ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 11.

⁴ Там же. С. 10–12.

Но при всех взаимосвязях и промежуточных формах можно в каждом конкретном случае выявить ту или иную доминирующую форму, что дает нам право отнести процесс становления феодализма к одному из трех основных типов генезиса этой социально-экономической формации.

Дело осложняется далеко не одинаковой изученностью различных вариантов генезиса феодализма. Если генезис феодализма в Западной Европе изучен, несмотря на все еще нерешенные многие важные проблемы, достаточно полно, то относительно других вариантов ряд кардинально важных вопросов остается невыясненным¹. Исчерпывающая характеристика каждого из типов генезиса феодализма со всеми их связями и опосредствованиями, с присущими им институтами требует специальных исследований, результаты которых публикуются в наших научных изданиях. Такая задача в полном ее объеме в рамках данной темы не может быть поставлена, но на некоторых вопросах здесь следует остановиться.

Главной особенностью римско-варварского, романо-германского по терминологии медиевистов-западников, пути было разрушение рабовладельческого общества и строительство на его развалинах новых, феодальных, отношений новыми людьми, стоящими к моменту крушения Западно-Римской империи на стадии разложения первобытнообщинного строя и сложения раннеклассового общества. Ускорению этого процесса способствовало, как установлено Ф. Энгельсом, сохранение на их территории остатков римской крупной земельной собственности. Влияние их было сильнее в центре бывшей империи и слабее на ее периферии. «В Италии, например, переход к феодализму был процессом сложным, перегруженным всевозможными элементами, идущими из прошлого»², у варваров те же элементы ускоряли процесс, «ибо предпосылки феодализационного процесса, шедшего в разных направлениях, были налицо и в строе Римской империи, и в общественном укладе завоевавших ее германцев»³.

Еще на заре своей научной деятельности А. И. Неусыхин справедливо указал, что Римская империя «в течение нескольких столетий медленно, но верно шла по пути феодализации и распада»⁴. Но недостаточное внимание к колонату как раннефеодальному институту и ка-

¹ Такое утверждение может показаться дилетантским. Речь идет не о постижении истины, а об относительной степени изученности.

² Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 421.

³ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 42.

⁴ Там же. С. 421.

нонизированный тезис о неизбежности гибели Рима привели к тому, что значение позднеримского наследия недооценивалось и вообще оно ограничивалось во времени. Это имело своим следствием то, что синтез, хотя и декларировался, но не подвергался полному исследованию. Справедливо критикуя этот пробел в медиевистике, А. Д. Люблинская отмечает: «Верхней границей синтеза считается обычно VII в., роль и влияние античного наследия в последующие столетия, как правило, не рассматриваются»⁵. Между тем «до самого падения Лангобардского королевства в нем сохранялось свободное римское население, руководствовавшееся не лангобардским, а римским правом и смешивающееся, согласно многочисленным показаниям источников, с лангобардами»⁶.

Тем не менее очистительная буря, пронесшаяся над европейскими владениями бывшей Римской империи, оказала глубочайшее влияние на характер и темпы развития феодального общества. Поскольку ведущей тенденцией в синтезе было становление раннефеодальных институтов варварского общества, а римские традиции, опрокинутые в ходе завоевания, играли подчиненную роль, открылся простор для относительно свободного развития новой формации, не отягощенной грузом пережитков, характерных для тех обществ, где переход к феодализму от рабовладельческого строя совершался без столь глубоких катаклизмов. Здесь сказалась историческая закономерность, ярко выступающая и при переходе от феодализма к следующей социально-экономической формации — капитализму. Известно, что развитие капиталистических отношений происходило быстрее и активнее в тех странах, которые изменили социальный и государственный строй путем насильственной борьбы — социальной революции, т. е. в Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки, Японии. Аналогично было положение и на заре феодального развития: крушение старого расчистило дорогу новому.

Свобода от пережитков способствовала ускоренному прохождению всего цикла феодального развития и более раннему, по сравнению с государствами иной исторической судьбы, разрушению феодального строя. Маркс указывает на особенности географической среды как на обстоятельство, способствовавшее более быстрому развитию и последующему разложению феодализма, чем в иных климатических зонах. «Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала». Разнообразие поч-

⁵ Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. Вып. 31. С. 12.

⁶ См.: История Италии. М., 1970. Т. I. С. 39–43.

венных условий создавало благоприятные условия, по Марксу, для общественного разделения труда¹. В пределах же этого региона зачатки капитализма возникают в тех странах, где синтез обеспечил более быстрое развитие феодальных институтов и, с другой стороны, варварское господство радикально покончило со старым рабовладением.

Не только завоевание ведущей роли в торговле с Востоком после того, как Византия в ходе крестовых походов утратила былое значение «золотого», по выражению Маркса, «моста», связующего Восток и Запад, но и причины чисто внутреннего порядка (победа городов над сеньорами, раннее освобождение крестьянства от крепостной зависимости, торговая экспансия городов-республик) обусловили то, что именно на Аппенинском полуострове появились впервые в истории человечества ростки раннего капитализма. Перечисленные выше особенности в значительной мере и определялись спецификой начального этапа генезиса феодализма.

Все процессы выражены здесь более четко, чем при иных вариантах генезиса феодализма, что также укрепляло мнение о том, что именно данная форма является классической.

Значительно сложнее вопрос об основных чертах генезиса феодализма в обществах, где переход к новой формации от рабовладельческой происходит без крушения государства, т. е. в крупных государствах Востока и в единственной стране на Европейском континенте — в Византии. Здесь трудно проследить четкую границу между рабовладельческим и феодальным строем, определяемую количественным взаимоотношением разных укладов. Этим объясняется, видимо, отрицание многими историками самого существования рабовладельческой формации в странах Востока² или появление компромиссного тезиса о том, что рабовладельческий способ производства, универсальный для всего человечества, «в истории Китая не был формацией»³. Главным основанием этих новых для советской науки взглядов является то, что наряду с рабами на Востоке было много свободных производите-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 522. Об этом указании Маркса стоило бы помнить некоторым излишне категоричным историкам, которые рассматривают признание влияния географической среды на экономическое развитие чуть ли не как отступление от марксизма. См., напр.: Башарин Г. П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX века. Якутск, 1974. С. 7–10.

² См., напр.: Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.

³ Васильев Л. С. Рабовладение и феодализм в Древнем Китае // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 115.

лей-общинников. Но работами академика В. В. Струве и его учеников давно доказано, что эта черта была присуща социальной структуре всех государств Древнего Востока⁴.

Преобладающее число советских историков полагает, что рабовладельческий строй, впервые в истории человечества сложившийся на Востоке, господствовал вплоть до начала нашей эры в крупнейших государствах этого района от провинций Римской империи до берегов Тихого океана⁵. Однако в науке до сих пор не решен вопрос о конкретных формах перехода от рабовладельческого строя к феодализму в этих странах, или, формулируя не столь категорически, можно утверждать, что изученность процесса здесь гораздо меньшая, чем по отношению к Западной Европе.

Хотя причина перехода от рабовладения к феодализму — кризис рабовладельческого способа производства — едина для всего человечества, уже исходный пункт генезиса феодализма здесь иной, так как аллоидальная собственность на землю в государствах Востока и в Византии если и возникала, то в таких скромных масштабах, что она не могла оказать сколько-нибудь существенного влияния на ход общественного развития. В Западной Европе трансформация общинного землевладения в посемейное облегчила захват земли непосредственных производителей и их личное закабаление, в рассматриваемом же случае складывающемуся феодальному классу приходилось, как правило, иметь дело с монолитной общиной. Это, естественно, замедляло темпы феодализации, но, с другой стороны, она облегчалась тем, что на феодальные рельсы развития переключались и крупные рабовладельческие латифундии. К тому же и свободные юридически общины находились в зависимости от рабовладельческой знати или государства.

Другой особенностью было сохранение относительно высокого уровня городской жизни. Здесь не наблюдались возврат к натуральному хозяйству, упадок ремесла и торговли, интенсивная рурализация, т. е. те процессы, которые омрачили последний период существования Западно-Римской империи. Поэтому сельская община стала позднее (в Византии) или не стала вовсе (в Иране и Китае) единственным источником обогащения господствующего класса, почему нажим на нее не принимал на ранней стадии развития феодализма чрезмерно, по понятиям того времени, жестоких форм. Некоторому смягчению

⁴ См.: Всемирная история. М., 1955. Т. I. С. 264.

⁵ Конрад Н. И. О рабовладельческой формации // Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974. С. 200–213.

эксплуатации способствовало если не господство, то, во всяком случае, значительное распространение государственной собственности на землю с сопутствующим ей взиманием феодальной ренты в общегосударственном масштабе. Хотя государство отнюдь не стеснялось обирать своих подданных¹, гнет повинностей на землях государственных был все же меньшим, чем на частновладельческих, и укрепление государственного землевладения приводило, например в Китае, к облегчению положения крестьян². Все это сказывалось на формах и темпах феодального развития.

Значительно позднее и в гораздо больших масштабах, чем на развалинах Западно-Римской империи, сохранялся тут рабовладельческий уклад. Подобно тому, как феодальный уклад вырос и окреп здесь еще в рамках рабовладельческой формации, уклад рабовладельческий сохранялся долго после падения старой формации. И очень трудно для переходных периодов определить, в какой момент один уступает другому ведущее место.

Трудности в определении исходного пункта генезиса феодализма для данной его формы связаны с недостаточной выясненностью вопроса о революционном переходе из рабовладельческой формации в феодальную³. После выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» революция в рабовладельческом обществе считалась аксиомой, и в учебной, и в научной литературе говорилось о революции рабов, покончившей с рабовладельческим обществом. Такой революцией объявлялись крупные восстания рабов, в том числе даже восстание под руководством Спартака, свидетельствующее о кризисе республиканского строя в Риме, но разразившееся за полтысячелетия до гибели рабовладельческого государства, в ту пору, когда его ресурсы еще далеко не были исчерпаны.

Эти народные движения столь же правомерно считать революцией, как и крестьянские войны средневековья. Ни те, ни другие, хотя и являлись частью общего революционного процесса, не были социальной революцией в точном смысле этого слова по той причине, что,

¹ Вспомним хотя бы рассказ Маркса о Махмуде Тоглаке: «Так как его казна опустела, он обложил народ непосильными налогами; настолько тяжелы были налоги, что бедняки бросились бежать в леса; он окружил лес кордоном войск, и по его приказу беглецы были истреблены в грандиозной охоте с загонщиками... В результате: полный неурожай и страшный голод. Повсюду вспыхнули восстания; в Мальве и Пенджабе они были без труда подавлены, но восстание в Бенгалии увенчалось успехом» (подчеркнуто Марксом). Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1974.

² См., напр.: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 99.

³ Это отмечено и в «Исторической энциклопедии» (Т. II. С. 997).

порожденные глубоким возмущением эксплуатируемых масс, не вели к установлению нового общественного строя, что, согласно марксистскому учению, и конституирует самое понятие социальной революции.

К выводу, что мнение о «революции рабов», ниспровергшей рабовладельческий строй, было ошибочным, пришли и востоковеды, и историки Запада. «Несоответствие такого утверждения исторической реальности, — пишет Н. И. Конрад, — обнаруживается при обозрении конкретного исторического процесса, приведшего к замене рабовладельческого строя феодальным»⁴.

С этим суждением крупнейшего востоковеда согласуется и высказывание такого авторитетного медиевиста, как З. В. Удальцова: «Советские историки правомерно отказались от теории „революции рабов“. Однако до сих пор вопрос о социальной революции как грани, отделяющей рабовладельческое общество от феодального, остается весьма запутанным»⁵.

Отказ от «революции рабов» привел к поискам других основных движущих сил революции. Было высказано мнение об осуществлении антирабовладельческой революции горожанами и свободными земельными собственниками. В качестве иллюстрации сошлемся вновь на Н. И. Конрада: «Именно свободные землевладельцы и ремесленники, т. е. основная масса трудящегося населения, экономическое существование которого находилось под угрозой, и были главной силой, покончившей с рабовладельческим строем»⁶. К сожалению, мне не удалось обнаружить труда, в котором эта новая концепция была бы подтверждена анализом фактического материала. А между тем она вызывает серьезные сомнения.

Прежде всего возникает вопрос: чем собственно отличается она от старой? Ведь всеми сторонниками старой точки зрения в полном соответствии с фактами подчеркивалось, что восстания рабов находили поддержку свободного угнетенного населения. Едва ли кто-либо станет отрицать присоединение рабов к поднявшимся на борьбу общинникам. Следовательно, дело сводится к перестановкелагаемых: вместо революции рабов, поддержанных свободными, нам предлагают революцию свободных, поддержанных рабами. Поэтому трудно согласиться с такой гипотезой, но, отклоняя ее, не следует забывать, что она поро-

⁴ Конрад Н. И. Избранные труды. С. 207.

⁵ Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 21. См. также: Ванштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968. С. 87–88.

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. С. 207.

ждена поиском и сопровождается указанием на общую неразработанность вопроса.

И «революция рабов», и «революция свободных» не согласуются с общей марксистской теорией социальной революции. Но прежде чем перейти к выяснению этого вопроса, следует остановиться на более оптимистической оценке степени изученности антирабовладельческой революции, данной одним из наиболее интересных и оригинальных историков средневековья. По мнению Б. Ф. Поршнева, «названный вопрос уже не принадлежит к числу неразрешенных. И решается он (это можно прочесть и в учебниках, и в научной литературе) так: при переходе от античности к средневековью не было „чистых“, сконцентрированных во времени, революций; были затяжные, иногда по несколько десятилетий тянувшиеся локальные восстания, которые увязали в незрелости классов, но делали в конечном счете свое дело. Это были разрозненные элементы, фрагменты революционного процесса. Частицы революционного опыта переходили от поколения к поколению. Однако все это не могло породить чего-либо большего, чем апокалиптическое бунтарство и антирабовладельческий демократизм раннехристианских сект и ересей... Во всяком случае то, на чем настаивает исторический материализм, акцентируя революционный характер перехода от одной (антагонистической) формации к любой другой, представляется и в данном случае, т. е. в падении древнего мира, правильным и доказанным. Нет причин возвращать этот вопрос в „нерешенные“ без рассмотрения огромного уже привлеченного конкретного материала»¹.

При таком понимании социальной революции можно и все крестьянские войны средневековья считать растянутой во времени антифеодальной революцией. Вспышки народных возмущений пронизывают историю всех антагонистических формаций, но марксизм учит, что история человечества есть история борьбы классов, а не сплошная социальная революция. Склоняя свою голову перед светлой памятью замечательного ученого, чьи глубокие труды обогатили советскую науку, мы все же не можем с ним согласиться. «Фрагменты бесконечно долго революционного процесса», «апокалиптическое бунтарство и антирабовладельческий демократизм» ранних ересей не соответствуют понятию социальной революции.

Концепцию Б. Ф. Поршнева и взгляды сторонников «революции свободных» сближает то, что они игнорируют важнейшее обстоятельство: социальную революцию от восстаний и движений народных масс

¹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 238.

отличает борьба за установление нового социального строя, а это обязательно предполагает руководство движением определенных социальных слоев, борющихся за этот новый строй. Народные же возмущения, лишенные такого руководства, как показывает весь опыт истории, не приводят к изменению общественного строя даже в случае военной победы. Лучшим тому доказательством являются крестьянская война под руководством Ивайлы в Болгарии или победоносные крестьянские восстания в Китае.

Могут ли еретические проповедники быть борцами не только против гнета вообще, но и за установление феодального строя, были ли заинтересованы в феодализме свободные общинники или горожане? На оба эти вопроса может быть дан только отрицательный ответ. Но несознательность, неорганизованность масс могут сделать их слепым орудием борьбы за чуждые им цели, могут превратить освобождение от старого гнета в новую кабалу, как это происходило при буржуазной революции. Кто же тогда играл руководящую роль в революции, о которой говорят Н. И. Конрад и Б. Ф. Поршнев, какой социальный слой был носителем нового способа производства, сознательно боролся за феодализм? Такой вопрос даже и не ставился. И создается впечатление, что при разрушении рабовладельческого общества на его развалинах сам собою складывался феодальный способ производства.

Вот почему мы считаем, что проблема перехода от рабовладельческого строя к феодальному при данном типе генезиса феодализма требует дальнейшего изучения². Последний вариант — развитие феодализма на основе разлагающегося первобытно-общинного строя — имел место у очень большого, может быть, преобладающего большинства народов, живущих на разных континентах и в различных географических условиях. Конкретные формы феодализации из-за исторических, климатических и экономических особенностей дают здесь большое разнообразие, но, как и для других типов генезиса феодализма, можно наметить некоторые общие черты.

Прежде всего, во всех сообществах, идущих по этому пути развития, первой, самой ранней формой эксплуатации, возникающей с появлением прибавочного продукта, было применение рабского труда³. Но тут либо не существовало условий для превращения рабовладения

² На несоответствие «революции рабов» марксистскому учению о революции указывал П. В. Волобуев. См.: Историческая наука... С. 263.

³ Это обстоятельство подчеркивает С. Д. Сказкин, см.: Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 273.

в господствующий способ производства, либо складывание классового общества происходило в то время, когда рабовладельческий строй был уже пройденным этапом в истории человечества. Рабство носило преимущественно домашний, патриархальный характер. Преобладало рабство экзогенное, характерное для неразвитого рабовладения. Синтез рабовладельческого и феодального начал, который Б. Ф. Поршнев считает явлением универсальным, но развивающимся в разных количественных соотношениях¹, сказался здесь слабо, а в некоторых уголках земного шара, по-видимому, не играл никакой роли.

Несмотря на единство социальной структуры, исходный пункт генезиса феодализма был в различных странах неодинаков. Для германских племен, подвергшихся несравненно меньшему римскому влиянию, чем германо-романские, им было возникновение аллодиальной собственности на землю и разрушение марки, облегчившее захваты земли складывающейся феодальной знатью. Во многих же других районах мира — на востоке Европы, в Азии, в Африке — община и в феодальную эпоху в большей или меньшей мере сохраняла свои экономические и социальные прерогативы. Но дифференциация была, конечно, велика. На одном полюсе находилась Русь, где развитие аллода облегчало подчинение соседских общин², на другом — страны западной Африки, где семейная община сохраняла свои бывшие функции чуть ли не до конца колониального периода³.

Вероятно, дальнейшие исследования в области типологии генезиса феодализма приведут к определенной классификации внутри рассматриваемого типа, объединяемого некоторыми общими закономерностями. Характерной его чертой является длительность переходного периода, названного недавно скончавшимся крупнейшим знатоком раннефеодального общества А. И. Неусыхинным «дофеодальным периодом». Термин этот вызвал споры, равно как и отнесение его к той или иной формации, но существо дела никем не оспаривалось. Основные черты этого периода заключаются в сочетании социальной дифференциации с сохранением свободы рядовых членов племени и их земельной собственности под эгидой общины, осуществляющей право «верховой собственности на землю», сохранение черт племенной жизни. Родовая знать «еще» не превратилась в особый класс, эксплуатаци-

¹ См.: Поршнев Б. Ф. Проблема феодального синтеза // Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 507–518.

² Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в XI–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути... С. 155–157.

³ См., напр.: Сэрэ-Каналь Ж. Гвинейская республика. М., 1973. С. 87–90.

рующий свободных, — точно так же, как эти последние «не живут лишь за счет эксплуатации полусвободных и рабов»⁴. Такой дофеодальный период можно обнаружить на заре феодального развития в любой стране, переходящей к феодализму от первобытно-общинного строя, независимо от особенностей хозяйства и социальной структуры, хотя конкретные институты показывают большое разнообразие.

При этом варианте генезиса феодализма вызревание феодальных отношений представляет собой еще более длительный процесс, чем при других типах. Феодальный уклад возникает здесь позднее рабовладения, являющегося, в своих неразвитых формах, первым способом эксплуатации человека — чужеродца или чужеплеменника — человеком. Исходным пунктом генезиса тут является выделение знати, конституирующей постепенно эксплуататорский класс.

Мы намеренно не употребляем здесь традиционный термин «родоплеменная знать», потому что если возникновение социальной дифференциации связано именно с ее возвышением, то при складывании феодальных отношений формирование новой классовой структуры общества — процесс значительно более сложный, чем простая трансформация старых родовых и племенных вождей в феодальных владетелей.

Вопрос о революционном преобразовании первобытно-общинного строя в феодальный связан, на наш взгляд, прежде всего со сменой господствующего социального слоя, так же как переход от феодализма к капитализму сопровождается сменой класса-гегемона. Так как социальные противоречия на позднем рубеже первобытно-общинного строя еще не развиты, а классы находятся на стадии своего становления, процесс замены «верхов» протекает в гораздо менее резких формах, чем при смене антагонистических формаций, и растягивается на несравненно более длительный срок, занимая, по существу, весь дофеодальный период.

Нечеткость феодальных процессов приводит к тому, что в литературе нередко формирование класса феодалов трактуется как постепенная трансформация старой родоплеменной знати. Так, рядом авторов рассматривается, в частности, феодализация азиатских народов. В очерке социальной истории Тувы читаем: «Еще до маньчжурского завоевания эта родовая знать стала постепенно превращаться в феодальных владельцев, и часть ее фактически до этого выступала в качестве носителей феодального начала, используя в целях эксплуатации старые ро-

⁴ Средние века. Вып. 31. С. 46.

довые традиции»¹. Аналогичный тезис, хотя и в более осторожной формулировке, выдвигается и по отношению к киргизам: «Фольклорные материалы... позволяют предположить, что сложившимся феодальным отношениям у киргизов предшествовал своеобразный военно-демократический строй. Племенная структура общества тесно переплеталась в то время с развитой военной организацией. В этих условиях важная роль в общественно-политической жизни принадлежала военачальникам баатыр. Возможно, что формирование байства как феодальной верхушки происходило на основе военно-племенной знати, представленной предводителями-батырами различных степеней и рангов»².

По поводу этих высказываний прежде всего следует заметить, что преобразование представителей родоплеменной знати в феодалов не исключается. Можно было бы привести многочисленные факты из истории разных народов, подтверждающие такую трансформацию. Здесь дело обстоит точно так же, как и в период развития капитализма, когда многие помещики приспособились к новым условиям, завели промышленные предприятия или перевели свое деревенское хозяйство на капиталистические рельсы. Но главная линия развития была иной: представители уходящего класса утрачивали свои экономические и политические позиции, уступая их победоносной буржуазии, и лишь небольшая часть владельцев «вишневых садов» сумела влиться в ряды нового господствующего класса.

Аналогично, на наш взгляд, обстоит дело и при переходе от первобытно-общинного строя к феодальному. И здесь старый господствующий социальный строй (он еще не сложился как класс) уступал место новому, чья власть и влияние основывались первоначально не на происхождении от потомственной родоплеменной знати, а на удачных походах, приносивших богатую добычу и привлекавших под знамена этих новых руководителей удальцов, искавших в ратном деле славы и богатства. Эти новые вожди — предводители дружин, сосредотачивая в своих руках реальную власть, оттесняли на второй план родоплеменную знать, разрушали старые родовые связи, способствуя утверждению на их развалинах новых общностей, территориальных.

Нам предстоит еще вернуться к данному вопросу при рассмотрении главной темы этих очерков. Но некоторые замечания необходимо сделать уже здесь. Значение роли дружин, на которое обратил внима-

¹ Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М., 1956. С. 188.

² Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 158–159.

ние Ф. Энгельс, подтверждается на примерах из истории любого народа. Возвысившиеся вожди дружин, опираясь на их силу, ведут успешную борьбу против старой знати. На европейском материке эта борьба отчетливее всего прослеживается в истории английского раннего средневековья, точнее в дофеодальный период, когда складывалась новая социальная прослойка тэнов. Многие из вождей скандинавских викингов также не принадлежали к родоплеменной аристократии.

У турков-османов феодальный класс формировался не столько за счет родовой знати, но в гораздо большей мере путем возвышения удачливых полководцев, а позднее — приближенных султана. У кочевых народов — киргизов, тувинцев и других, как явствует и из приведенных выше цитат, феодальная верхушка рекрутировалась из числа военачальников, а эти последние далеко не всегда были выходцами из «династий» родовых и племенных вождей. В признании такого тождества аксиомой и заключается, как нам представляется, логическая ошибка двух авторов, у которых были заимствованы эти цитаты.

Вопрос нуждается, конечно, в серьезном исследовании на большом сравнительном материале. Менее всего автор претендует на сколько-нибудь полное его решение. Но хотелось бы обратить внимание историков на то, что становление первой антагонистической формации (для народов с данным типом генезиса феодализма) сопровождается, как и в других случаях смены социально-экономических формаций, не трансформацией господствующего слоя, а вытеснением старой верхушки общества новой, что происходит в обстановке достаточно сложной и напряженной борьбы.

Таковы вкратце основные черты или признаки трех основных типов генезиса феодализма. Поскольку мы постарались придать классификации З. В. Удальцовой чисто генетический характер, отказавшись от географической приуроченности вариантов генезиса феодализма, то не можем разделить выраженную ею надежду, что при изучении истории Азии, Африки и Америки «могут выявиться новые типы генезиса феодализма, носящие печать своеобразия исторических судеб этих регионов»³.

Конечно, разные вариации, может быть, и очень специфические, не только возможны, но и неизбежны, но при всех обстоятельствах феодализм может возникнуть либо из первобытно-общинной, либо из рабовладельческой формации, либо на основе какого-то синтеза элементов обеих. Четвертого не дано.

³ Средние века. Вып. 31. С. 151.

Данная классификация, как и всякая иная, определяет лишь основные закономерности, вытекающие из разных исходных пунктов генезиса феодализма, но в пределах каждого типа исторический процесс в разных странах дает много своеобразного.

Особенности генезиса феодализма в сочетании со своеобразием исторического процесса в разных странах определяют и специфику феодальной структуры вообще. Но если вопрос о классификации генезиса рассматриваемой формации уже на протяжении длительного времени привлекает внимание специалистов, то проблема типов или моделей уже сложившегося феодального общества еще только начинает подвергаться серьезному обсуждению.

Разнообразие феодальных институтов в течение долгого времени рассматривалось как своего рода аномалия, отклонение от того классического образца, каким представлялись Франкское королевство, а для более позднего периода северофранцузский феодализм¹. Достаточно посмотреть оглавления учебных пособий и формулировки вузовских программ: «Своеобразие развития феодализма в Восточно-Римской империи», «Особенности сложения феодальных отношений на Востоке» и т. д.

Накопление исторического материала и изжитие догматизма в исторической науке позволили освободиться от стремления подогнать любое феодальное общество к заранее данному шаблону. Но, как обычно происходит в таких случаях, возникла другая опасность: переоценка особенностей, грозящая перерасти в отрицание теоретического обобщения.

Выслушаем одного из ведущих теоретиков истории средневековья: «Ныне историки все вновь и вновь убеждаются в том, что гетерогенность социальных форм в докапиталистические эпохи была исключительно велика, и подведение всех древних обществ под однозначное определение рабовладельческого строя либо отнесение всех обществ средневековья к феодальному типу встречается с непреодолимыми трудностями. Неотъемлемой чертой всех докапиталистических обществ, вышедших за пределы первобытной общины, является многоукладность социальных форм»².

Должен сказать, рискуя прослыть консерватором или эпигоном, что автор данной работы, подобно многим другим историкам, не испытывал непреодолимых трудностей, традиционно признавая те или иные общества рабовладельческими либо феодальными. Ссыл-

¹ Об этом см.: Гуревич А. Я. Проблемы... С. 8.

² Там же. С. 13.

ка на многоукладность как на обстоятельство, создающее трудности, не может быть принята. Многоукладность свойственна не только феодальной, но в равной, а может быть, и в большей мере также капиталистической эпохе. Вряд ли кто-либо согласится с тем, что это дает повод к сомнению, являются ли современные государства Западной Европы или Северной Америки капиталистическими. При всякой многоукладности один из укладов доминирующий, ведущий, определяющий тенденции социально-экономического развития, что и служит критерием для установления принадлежности данного общества к той или иной формации. Все это, казалось бы, достаточно общеизвестно, но, как видим, все еще подвергается сомнению.

Удивляет и следующее утверждение: «Многоукладность, как разнукладность, наличие двух и более общественных форм в рамках одного общества, обычно принимается за признак его переходного состояния»³. Почему столь категорично? В сотнях книг говорится об элементах патриархально-родовых отношений в общественном строе народов Востока, о сохранении сильных пережитков феодализма в сельском хозяйстве некоторых развитых капиталистических стран, причем это вовсе не трактуется как показатель переходного их состояния. Едва ли это требует подтверждения ссылками.

Не следует забывать, что отказ от точных дефиниций в конечном счете может привести к понижению роли теории, к отказу от определения стадии общественного развития, на которой находится данное общество. Теория определяет основные закономерности той или иной общественной формы, а не конкретные их проявления, ожидать единообразия которых или удивляться его отсутствию было бы непросительной наивностью.

По-видимому, тенденция, отразившаяся в выдвинутом А. Я. Гуревичем тезисе, вызвана полемическим задором, свойственным этому глубоко и оригинально мыслящему исследователю. И сам ведь он пишет: «...называя это общество феодальным, мы тем самым исходим из предположения о ведущей роли феодального уклада»⁴. Тут не остается места для спора. Только чаще, вероятно, мы исходим не из предположения, а из убеждения или точного знания, потому что историческая наука давно вышла из младенческих пеленок и многие факты признаны твердо установленными. В том числе и марксистское учение о феодально-экономической формации.

³ Гуревич А. Я. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 17.

И еще одно замечание. Едва ли справедливо противопоставлять первобытную общину в данной связи другим докапиталистическим формациям. Конечно, говорить о наличии разных социально-экономических укладов в точном смысле этого слова в первобытном обществе не приходится. Но по разнообразию социальных институтов и форм хозяйства, по «непохожести» их на разных широтах и меридианах первобытная эпоха, вне всякого сомнения, превосходит все последующие. И здесь критерием для определения уровня развития являются основные закономерности, общие, абстрагированные черты.

Ни одна формация не имеет тождественных проявлений во всех странах, у всех народов. Ирокезское общество, классическое описание которого дал Л. Морган, во многом отличается от древнекельтского. Строй жизни коренных народов Сибири во многом отличен от такового у народов Южной Азии, хотя некоторые внешние аналогии и давали повод для различных спекулятивных построений¹. У отдельных народов наблюдаются серьезные отклонения от привычного для исследователей стандарта. У чукчей, например, не обнаружено родовой организации. Объединение группы родственных племен — варат — В. Г. Богораз был склонен рассматривать как зачаток рода². Однако на Чукотском полуострове шел процесс смены семейной общины территориальной и сложения раннеклассового общества³. Вариантов много, и, тем не менее, все это первобытно-общинный строй, доклассовое общество.

Этнографы много потрудились над стадийной дифференциацией первобытности, но классификации по существенным признакам еще не выработано. В этом направлении дело не пошло дальше установления аналогий. И это понятно: состояние источников и чрезвычайное многообразие форм делают задачу чрезвычайно сложной.

Для рабовладельческой формации трудами советских ученых установлены, по крайней мере, два типа: восточное рабовладельческое общество, в котором, как сказано выше, еще сохраняется значительная роль свободной или полусвободной общины, и античное рабство, достигшее полного расцвета в Древней Греции и Риме.

Ни Маркс, ни Ленин не рассматривали современное им капиталистическое общество как скроенное по одному трафарету, абсолютно тождественное во всех своих проявлениях в разных государствах. По-

¹ В качестве примера можно указать попытку утверждать тождество эвенков и мiao. См.: Koppezs W. Die Tungusen und Miao. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien., 1930. Bd. ZV.

² См.: Богораз В. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 94.

³ См.: Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. — Л., 1965. С. 79–101.

мимо дифференциации по степени развития капитализма, они дали важнейшие указания и для типологической классификации буржуазного строя. Объясняя причины поражения Нидерландов в их борьбе с Англией, Маркс сказал: «История падения Голландии как господствующей торговой нации, есть история подчинения торгового капитала промышленному»⁴. Таким образом, Маркс отличает капитализм торговый от более высокой его формы — капитализма промышленного. Маркс и Ленин в ряде работ подчеркивали ростовщический характер французского капитализма. Основой для классификации тут служат доминирующие черты экономического развития. Разумеется, такая классификация не носит застывшего характера и может изменяться по мере вступления капиталистического общества из одной стадии в другую. Примером может служить Франция в период империализма и научно-технической революции.

Классификация современного капитализма, естественно, не может быть стабильной, текущая жизнь рождает новые его типы. В частности, после Второй мировой войны складывается новый тип капитализма в развивающихся странах, причем и внутри его возможна определенная дифференциация. Во-первых, различна степень развития капитализма. Если Индия, Турция, Сингапур, Филиппины продвинулись сравнительно далеко, то в Шри-Ланке или Индонезии капиталистические отношения не столь развиты⁵. Во-вторых, возможна типизация по направлению развития. Если в одних странах (Индия, Танзания) укрепляется государственный сектор, что способствует созданию самостоятельной национальной экономики, то в других преобладает в промышленности частный сектор и широко распахнуты ворота для вторжения иностранного капитала.

Существуют различные типы, или формы, и социалистической формации. Первым опытом установления диктатуры пролетариата была коммуна. Октябрьская социалистическая революция породила советскую власть, в странах, перешедших после войны на социалистический путь развития, утвердился строй народной демократии.

Приведенный обзор показывает, что марксистская историческая наука допускает определенную типизацию в пределах каждой формации, хотя принципы ее не вполне разработаны и сама проблема в целом специально не ставилась. Но в свете сказанного закономерна постановка вопроса о типах не генезиса феодализма, но развитого феодаль-

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 3. С. 345.

⁵ См.: Зарубежный Восток и современность. М., 1974. Т. 1. С. 254.

ного общества, о критериях типизации. Для данного исследования это важно потому, что в итоге его мы должны ответить на вопрос, является ли феодализм в кочевом обществе самостоятельным типом феодализма или же он полностью укладывается по основным признакам в какой-либо тип, характерный и для общества оседлого.

К сожалению, одно дело — поставить вопрос, а другое — решить его. Для исследования же проблемы такой сложности нужны огромные знания и долгие годы, может быть, вся жизнь. К тому же она, конечно, выходит далеко за рамки нашей темы. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми соображениями, рассматриваемыми как рабочая гипотеза, как материал для дискуссии.

Прежде всего оговоримся, что в основу классификации не могут быть положены наличие или отсутствие отдельных институтов — прекария, коммендации, патроната, какую бы важную роль в становлении и развитии феодальных отношений они ни играли. Признание подобных институтов критерием сделало бы классификацию слишком дробной и привело бы, пожалуй, к признанию особым типом каждого феодального государства или, в лучшем случае, небольшого региона.

Какие же критерии могут быть приняты во внимание? Прежде всего, как нам представляется, — господствующая форма земельной собственности: государственная или частновладельческая, частнофеодальная. При этом мы подчеркиваем слово «господствующая», так как дело заключается тут в количественном соотношении. Почти нигде вторая из названных форм не сочеталась в каких-то, хотя бы и несущественных, пропорциях с первой, и, по новейшим данным, ни в одной стране первая не существует без второй. От преобладания той или другой зависят система эксплуатации крестьянства и структура господствующих классов.

Вторая важная черта — степень сохранения и значение рабовладельческого уклада. Хотя рабовладение в той или иной мере сохраняется в феодальную эпоху, по крайней мере на ранних его этапах, оно значительно больше влияет на социальную жизнь в тех странах, которые перешли к феодализму, пройдя через рабовладельческую формацию.

Далее. Определяющим признаком является степень закрепощения крестьянства. Здесь наблюдаются широкие градации: от крепостной зависимости до сохранения крестьянином личной свободы или полусвободы при наличии сословной неполноправности. Велика прослойка свободного крестьянства в период становления феодальных отношений. Сохраняет крестьянин личную свободу в тех регионах, где самый тип хозяйства (рыболовство и другие морские промыслы) не благопри-

ятствует установлению частной собственности на основные средства производства. Восстанавливается она там, где оказывается несовместимой с новыми экономическими формами (Северная Италия), или где постоянная угроза внешнего нападения делает необходимым привлечение к обороне широких слоев населения (Нормандия). Наконец, личная свобода крестьянина возникает на колонизируемых землях, особенно в случае, если колониционный процесс сочетается с освободительной борьбой, как было на Пиренейском полуострове в период реконкисты. В Азии сохранению свободного или полувисимого крестьянства способствует широкое распространение государственной собственности на землю.

Наконец, характер всей экономической жизни зависит от уровня городской жизни. Если в Западной Европе в раннефеодальный период наблюдается резкий ее упадок, то на Востоке переход от рабовладения к феодализму не сопровождался процессом рурализации, упадком ремесла и нарушением установившихся торговых связей. Вероятно, можно указать на ряд существенных черт общественной структуры, которые могли бы играть роль критерия. Разумеется, они могут послужить основанием для типизации сложившегося феодального общества лишь в комплексе, в сочетании различных признаков. При этом любое определение не будет стабильным, так как характер феодальных отношений, как и капиталистических, может изменяться со временем в пределах одного и того же государства (Китай до и после крупнейших крестьянских войн, Испания во время и по окончании реконкисты и т. д.). Изменения происходят и со вступлением феодализма из низшей его фазы в более высокую.

Несмотря на все особенности и многовариантность феодальной формации, в эту эпоху, как и в другие, прослеживается единство мирового процесса, проявляющееся не только в общности основных законов развития, но и во времени. Новая социально-экономическая формация утверждается в группе ведущих для своего времени стран примерно одновременно. Во всей истории человечества невозможно указать хотя бы один случай, когда бы одно государство долгое время жило в условиях одной формации, тогда когда все остальные не могли еще вырваться из тисков предыдущей. Правда, попытки утверждать нечто подобное, как мы увидим ниже, имели место, но едва ли можно признать их состоятельность.

Понятие единовременности, хотя бы и относительное, не стабильно, оно изменяется в каждую историческую эпоху, так как темп развития то постепенно, а то и скачкообразно убыстряется по мере приближе-

ния к нашему времени. Когда мы говорим о хронологической близости становления рабовладельческого общества на Востоке, то оперируем такими хронологическими определениями, как конец IV — III в., а то даже и начало II тысячелетия до нашей эры. Для превращения феодализма в «мировую систему» потребовалось четыре — пять столетий. Между Нидерландской революцией, предвещавшей приход новой исторической эпохи, и Французской буржуазной революцией, открывшей ее победоносное шествие по Европе, прошло около 200 лет. Всего одно тридцатилетие отделяет победу первой в мире пролетарской революции от начала складывания мировой социалистической системы. Таким образом, относительная (подчеркиваем, относительная) единовременность складывания феодализма представляет собою особенность не данного общественного строя, а всякой социально-экономической формации вообще.

Хронология генезиса феодализма не зависит от расположения страны, вступающей на феодальный путь развития, в той или иной географической зоне. Можно отметить только как общую тенденцию, что в обществах, не прошедших через развитой рабовладельческий строй, процесс феодализации завершается позднее, чем в тех, которые испытали на себе его влияние.

Велика заслуга в установлении синхронности генезиса феодализма замечательного нашего филолога и историка Н. И. Конрада, перенесшего вопрос о единстве мирового исторического процесса из области благих пожеланий на почву хорошо обоснованной научной концепции.

Резюмируя свои многочисленные высказывания по вопросам хронологии, Н. И. Конрад пишет: «Таким образом, VII–VIII века представляют, несомненно, особую эпоху всемирной истории — время утверждения феодализма во всех решающих участках Старого света; время создания феодального права, время утверждения специфических для феодализма идеологий, призванных укреплять феодализм, — буддизма, христианства и ислама, бывших не только религиями, но и крупнейшими церковными организациями, построенными на типично феодальных началах»¹. Автор с полным основанием подчеркивает, что хронологические рамки становления феодализма на Западе и Востоке в основном совпадают.

Взглядам советского ученого противостоит маоистская концепция истории Китая. Мао Цзэдун утверждает: «Хотя Китай — государство великого народа, хотя это — государство с огромной территорией, мно-

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. История. С. 338.

гочисленным населением, многовековой историей, богатыми революционными традициями и прекрасным историческим наследством, однако после перехода от рабовладельческого строя к феодальному он вступил в длительный период замедленного экономического, политического и культурного развития. Период существования этого феодального строя, начавшийся со времен династии Чжоу и Цинь, затянулся примерно на три тысячи лет»². Эта своеобразная хронология сопровождается еще одним удивительным замечанием: «...после объединения Китая императором циньской династии Ши-хуаном образовалось абсолютистское феодальное государство с централизованной властью»³. Следовательно, Мао полагает, что абсолютизм, утвердившийся в Западной Европе к концу XV в., восторжествовал в Китае уже при любимом его герое, т. е. в середине III в. до нашей эры. Пытаясь объяснить такое замедленное развитие, Мао Цзэдун приводит элементарные сведения о феодальной эксплуатации, которые можно с равным основанием отнести к любому феодальному обществу, т. е. не объясняет ничего⁴.

В чем же причины такой не опирающейся на серьезный исторический анализ и не подкрепляемой достоверными фактами периодизации? Ее можно объяснить только присущей маоизму националистической идеей об исключительности исторического пути китайского народа. Когда древние греки переживали еще героический период своей истории, а Рим если и существовал, то был захудалой сельской общиной, в Китае уже сложилось развитое феодальное общество. Он шел далеко впереди других народов. Но «великий кормчий» и его последователи странным образом не понимают, что их «концепция» является, фигурально выражаясь, палкой о двух концах. Передовые страны Европы прошли через феодальную стадию примерно за одно тысячелетие. Китай же, если поверить утверждениям Мао Цзэдуна, не смог перейти к более высокой ступени социального развития втрое более длительный срок. И тут Мао, вольно или невольно, смыкается с архиреакционными историками, проповедывающими неспособность народов Востока самостоятельно перейти к более высоким социальным формам, чем феодализм. Так национализм приводит к духовному единению с оголтелым расизмом.

Так как положения, чтобы не сказать — изречения, Мао Цзэдуна носят в Китае нормативный характер, они отразились и в некоторых тру-

² Цзэдун Мао. Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 139.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 138–140.

дах историков. Датировку Мао повторяет Фань Вэнь-лань, хотя в обоснование ее справедливости он не может привести иных данных, кроме ссылок на формы эксплуатации, имевшие место на всем Древнем Востоке и свидетельствующие о том, что рабовладение сочеталось с поборами деспотического государства с непосредственных производителей при сохранении сильных общинных пережитков¹.

Советская историческая наука рассматривает чжоуское общество как раннеклассовое, в котором еще очень большое значение имели родоплеменные связи и где власть сосредотачивалась в руках племенной аристократии. Лишь в VIII–V вв. до н. э. ее влияние было подорвано преобразованиями, заменившими племенную организацию государства территориальной, находящими себе аналогию с реформами Солона — Клисфена, кстати сказать, близкими и по хронологии. Складывание же феодальных отношений датируется III–VI вв. н. э.²

Но концепция такого крупного знатока истории Китая, как Фань Вэнь-лань, и его не менее авторитетных единомышленников, хотя и подверглась критике в самом Китае³, нашла некоторый отклик в нашей литературе у историков, склонных отрицать прохождение Китая через рабовладельческую формацию. Л. С. Васильев полагает, что в Древнем Китае «на обломках первобытной общины возникло и длительное время существовало, медленно развиваясь, раннеклассовое общество, в рамках которого сосуществовали два основных уклада, два способа производства». Ведущий из них, по мнению автора, «феодальный (протофеодальный), основанный на эксплуатации общины, играл в этом обществе основную роль»⁴.

Такие расхождения в хронологии свидетельствуют, как не раз отмечалось, о недостаточной изученности вопроса. Автор этой книги менее всего подготовлен к дискуссии по проблемам китайской древности. Но все же следует сказать, что эксплуатация общинников и раздача земель наблюдались на заре становления классового рабовладельческого общества во всех странах Древнего Востока. Если любые поборы с общины считать феодальной рентой, если зависимость от госу-

¹ Вэнь-лань Фань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 67–92.

² История Китая... С. 22, 51–60.

³ Вяткин Р. Предисловие // Вэнь-лань Фань. Древняя история... С. 11.

⁴ Васильев Л. С. Рабовладение... С. 108. Надеюсь, что никто не заподозрит автора данной работы в попытке обвинять заслуженных советских ученых в маоизме. Их позиция определяется своеобразным толкованием исторических фактов, тогда как голословные утверждения Мао вытекают из его националистических взглядов.

дарственной власти или ее ставленников при всех обстоятельствах и в любую эпоху считать признаком феодализма, то вполне логично было бы и применение наемного труда, возникающее в глубокой древности, рассматривать как появление капиталистического уклада.

Феодальная формация характеризуется целым комплексом социально-экономических институтов. Феодальный уклад возникает на определенном уровне развития производительных сил, которого чжоусское общество, по приводимым в специальных трудах данным, еще не достигло. В нем можно обнаружить типичные черты раннеклассового общества, стоящего на стадии, предшествующей складыванию рабовладельческого строя, что не исключает, конечно, возможности развития, минуя эту формацию.

С точки зрения общей теории феодализма более аргументированной представляется концепция Н.И. Конрада и авторов «Истории Китая с древнейших времен до наших дней».

Аналогичная дискуссия ведется и историками Индии. Е.М. Медведев пытается доказать, что в Древней Индии развивался не рабовладельческий, а феодальный строй, элементы которого обнаруживаются им даже в Хараппской цивилизации, ибо можно полагать, что налоговое обложение существовало уже в эту эпоху. «Согласно нашему пониманию, — пишет он, — налоговая эксплуатация хозяйственно-самостоятельных землевладельцев является формой феодальной государственной эксплуатации»⁵. Позволим себе заметить, что, по нашему мнению, налоговая система, в той или иной ее форме, возникает с образованием раннеклассового государства и никак не может служить критерием для отнесения любой страны, где взимаются налоги, к числу феодальных.

Исходя из этого тезиса, что всякая эксплуатация зависимых, но ведущих самостоятельное хозяйство общинников является феодальной, Е.М. Медведев говорит «о существовании в древней Индии трех укладов: первобытнообщинного, феодального и рабовладельческого, подразумевая под укладом производственные отношения, потенциально способные образовать формацию»⁶.

Не вдаваясь в подробности, рассмотрим заключительный вывод: «Поскольку... рабовладение не получило значительного развития в экономике и большая часть прибавочного продукта присваивалась господствующими слоями через феодальные формы эксплуатации, в целом

⁵ Медведев Е.М. Генезис феодальной формации... С. 57.

⁶ Там же. С. 77.

индийскую древность следует отнести к феодальной формации. Это начальная стадия феодализма. Теоретически при определенных благоприятных условиях на этой стадии возможен путь усиления рабовладельческого уклада и формирования рабовладельческого общества. Учитывая специфику этого периода, его можно было бы назвать древнефеодальным, подразумевая, что это первая стадия раннего феодализма, сменяющаяся в первые века н.э. второй стадией, характеризующейся вытеснением централизованной эксплуатации частной.

Таким образом, в строгом смысле слова генезисом феодализма мы должны были бы считать только начало формирования государственной формы феодальной эксплуатации¹.

С точки зрения общей теории феодализма все здесь удивительно. И странная периодизация с весьма необычной терминологией, и «теоретическое» допущение возможности эволюции раннего феодализма в рабовладельческий строй, хотя, насколько нам известно, случаев такого «обратного развития» в истории не зафиксировано. Разделение раннего феодализма на две стадии, гранью между которыми служит смена централизованной эксплуатации частной, не может не вызвать возражений, потому что такой закономерности нет в истории большинства народов, а подобная смена там, где она имела место, происходила в разной последовательности и необязательно на ранней стадии развития феодализма.

Все те явления, которые, по мнению автора, характеризуют его «древнефеодальное» общество, обычны для всякого раннеклассового общества с его еще нечеткими социальными институтами. Они могут определять и ранний рабовладельческий строй, и дофеодальный, пользуясь терминологией А. И. Неусыхина, период. Появление концепций, подобных рассмотренной, связано, как нам представляется, с разрывом между общей теорией феодализма и изучением истории отдельных стран Востока, к преодолению которого стремятся и историки Запада, и ориенталисты.

Прав, на наш взгляд, главный оппонент Е. М. Медведева Г. Ф. Ильин, когда он пишет: «Исследователям часто кажется невероятным, что в каком-либо классовом обществе может существовать многочисленный слой свободных тружеников, не подвергающихся эксплуатации. А между тем дело обстоит именно так и долгое время не могло обстоит иначе. Рабовладельческий строй вырастал из первобытнообщинно-

¹ Медведев Е. М. Генезис... С. 94.

го постепенно, и последний исчезал не сразу»². Логичен и его вывод: «То, что писалось до сих пор о большой роли феодальных отношений в древней Индии, основано на ошибочных теоретических положениях и противоречит фактам. Существенные элементы этих отношений, насколько можно судить на настоящем уровне наших знаний, начинают возникать только в первые века н.э.»³ Авторы краткого очерка истории Индии, хотя и находят «черты феодальной эксплуатации» в индийской древности, все же датируют начало становления феодальной формации VI в. н.э.⁴ Таким образом, авторитетные специалисты относят становление феодализма и в этой стране примерно к тому времени, о котором шла речь у Н.И. Конрада. Несостоятельность иных концепций истории двух крупнейших стран Азиатского материка служит лишь подтверждением правильности его утверждения о синхронности (и определенном диапазоне, конечно) становления феодализма в ведущих странах и Запада, и Востока. В этом можно усмотреть еще одно проявление единства мирового исторического процесса, и нам предстоит проследить, в каком соотношении с ним находится в этом смысле история кочевого мира.

² Ильин Г.Ф. О феодальных отношениях в древней Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. С. 102.

³ Там же. С. 108.

⁴ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973. С. 156.

Глава II

ВОСТОК И ЗАПАД

Неслучайно название этой главы воспроизводит, в обратном порядке, название книги Н. И. Конрада¹. Идея отличного исторического пути Европы и Азии, возникшая в давние времена, долго жила в умах ученых, пока современная наука не развеяла старые предрассудки. Материалистическое понимание истории и современная практика азиатских народов, проснувшихся к новой жизни, доказали всю вздорность концепции об извечном превосходстве белого человека. Но она, эта концепция, еще жива и имеет своих поборников в рядах буржуазных ученых, зараженных европоцентризмом. С другой стороны, революционный национализм, свойственный правым политическим течениям в освободившихся странах, породил противоположное течение — азиатизм. Оба эти направления реакционны по своей сущности и враждебны революционному и национально-освободительному движению.

Советская историческая наука стоит на позициях полного равенства всех народов и равной для всех возможности развития высокой цивилизации. Выражением таких взглядов является идея единства исторического процесса, о которой шла речь в предыдущей главе. Этой идеей пронизан ряд блестящих работ академика Н. И. Конрада. Руководствуясь ими, мы хотим разобрать некоторые аспекты этой темы, затронутые ученым или не привлечшие его внимания. Для данной работы это необходимо потому, что история кочевых народов, хотя и оставила заметный след на Западе, развертывалась на Востоке, в постоянном контакте с оседлыми обществами. Поэтому важно выяснить место, занимаемое Востоком в мировом историческом процессе, и охарактеризовать тот фон, на котором шло сложение феодального строя у кочевников.

Общеизвестно, что первенство Запада в социальном и культурном отношении охватывает сравнительно небольшой отрезок времени. Чем дальше вглубь истории, тем очевидней выступает более высокое развитие Востока. Первые очаги цивилизации, ранние рабовладель-

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.

ческие государства возникают в долинах великих рек, в субтропической зоне, где существовали благоприятные условия для распространения орошаемого земледелия. Области с умеренным климатом, Европа в частности, в те времена были населены людьми, не поднявшимися выше первобытно-общинного строя.

С возвышением северного Средиземноморья положение меняется. Рабовладельческое общество достигло своего высшего развития в Греции и Риме. Разлагающиеся, раздираемые внутренними противоречиями восточные деспотии не выдержали состязания с крепнущими античными государствами. Греко-персидские войны были первым сигналом, а затем Восток пал под ударами македонских фаланг. Единство империи, созданной Александром Македонским, было недолгим, но она положила начало эпохе эллинизма, в которую приоритет греческих социальных форм и эллинской культуры был бесспорен. Это было время мощного синтеза Востока и античности при ведущей роли последней.

Такое же соотношение Востока и «Запада» (для того времени такая классификация вряд ли является точной) сохраняется и в римскую эпоху. Рим первенствовал в тогдашнем мире не только мощью своих легионов, но и превосходством в области техники, экономики, культуры. И так продолжалось до заката Западно-Римской империи.

Раннее средневековье, период становления более прогрессивного способа производства, сопровождалось в Европе, включая ту часть ее, которая была под властью Рима, упадком культуры, городской жизни, ремесла и торговли. Восток, не испытавший при переходе от рабовладения к феодализму такой глубокой катастрофы, сохранил многие достижения городского производства, широкие торговые связи и культурные традиции. Маятник вновь качнулся. Запад отставал, Восток первенствовал. Еще во время крестовых походов, когда европейские рыцари увидели Восток своими глазами, а просвещенные мусульмане познакомились с повседневным бытом и культурным обликом закованных в железо незваных пришельцев, они были поражены суевериями и предрассудками, глубоким невежеством последних².

И становление, и разложение феодализма на Западе шло быстрее. С развитием городов, с усложнением экономических связей начинается постепенное преодоление культурного застоя и господства религиозной идеологии. Первые проблески капитализма породили эпоху Возрождения, великие географические открытия стали началом преобразования не только Нового, но и Старого света. И по уровню соци-

² См., напр.: Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1958.

ально-экономического развития, и по прогрессу культуры, по достижениям в области науки, все более опирающейся на экспериментальные данные, а не на схоластические догмы средневековья, Европа обгоняет Восток. Она становится достаточно сильной, чтобы в период первоначального накопления приступить к подчинению Востока, используя свое превосходство в военной технике и внутреннюю слабость восточных стран. В капиталистическую эпоху колониальное господство способствует углублению разрыва. Запад богатеет, Восток нищает, и прогресс его искусственно задерживается.

С распадом колониальной системы после Второй мировой войны начинается быстрое преодоление былой отсталости стран Востока. В странах, вступивших на социалистический путь развития, этот процесс идет намного быстрее, чем в освободившихся государствах, не порвавших с капиталистической системой. Но он повсеместен и неодолим. Практика сегодняшнего дня показывает, что дело идет, несмотря на серьезные трудности, встречающиеся на этом пути, к выравниванию уровня развития Запада и Востока, хотя полное преодоление последствий колониализма потребует для подавляющего большинства стран, добившихся независимости, длительного времени.

Таким образом, ни Восток, ни Запад не являлись передовой частью мира на протяжении всей его истории. Соотношение их изменялось и определялось конкретными историческими условиями. Для того периода, который непосредственно нас интересует, т.е. для феодального, не приходится говорить о каком-либо превосходстве Запада на всем его протяжении. И, несмотря на значительную изоляцию, никогда не прерывались связи между Западом и Востоком; и тот и другой в равной степени были участниками и творцами мирового исторического процесса. Как на Западе, так и на Востоке наблюдаются разные типы феодального государства, и здесь мы можем обнаружить все три варианта генезиса феодализма, так что ни один из них не был специфической особенностью одной части света.

В Индии, Китае, Иране феодализму предшествовал рабовладельческий строй. То, что он не получил здесь полного развития и имел существенные отличия от классического рабовладения античной эпохи, давало повод для сомнений, можно ли восточное общество вообще считать рабовладельческим, учитывая, что основными производителями были не столько рабы, сколько общинники, сохранявшие свои земли¹. Как и рабовладельческие державы Запада, они подвергались

¹ См.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

сильному нажиму варварского, кочевого, по преимуществу, мира, и обширные их территории становились объектом вражеских воцелений, реализовывавшихся в захватах, уничтожении городов и оросительных систем, ограблении и избииении большого числа людей. Но, в отличие от Рима, эти государства устояли, восстанавливая разрушенное после спада каждой волны кочевых нашествий, и здесь не было замены деспотий образовавшимися на их территории варварскими королевствами. Следовательно, процесс синтеза выражен относительно слабее.

Примеров перехода к феодализму от первобытно-общинного строя в Азии не меньше, чем в Европе. Не говоря уже о номадах, таким путем шли народности, занимающие несколько изолированное положение. Распад родоплеменной структуры подготовил почву для перехода к феодализму афганцев².

Таков же, в принципе, путь к феодализму народов Юго-Восточной Азии³, Тибета. Хронология разная, и ход событий очень отличен, но везде, за исключением крупнейших держав, переход к феодализму происходил на базе разложения первобытно-общинного строя.

Для Африканского континента этот путь является абсолютно доминирующим. Его особенность — сохранение вплоть до наших дней общинной организации, на базе которой и складываются весьма специфические по своим проявлениям феодальные отношения⁴.

Значительно сложнее вопрос о третьем варианте, хотя и он, по-видимому, имел тут место. Но можно полагать, что он носил здесь несколько иной характер, чем в Западной Европе. Там феодализм креп на базе варварского строя, впитывавшего в себя сохранившиеся элементы аграрных отношений, унаследованных от Римской эпохи. В южной же Азии сказывалось сильное и социальное, и культурное влияние индийской цивилизации, не пережившей в то время ни катастрофы, ни заметного упадка. Следовательно, здесь определяющим направлением синтеза были не остатки ушедшего прошлого, а восприятие живого опыта развивающегося общественного организма. Это влияние сказалось в Шри-Ланке и, в различной степени, на государствах Индокитайского полуострова.

Неудачная попытка искусственного синтеза имела место и на Дальнем Востоке. Мы имеем в виду реформу Тайка, которая, как упомина-

² См.: Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954. С. 184–273.

³ См.: Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы. М., 1973. С. 53; Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. 1948. С. 16.

⁴ См., напр.: Следзевский И. В. Хаусанские эмираты северной Нигерии. М., 1974. С. 156–157.

лось выше, преследовала цель насильственно пересадить на японскую почву китайскую надельную систему. Попытка эта, по свидетельству японского историка, потерпела крах, потому что реформа «не соответствовала условиям, существовавшим в то время в стране». Новые законы, бывшие простым переводом с китайского и далекие от местных традиций и обычаев, «не могли долго сохраняться на практике»¹. Но, даже потерпев в конечном итоге неудачу, эта реформа способствовала ускорению перехода на феодальные рельсы развития.

Проблема синтеза в странах Востока требует специального изучения в двух планах. Во-первых, для выяснения степени влияния древних цивилизаций на более поздние государственные образования. Во-вторых, для определения конкретных форм взаимодействия между оседлыми и кочевыми обществами. Ни ту, ни другую проблему нельзя считать исследованной в сколько-нибудь достаточной степени.

Известное высказывание Маркса об азиатском способе производства в связи со специфическими чертами общественного строя на Востоке привело некоторых историков к идее существования там особой формации. Число противников этой теории всегда было в советской науке большим, чем количество ее приверженцев, но дискуссия об азиатском способе производства, то оживляясь, то затухая, продолжается долгие годы. Эта теория нашла себе сторонников и в рядах зарубежных историков-марксистов.

Рассмотрение истории вопроса и отдельных ее аспектов увело бы нас слишком далеко от нашей темы. К тому же у нас нет принципиальных расхождений с трактовкой проблемы, данной в превосходно аргументированном исследовании Ю. В. Качановского². Оно содержит и критический разбор концепций ученых, пытающихся отстоять шестую формацию, и изложение позиции самого автора, сводящейся к тому, что на Востоке, при всех локальных особенностях, складывались те же самые формации, что и на Западе, что исторический процесс был единым для двух основных регионов Старого света, а также для доколониального периода развития Африки и Америки.

К тому, что уже сказано в ходе дискуссий, мы позволим себе добавить несколько замечаний. Представляется, что некоторые исследователи, притом и весьма авторитетные, внесшие свою лепту в ученые спо-

¹ Takekoshi Yosoburo. The economic aspects of the history of the civilisation of Japan. L., 1930. Vol. I. P. 38.

² Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971.

ры, не слишком задумывались над классовой структурой «азиатского» общества. Академик Е. С. Варга главную особенность азиатского способа производства усматривает в том, что при нем «земля — важнейшее средство производства — является собственностью государства. При классическом феодализме она является собственностью владельцев земли — феодалов»³. Хотя этот тезис сопровождается оговоркой, что он относится ко времени до образования европейских «абсолютных монархий» (Е. С. Варга заключает этот термин в кавычки), едва ли многие медиевисты согласятся с его универсальностью.

Ахиллесовой пятой такой концепции является отсутствие не только анализа, но даже упоминания о классовой структуре общества. Общество на той стадии развития, о которой идет речь, носит уже четко выраженный классовый характер. Это признается всеми спорящими сторонами. Относительно класса непосредственных производителей (крестьян, свободных или полусвободных общинников) сомнений нет. Это эксплуатируемая часть общества. Но кто представляет эксплуататорский класс? Противники азиатского способа производства отвечают: феодалы, взимающие ренту либо непосредственно, либо через посредство государства в общегосударственном масштабе. У Е. С. Варги ответа на этот вопрос нет. Он говорит только о роли государства. Но последнее является орудием господствующего класса. Какого же?

Как бы его ни называть — военной аристократией, придворной бюрократией или как-нибудь иначе, неизбежен следующий вопрос, и притом, как нетрудно понять, центральный для решения всей проблемы, а именно: каким путем шло присвоение прибавочного продукта, т. е. какова была форма эксплуатации производителя? Критика различных ответов на оба этих вопроса содержится в книге Ю. В. Качановского, к которой мы и отсылаем читателя⁴. Как он может легко убедиться, ни один ответ не может удовлетворить самого невзыскательного читателя. Очевидно, что с того момента, как производитель перестает быть частью средств производства, т. е. не является рабом, эксплуатация основывается на земельной собственности и выражается в форме феодальной ренты, независимо от того, отдельные ли крупные землевладельцы или само государство выступают в роли феодала.

Характерно, что такой крупный экономист, как Варга, называл господствующие элементы азиатского общества весьма неопределенно:

³ Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964. С. 374 (подчеркнуто Е. С. Варгой).

⁴ См.: Качановский Ю. В. Указ. соч. С. 135–178.

«эксплуататорские слои»¹. Неслучайно, вероятно, при выяснении отличий феодализма от азиатского способа производства Е. С. Варге приходится ссылаться и на весьма несущественные признаки. В частности, при азиатском способе производства не хватало земли, но не было недостатка в рабочей силе. В средневековой Европе же дело обстояло наоборот. Дефицит земли в восточном обществе вызвал высокие цены на орошаемые угодья², которые измерялись необычно малыми для европейца мерами, вроде китайского му (1/16 гектара). Станным образом Е. С. Варга упускает из вида два обстоятельства. Во-первых, вложение значительного труда в эту землю, естественно, повышает ее стоимость. Во-вторых, урожайность ее неизмеримо выше. Например, в Корее для безбедного существования крестьянину достаточно участка земли площадью в 3,6 акра³. В Америке же владелец такого количества земли никак бы не свел концы с концами. Можно также добавить, что и в Европе, например в Кастилии в пору Реконкисты, орошаемые земли отчуждались, как правило, мелкими участками, причем границы их описывались не менее тщательно, чем на Востоке. Орошаемые земли и тут были в цене, хотя, вероятно, никто не станет утверждать, что на Пиренеях был и во втором тысячелетии нашей эры не феодализм, а азиатский способ производства. Все локальные особенности объяснялись тем, что это была область колонизации, где с мусульманских времен сохранялось искусственное орошение.

В чем же причина того, что дискуссии об азиатском способе производства, о специфике развития общественного строя Востока все еще продолжаются, привлекая многих ученых-востоковедов? Прежде всего, это обусловлено недостаточной изученностью многих вопросов, что признается всеми участниками этих дискуссий, какую бы позицию они в них ни занимали. С другой стороны, сказывается и различная оценка уже твердо установленных наукой фактов, приводящая к столкновению взглядов. Дискуссии привлекли внимание к принципиально важным проблемам, и в этом их несомненная полезность.

В спорах, как известно, рождается истина. Но объективность требует признать, что в данном случае она рождается медленно: за 40 с лишним лет не достигнуто единого мнения.

Создается впечатление, что на уровне дискуссии сказывается все еще непреодоленная разобщенность между историками западного

¹ Варга Е. С. Указ. соч. С. 375.

² Там же. С. 374–375.

³ Гражданцев А. А. Корея. М., 1948. С. 228.

и восточного средневековья. При этом большего упрека заслуживают первые. И в капитальных трудах, трактующих подчас общие вопросы, и на страницах сборников «Средние века» почти не найдешь обращения к восточному материалу. Призывы к созданию единой концепции исторического развития остаются еще в значительной мере благим пожеланием.

Востоковеды к западному материалу обращаются чаще. И это вполне закономерно, так как общая теория истории разрабатывалась в основном на западном материале. И все же и здесь контакт далеко не достаточный. Отсутствие же сравнительного материала приводит к переоценке особенностей, что вполне справедливо было отмечено И. Я. Златкиным⁴. Просмотр материалов последней по времени дискуссии, опубликованных в сборнике «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», приводит к парадоксальному выводу. Теория рабовладельческого общества представлена здесь достаточно полно, авторы постоянно обращаются к истории Древнего Востока и античности, оперируют сравнительными материалами, рассматривают существующие концепции. Возможно, это связано с тем, что история рабовладельческой формации развевывалась на Востоке, и эта зона входит в «ведомство» ориенталистов.

Но положение радикально меняется, когда речь заходит о феодализме, хотя азиатский способ производства противопоставляется не только рабовладельческой, но и феодальной формации. Только в одном выступлении, Л. С. Васильева, удалось обнаружить ссылку на последние достижения отечественной медиевистики в области генезиса феодализма, т. е. на концепцию А. И. Неусыхина. Но и тут дело ограничивается признанием, вслед за последним, «общинного» способа производства феодальным (ранне-, протофеодальным) «по своему характеру и содержанию»⁵.

Между тем если бы концепция дофеодального периода (вне зависимости от того, удачно или неудачно название, данное ей автором) была использована полнее, то стало бы очевидным, что многие из особенностей, казалось бы, присущих только Востоку, на самом деле таковыми не являются. Привлечение же более широкого круга работ последних лет по проблемам генезиса феодализма еще более сузило бы специфику Востока. Во многих работах сторонников азиатского способа производства Восток предстает во всем конкретном многообразии, тогда как за-

⁴ Общее... С. 231.

⁵ Там же. С. 119.

падный феодализм — в некоем стандартизированном, «моделированном» виде¹.

Впрочем, этим грешат и сочинения противников азиатского способа производства. В списке использованной литературы в книге Ю. В. Качановского, насчитывающем более 300 названий, приведено лишь несколько работ, посвященных европейскому феодализму, да и то преимущественно журнальных статей². Но от этого, спешим оговориться, пострадала не его концепция, а лишь аргументация в отдельных вопросах.

Стандартным представлением о западном феодализме является всеобщность закрепощения крестьян, превращение их с развитием феодализма в однородную массу крепостных. Такая тенденция несомненна. Но так же, как и на Востоке, не все тенденции, включая и данную, реализуются полностью. Если взять Францию, считающуюся страной классического феодализма, то так называемая экспансия серважа, т. е. закрепощение крестьянства, охватила разные части страны далеко не в одинаковой мере. Например, в Бретани, заселенной после опустошительных набегов норманнов новыми колонистами, крестьяне уже в середине XI в. стали лично свободными, а в Лангедоке и в период развитого феодализма сохранялась аллодиальная собственность крестьян. По компетентному суждению историка средневековья, это объяснялось тем, «что она (аллодиальная собственность. — Е. З.) нашла свою экономическую опору в ранней интенсификации сельского хозяйства, политическую опору — в сопротивлении богатых городов возникновению могущественных сеньорий и юридическую поддержку — в пережитках, а затем, с XIII в. в рецепции римского права, хотя последнее играло во многих районах Западной Европы иную роль»³. При этом как лично зависимые, так и свободные крестьяне сохраняли свою общинную организацию, хотя функции ее и претерпели значительные изменения⁴. А следовательно, наличие общины, в том числе и не подчиненной крупным землевладением, характерно и для Европы, хотя и в ином количественном соотношении, чем на Востоке.

¹ По поводу тяги к неуместному употреблению модных терминов неплохо сказано одним из литературоведов: «Совершенно незачем, например, с ученым видом называть что ни попало «моделями»: модель языка, модель культуры, модель поведения. Жизнь не является моделью и не построена из моделей (хотя модели в ней и участвуют)». Палиевский П. В. Пути реализма. Литература и теория. М., 1974. С. 70.

² Качановский Ю. В. Указ. соч. С. 277–287.

³ Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954. С. 140.

⁴ Там же. С. 221; см. также: Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

Большее внимание к западному феодализму заставило бы внести и другие коррективы. Такие события, как реформа Карла Мартелла, свидетельствуют о том, что государство, даже на заре феодального развития, было далеко не повсеместно такой фикцией, какой оно представляется Е. С. Варге. А о силе ударов, наносимых королевской властью могущественным феодальным магнатам в период «собирающих земель», предшествующий становлению абсолютизма, и говорить не приходится. И на Западе, как и на Востоке, на всем протяжении феодальной эпохи шла борьба между феодалами, группировавшимися вокруг короны, и противостоящими ей крупнейшими владельцами поместий. Различия заключаются не в принципе, а в мере интенсивности такой борьбы.

Едва ли специфической чертой Востока является и возникновение деспотической власти. Королевская власть, основанная на наследовании, возникает еще при строе военной демократии, но в оболочке деспотизма очень долго сохраняются различные ограничения, делающие эту власть и непрочной, и легко уязвимой. Свержение монархов и обильные династийные перевороты были следствием не только непомерного властолюбия наших далеких предков, но прежде всего объективной неустойчивости власти, зависевшей от расположения господствующих социальных слоев, влияние которых определялось еще живыми традициями родоплеменных отношений. Сильная внешне или, точнее говоря, сильная спорадически (например, при первых Каролингах) королевская власть сразу обнаруживает свою внутреннюю слабость, когда задача установления феодального строя выполнена и укрепился оппозиционный по отношению к ней слой крупных феодалов. Тогда единство раннефеодального государства повсеместно сменяется периодом феодальной раздробленности. Организация власти имеет свои оттенки, но позволительно усомниться в принципиальном отличии ее на Востоке от той, которая складывалась на Западе. Разумеется, речь идет только о времени становления феодального государства.

Можно было бы поделиться с читателем и многими другими сомнениями в специфичности тех или иных социальных форм Востока. Но тема эта, чрезвычайно сложная, заслуживает не только попутного рассмотрения. Мы ее коснулись лишь для того, чтобы подчеркнуть, что для определения степени отличий одного социального института от другого и своеобразия их совокупности надо стараться одинаково полно ознакомиться с обеими сравниваемыми сторонами. Хочется солидаризироваться со словами Марка Блока: «Мы только просим помнить, что в исторических исследованиях нет места автаркии. Изоли-

ровавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области; единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, — это всемирная история»¹.

Эту истину настойчиво повторяет в своих работах Н. И. Конрад.

Лучшим доказательством того, что не географическое положение определяет характер феодального развития, что «Восток», так же как и «Запад», не представляет собою полного единства, является пример Японии, единственного государства Азии, перешедшего во второй половине XIX в. на рельсы капиталистического развития и в сравнительно короткий срок освободившегося от неравноправных договоров. Судьба Страны восходящего солнца разительно отличается от судеб ее соседей, в той или иной мере ставших жертвой колониальной агрессии.

Чем объяснить, что Япония успела совершить свою революцию Мэйдзи? Говорить о ее превосходстве над Китаем и Кореей в феодальный период не приходится. Наоборот, и экономическое, и социальное, и культурное развитие Японии протекало под сильным влиянием этих континентальных держав с их гораздо более древней цивилизацией. Длительная изоляция Японии от внешнего мира, по единодушному мнению и японских, и зарубежных историков, способствовала ее отставанию, задерживая развитие производительных сил и чрезвычайно затрудняя культурные контакты.

Чем же объяснить, что при столь, казалось бы, неблагоприятных обстоятельствах Япония сумела совершить за какие-нибудь 30–40 лет скачок от чистейшего феодализма к современному империализму? Указывают на то, что Япония имела некоторый выигрыш во времени, так как «черные корабли» американского флота появились у ее берегов тогда, когда на континентальной части Дальнего Востока колониальная экспансия находилась в разгаре. Н. И. Конрад в статье «Столетие японской революции» связывает эту отсрочку с отвлечением сил колонизаторов на подавление мощных революционных и освободительных движений, прокатившихся широкой волной в середине прошлого столетия во многих странах, подвергшихся колониальному закабалению или агрессии капиталистических государств².

Такая отсрочка, отчасти объяснявшаяся еще слухами о скудости природных ресурсов страны, сыграла свою роль. Если бы колониальные державы приступили к взламыванию японских дверей на 20–30 лет

¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 29.

² Конрад Н. И. Избранные труды. С. 189–190.

раньше, ход событий мог бы быть и иным. Но, тем не менее, ссылка на позднее наступление на Японию еще ничего не объясняет. Первым актом превращения Китая в полузависимое государство была Первая опиумная война. Следствием ее явилось глубочайшее революционное потрясение — Тайпинская война. Но в Тайпинском движении если и существовали какие-либо буржуазные элементы, то в самой эмбриональной форме. Начало этой крестьянской войны отделяют от «открытия» Японии всего 8, а от революции Мэйдзи — 18 лет. Можно ли предполагать, чтобы Китай, будь ему дана такая же отсрочка, подошел к порогу буржуазной революции? Характер тайпинского движения такую возможность исключает. Значит, дело тут не только в хронологии.

Н. И. Конрад справедливо замечает о японском народе: «...обрести же силы для революционного переворота в собственном доме он мог только в самом себе. И таковые силы нашлись»³. Почему же они нашлись на всем Востоке только в Японии?

Ответ на этот вопрос был дан К. Марксом в единственном его высказывании об этой стране: «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предвзвешенностями»⁴. До недавнего времени эта цитата, обязательная во всех изданиях, посвященных японской истории, приводилась в подтверждение и без того очевидного факта, что строй старой Японии был феодальным, а не каким-либо другим. Между тем мысль, высказанная основоположником научного социализма, гораздо глубже, и можно только поражаться тому, как Маркс, располагая в то время самой ограниченной информацией о Японии, сумел уловить самую суть вопроса. Главное заключается в том, что Маркс обнаружил в аграрном строе Японии «верную картину европейского средневековья (подчеркнуто мною. — Е. З.)». Подобной оценки мы не встретим у Маркса в отношении других стран Востока, в первую очередь Индии, историей которой он много занимался, посвятив ей ряд своих трудов, не говоря о хронологических выписках, сохранившихся в его архиве.

Анализируя структуру феодального общества Востока, Маркс и Энгельс отмечали его специфические черты и не проводили прямой аналогии с европейским феодализмом. Единственное исключение представляет собою Япония. И это объясняет нам все остальное. В Японии

³ Конрад Н. И. Избранные труды. С. 189–190.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 722, прим.

был европейский вариант феодализма, а не азиатский, т. е., формулируя точнее, отсутствовали те особенности, которые задержали переход от феодализма к капитализму в восточных странах. И поэтому цикл полного развития — становления и разложения — феодализма был в Японии близок к европейскому, а сравнительно небольшая разница определяется отрицательными последствиями изоляции.

Рассмотрим историю феодальной Японии несколько подробнее. Начало феодализма в ней связывают обычно с так называемой реформой Тайка, датируемой серединой VII в.

Н. И. Конрад решительно отвергает всякие сомнения в существовании наделной системы в Японии, так как оно зафиксировано не только в юридических документах, но и в исторических источниках и подкреплено археологическими находками¹. Это несомненный факт, и исследования самого Н. И. Конрада значительно обогащают представления об этой сложной системе. Вопрос заключается в том, как долго она просуществовала и насколько соответствовала обстановке, сложившейся в стране при переходе к феодальному строю.

Основные принципы этой системы были заимствованы из Китая, где они сложились намного раньше. Введение ее произошло после победы Сумэраги в междоусобной борьбе, завершившейся установлением единовластия и закрепощением крестьянства. Из двух тенденций, присущих этой аграрной структуре, как справедливо отмечает Н. И. Конрад, ведущее значение имела феодальная². В заимствовании системы была заинтересована верхушка победившего в междоусобице рода, поскольку концентрация власти и богатства (земли) в руках монарха давала ей лучшие шансы противостоять враждебным кликам и укрепить свое господствующее положение в раннефеодальном государстве.

Реформа Тайка по существу своему могла лишь временно решить задачу укрепления государства, будучи внутренне противоречивой. В кодексе Тайхоре, юридически оформившем систему, мы находим институт, хорошо знакомый по европейскому средневековью, а именно бенефиций, и даже более сложный, чем у франков или византийцев. Наряду с земельными пожалованиями (вместе с приписанными к земле крестьянами) по должности или за особые заслуги существовали ранговые, как их называет Н. И. Конрад, наделы, предоставляемые в строго регламентированном размере принцам и сановникам в зависимости от их степени. Поэтому «наделная система открывала возможность

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. С. 75.

² Там же. С. 95.

присвоения земель, превращения их из государственных в частновладельческие»³.

Н.И. Конрад полагал, что этому способствовали возможности надения земель навечно за особо важные заслуги, приписка земель к монастырям, передача в собственность окультивированных порожних участков, разрешение аренды без жесткой ее регламентации. Мы расширяем его аргументацию, связывая его конечный, цитированный выше вывод с бенефицием. Введение бенефициа везде вызывало борьбу за превращение его в лен. И Япония не явилась исключением⁴. Надельная система оказалась там столь недолговечной, что приходится даже опровергать сомнения в ее существовании. И это требует своего объяснения.

Надельная система не является институтом раннефеодальным. В ряде азиатских государств она дожила, может быть, в пережиточной форме до самых антифеодальных переворотов. Она складывается, независимо от уровня феодального развития, там, где феодализм принимает так называемую государственную форму, т.е. в качестве получателя ренты, в данном случае — ренты-налога, выступает государство. Достаточно вспомнить «государеву пашню» XVII в. в Сибири, чтобы убедиться, что в надельной системе нет ничего специфически азиатского и что она не приурочена к определенной стадии феодального развития. Следовательно, стоящая перед нами задача заключается в выяснении того, почему государственная форма земельной собственности так быстро уступила свое место частнофеодальной.

Дело, на наш взгляд, заключается в том, что в Японии не было нужды в хозяйственной и военной функциях, присущих централизованному государству континентальной Азии, где система государственного феодализма оказалась более живучей и упорно сопротивлялась наступлению феодальных магнатов. Оросительная система Японии, как правило, не требовала крупного ирригационного строительства, посильного лишь государству. Островное положение надежно защищало ее от вторжений кочевников, что освобождало от необходимости создания оборонительных сооружений и содержания крупных вооруженных сил.

Поэтому не существовало тех объективных условий, придававших специфические черты восточному феодализму, переоценка которых и приводила к поискам особой концепции развития этой части света.

Отсутствие государственной формы собственности и имело своим следствием развитие феодализма в варианте, близком к европей-

³ Конрад Н.И. Избранные труды. С. 97.

⁴ См.: Takekoshi Yosoburo. Op. cit. P. 113.

скому, и в примерно одинаковых хронологических рамках со странами, переходившими к феодализму, минуя рабовладение. Можно отметить много черт генезиса феодализма в Японии, сближающих ее с Европой. Тут и земельные пожалования монастырям и храмам, становившимся крупнейшими феодалами, и такой типично, казалось бы, западноевропейский институт, как прекарий. Крестьяне, возделывавшие целину, а такие земли считались собственностью землевладельца, не имея сил для защиты ее от притязаний крупных землевладельцев и наместников, жертвовали ее монастырям на условиях льготного держания и сохранения личной свободы¹.

Такая концепция, правда, не разделяется многими японскими историками. По сообщению Хисао Мацуока, на его родине существуют четыре точки зрения на исходный пункт генезиса феодализма, причем все они считают начальным рубежом феодальной эпохи более поздний период, чем тот, к которому относится реформа Тайка. Эти четыре датировки таковы: XI в., с образования феодальных поместий («сеэн»); со времени возникновения в XII в. сегуната со столицей в Камакура; с периода «намбоку-те» (северной и южной династий в XIV в.); со времени правления Ода Нобунага и Тоетоми Хидэёси (XVI в.)².

Трудно судить, на чем основываются такие датировки. Но последняя, которой придерживается рассматриваемый автор, имеет в основе своей ошибочное отождествление феодализма с полным закрепощением крестьян, которое и на Западе происходило во многих странах сравнительно поздно. Хисао Мацуока пишет, что после объединения страны Ода и Тоетоми «новая централизованная власть воспретила крестьянам иметь оружие, отделила воинов от крестьян, запретила крестьянам покидать обрабатываемую ими землю. Новая политика заключалась в том, чтобы приковать крестьян к земле. И лишь только с этого времени по всей стране твердо установились отношения феодального владельца и крепостного»³. Слабость такой теории довольно очевидна. К своей централизации Япония подошла уже сложившимся феодальным государством.

Это полностью признается прогрессивным крылом японской исторической науки. Хани Гиро относит начало генезиса феодализма ко времени, последовавшему за реформой Тайка, а утверждение феодализма,

¹ Takekoshi Yosoburo. Op. cit. P. 124.

² Мацуока Хисао. Особенности японского феодализма // XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 1.

³ Там же. С. 8.

его полную победу — к X–XII вв.⁴ Такая датировка принята и советскими историками. Эпоха Ода и Тоётоми была переходной к позднему феодализму.

Вопрос о характере этой поздней стадии, последовавшей за образованием сегуната Токугава, и о близости основных ее институтов позднему европейскому феодализму остается открытым. Суть проблемы заключается в том, можно ли Токугавское государство считать абсолютистским. В советской исторической литературе можно отметить очень осторожное отношение к этому вопросу. Авторы капитальных «Очерков новой истории Японии» употребляют термин «абсолютизм» по отношению к периоду до незавершенной буржуазной революции 1867–1968 гг. только единожды, приводя мнения японских историков о том, что «реформы управления княжествами», осуществленные в первой половине XIX в., привели к укреплению абсолютизма в Тесю, Сацума и некоторых других более развитых княжествах⁵. Речь идет, следовательно, об абсолютизме локальном, способном, естественно, лишь ослаблять общегосударственную власть.

Только Н. И. Конрад без всяких колебаний считает японское государство периода позднего феодализма абсолютистским. Изложив социальную сущность абсолютной власти в Европе как государственной формы, балансировавшей между слабеющими феодалами и крепнущей буржуазией, Н. И. Конрад продолжает: «В Японии подобная ситуация приняла свою собственную форму — Бакуфу. Правительство, возглавляемое сегунами из дома Токугава, гарантировало феодалам их земельные владения — их основную экономическую силу, предоставив таким образом возможность продолжения эксплуатации крестьян, издавна сидевших на этих землях и их обрабатывавших; но одновременно оно поставило всю деятельность феодалов даже в их собственных владениях под свой неусыпный и жесткий контроль, устранявший опасность проявлений с их стороны какой-либо самостоятельности; купечество же и ремесленное население главных промышленных и торговых районов страны были вообще изъяты из-под власти местных феодалов и подчинены непосредственно центральному правительству, что открывало для еще не окрепшей тогда молодой буржуазии широкое поле предпринимательской и торговой деятельности...»⁶.

⁴ Горо Хани. История... С. 48.

⁵ Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 110.

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. С. 191.

В подкрепление позиции Н. И. Конрада можно было бы привести много аргументов: и систему «заложничества», державшую либо самих феодалов, либо их семейства под непосредственным надзором Бакуфу, и обязательные богатые дары сегуну, ограничивавшие финансовые возможности даже крупнейших даймио, и изоциренную полицейскую слежку. Специфика японского абсолютизма, сказавшаяся не столько в период его расцвета, сколько во время его упадка, заключалась, как нам представляется, в том, что позднефеодальное государство, удовлетворившись эффективностью созданной им политической системы, не разрушило, в отличие от передовых стран Европы, клановой системы управления. Эта система в период разложения феодального строя и сопутствовавшего ему упадка власти сегуна пережила недолговременную реставрацию, проявившуюся в том подъеме местного абсолютизма, который отмечают, как сказано выше, японские историки для конца XVIII и первой половины XIX в. Но что эта система изжила себя, доказывается лучше всего тем, что она погибла в ходе даже незавершенной буржуазной революции.

Для тех, кто пытается везде отыскать специфику, позволим себе заметить, что клановая система местного абсолютизма в период разложения феодализма существовала и в Германии, и пережитки ее до сегодняшнего дня ощущаются в политической структуре ФРГ гораздо сильнее, чем в Японии.

Н. И. Конрад полностью прав, утверждая, что причины быстрого приобщения Японии к современным формам жизни заключаются в том, что к моменту «открытия» страны она уже стояла на пороге буржуазной революции. Несмотря на некоторые отрицательные явления, замедлявшие развитие японского феодализма (прежде всего изоляция), Япония развивалась аналогично и примерно в тех же темпах, что и западноевропейские феодальные государства. Этому не приходится удивляться, ибо в Стране восходящего солнца не было тех особых условий, которые замедляли эволюцию феодального строя государств континентальной Азии, что в конечном счете привело к их неспособности противостоять нажиму колониальных хищников. Речь об этих условиях у нас пойдет ниже, а пока ограничимся констатацией, что пример Японии является великолепным свидетельством того, сколь условен, чтобы не сказать — призрачен, барьер, воздвигнутый между Востоком и Западом в старой исторической литературе.

Если рассмотреть внимательно кажущиеся наиболее далеко отстоящими от европейских черты восточной жизни, то, как правило, обнаруживаются параллели и аналогии. Японское самурайство, при всей его экзотичности, по своему социальному положению и функциям довольно

точно соответствует западному рыцарству. Разве только оскорбленный европейский рыцарь предпочитал смывать нанесенную ему обиду не собственной, а чужой кровью. Более существенным отличием является то, что рыцарь обычно кормился с предоставленного ему сеньором небольшого удела, тогда как его восточному собрату приходилось довольствоваться пособием, выплачиваемым ежегодно определенным количеством риса. Но все отличия носят непринципиальный характер. И нетрудно обнаружить идеи беззаветной преданности сеньору, пронизывающие Песню о Роланде, в кодексе чести «Бусидо». И судьба рыцарства на обоих континентах была одинаковой. С развитием товарно-денежных отношений и падения их значения как основной военной силы государства рыцари быстро разорялись и либо как-то приспособливались к новым условиям, пополняли собою ряды торговцев, ремесленников или лиц интеллигентного труда, или бродяжничали. Социальный облик ронинов XVIII — первой половины XIX в. не так уж далек от сподвижников фон-Гуттена.

Очень своеобразная форма государственного устройства — сегунат тоже не уникальна. Она встречалась и в некоторых других странах. Например, в раннефеодальный период истории Непала там существовала система правления, именовавшаяся «двайдхашасана» или «двайраджья». «Она заключалась в том, что махараджа, номинально будучи абсолютным правителем, был отстранен от государственных дел, а страной правили влиятельные махасаманты, князья или министры»¹. Любопытно, что рецидив этой системы наблюдался в Непале и много позднее, с 1846 по 1951 г., когда прерогативы лишённого власти короля были едва ли большими, чем у микадо, а страной полновластно управляли представители могущественного рода Рани.

На другом континенте, в Европе, аналогию сегунату найдем в период «ленивых королей», когда власть Меровингов превратилась в чистую фикцию, а управление страной оказалось в руках могущественных майордомов, передававших его по наследству.

Разумеется, речь не идет о полном совпадении, а лишь о том, что единые законы общественного развития, несмотря на большое разнообразие конкретных их проявлений, порождают на одинаковых стадиях сходные явления.

Даже такой специфический институт, как каста, имел довольно широкое распространение за пределами Индии, где он приобрел наиболее устойчивые и законченные формы. Особенно долго держался он в странах с населением, этнически близким к индийскому, и испытывавших влия-

¹ Непал: история, этнография, экономика. М., 1974. С. 10.

ние индийской цивилизации на все стороны социальной жизни, например в Шри-Ланке¹. Но неразвитая кастовая система обнаруживается и в государстве, никак не связанном с Индостаном и, как мы только что установили, по типу генезиса феодализма более близком к Европе, чем к Азии, а именно в Японии. Низшая каста — эта дожила до наших дней и доселе фактически не уравнена в правах с остальной массой населения. Это одна из «проклятых проблем», стоящих перед японским обществом.

В Европе прямой аналогии касте нет. Но явления близкие, не получившие, однако, здесь развития и не вылившиеся в окостеневшую систему, наблюдались. Можно указать на социальную структуру Спарты, на членение раннеримского общества на патрициев и плебеев. Но ни профессиональная, ни социальная обособленность отдельных групп населения не поставила между ними такого непреодолимого барьера, каким является кастовая система. В свое время К. Каутский утверждал, что евреи в Европе, образуя изолированные общины и будучи неполноправны в странах их проживания, по существу представляли собою низшую касту. Но, несмотря на отчужденность, обусловленную религиозной нетерпимостью, с одной стороны, и религиозным фанатизмом — с другой, говорить всерьез о существовании в Европе элементов кастовой системы не приходится. Достаточно сказать, что перемена религии сразу изменяла и правовой, и социальный статус личности, что совершенно немыслимо с точки зрения ортодоксального кастового строя, определявшего место человека в общественной жизни в самый момент его рождения. А даже в самые мрачные времена средневековья папство всемерно поощряло неопитов иудейского происхождения, используя их обращение в «истинную веру» для пропаганды католицизма.

Функции южноазиатской касты в феодальной Европе выполнялись делением общества на сословия и различные городские организации, объединявшиеся по профессиональным признакам (цехи, гильдии). Вся эта юридическая и социальная структура зиждилась на наследственном принципе, соблюдавшемся достаточно строго. Но при этом сохранялась возможность изменения сословной принадлежности. Королям принадлежало право возведения в рыцари² и пожалования дворянского достоинства. Разрыв с цехом или гильдией был вполне возможен. Короче говоря, ни один европейский институт не тождественен касте. Но это не опровергает тезиса об отсутствии принципиальной

¹ Талмуд Э. Д. История Цейлона. М., 1973. С. 3–31, 81–82.

² Большие потери, понесенные во время первого крестового похода, побудили победителей пополнить ряды рыцарей.

разницы между историческим процессом на Востоке и Западе. Ведь каста не была универсальна и для Востока.

В чем же заключаются действительные особенности если не всех, то большинства стран Востока, послужившие объективным основанием для противопоставления Востока Западу? Ведь наивно было бы объяснять причины такого противопоставления, получившего в прошлом широчайшее распространение в мировой науке, только предубежденностью отдельных ученых. Должно найти также рациональное объяснение несомненному факту отставания подавляющего большинства восточных стран в феодальную эпоху. Не отступая от тезиса о единстве мирового исторического процесса и отсутствии принципиальных различий между Востоком и Западом, следует признать наличие некоторых особенностей, придававших социально-экономическому развитию восточных стран несколько иной характер и влиявших на темпы эволюции феодального строя.

Обычно одной из главных особенностей Востока считают, как нам пришлось кратко упоминать выше, широкое распространение государственной собственности на землю, что влекло за собою и относительно медленное складывание частнофеодального землевладения и формирование феодально-бюрократической группировки, заинтересованной в сохранении за короной основного земельного фонда.

Государственная собственность на землю с сопутствующей ей земельной системой утвердилась в Китае на ранних стадиях развития феодализма³.

Вопрос о формах собственности на землю в Индии несколько сложнее. В науке существует даже мнение о сохранении общиной собственности крестьян на протяжении феодального периода. Один из индийских историков категорически утверждал, что «ни при феодализме и ни в период империи не было никаких признаков того, чтобы земля принадлежала кому-либо другому, кроме крестьянства»⁴. Здесь явно заметно смешение таких понятий, как собственность и владение. Среди наших ученых сомнений в существовании государственной собственности в Индии нет: «Советские исследователи отмечают в своих работах три важных элемента социально-экономической структуры феодальной Индии, рассматривая их во взаимной связи и зависимости: государственная собственность на землю и ирригационные сооружения, частные

³ История Китая... С. 52, 67.

⁴ Mukerje R. Land problems of India. 1933. P. 16. Цит. по: Датт Пальм. Индия сегодня. М., 1948. С. 227.

феодалы владения под верховной государственной собственностью и земледельческая община с присущим ей крестьянским наследственным землевладением и землепользованием как основа феодальной восточной деспотии»¹. Эту точку зрения разделяют и индийские историки².

Государственная собственность на землю утвердилась во многих других странах Азии, а также на Африканском континенте. В качестве примера можно привести слова, посвященные одному из государственных образований, созданных крупным, по африканским масштабам, племенем фульбе: «Верховное же право распоряжения всей землей в стране принадлежало феодальному государству, персонифицированному в лице альмами (имам). В основе поземельных отношений лежала государственная собственность на землю»³.

Споры о распространении государственной собственности в странах Востока нет. Дискуссии, и весьма оживленные, ведутся не о существовании такой системы, а о том, была ли она абсолютно господствующей, т. е. о количественном соотношении государственного и частнофеодального землевладения. Тенденция к абсолютизации государственной собственности на землю, наблюдавшаяся у сторонников азиатского способа производства, подвергается сейчас критике как не соответствовавшая истинному положению вещей.

Согласно новейшим исследованиям государственная собственность всегда сочеталась, в определенных количественных соотношениях, с крупным и средним частнофеодальным землевладением, противостоявшим ей и подрывавшим ее прочность.

В Китае на ранних этапах феодализма государственная собственность на землю отнюдь не была единственной формой землевладения. «В период Саньго (220–264 гг. н.э. — Е. 3.) кроме государственной собственности на землю, принимавшей различные формы, существовала и частная земельная собственность — как крупная, так и мелкая»⁴. С укреплением «сильных домов» последняя принимает вполне определенные феодальные формы⁵.

¹ Гамаюнов Л. С. Индия. Исторические, культурные и социально-экономические проблемы. М., 1972. С. 151. См. также: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. С. 208.

² См., напр.: Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. С. 98.

³ Козлов С. Я. Общественный строй фульбе Фута-Джаллона в XIX–XX вв.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1960. С. 6.

⁴ Думан Л. И. К вопросу о формах землевладения в Китае в III в. // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 43.

⁵ Там же. С. 48–51.

Как полагает В. П. Илюшечкин, «к середине VIII в. система наделного землепользования потерпела полный крах и вскоре перестала проводиться в жизнь в связи с развитием крупного частного землевладения, обезземеливанием крестьян и истощением резерва казенных земель, предназначенных для раздачи сельскому населению»⁶. По подсчетам этого исследователя, казенные и монастырские земли впоследствии составляли: на рубеже I–II тысячелетий не более 10%, в государстве Цинь — до 20%, в Минский период — около 15% и к середине XIX в. — до 10% всей обрабатываемой площади⁷. Эти средние цифры не вполне точно отражают действительное положение вещей, так как в пределах каждого периода наблюдались значительные колебания. После крупных крестьянских восстаний, сопровождавшихся уничтожением многих помещиков, государственный земельный фонд возрастал и соответственно увеличивалось значение наделной системы. Со стабилизацией положения вновь начиналось расхищение земель и укреплялось частнофеодалное землевладение.

Аналогичные процессы наблюдались и в Корее, где с VIII в. ускорился рост крупного частного землевладения, «подрывавшего еще недостаточно прочные устои государственной собственности на землю, на которой держалось раннефеодалное централизованное государство»⁸. Со сложением в X в. централизованного государства Корё государственная собственность на землю была восстановлена⁹. Но и здесь раздача земель в бенефиций подрывала ее основы. В более позднее время «основной тенденцией развития феодализма в Корее было постепенное возрастание удельного веса крупного землевладения (в виде имений — нонджан), приходившего в постоянное противоречие с централизованной государственной системой, основывавшейся на верховном контроле государства над всем земельным фондом страны»¹⁰.

Отличие индийской формы феодализма от европейской заключалось в «преобладании государственной собственности на землю»¹¹. Но и в Индии параллельно с государственной собственностью существовало и землевладение крупных собственников, в одни исторические

⁶ Илюшечкин В. П. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 20.

⁷ Там же. С. 21–22.

⁸ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М., 1974. Т. I. С. 94.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Антонова К. А. и др. Указ. соч. С. 154.

периоды самым непосредственным образом подчиненное центральной власти, в другие — зависевшее от нее лишь номинально. Отмечая различия, К. А. Антонова в то же время с полным основанием указывает, что «между общественным строем средневековой Европы и Индии имелись важные черты сходства: основу экономики составлял труд крестьян и мелких ремесленников, оснащенных примитивной техникой, хозяйство носило натуральный характер, рента взималась преимущественно путем внеэкономического принуждения»¹.

Это очень важное замечание. Но черты сходства обнаруживаются не только в отдельных, хотя бы и весьма существенных, проявлениях феодального способа производства, но и в самой основе, в «святой святы» приверженцев «азиатского способа производства» — в форме государственной собственности. Ведь «верховный контроль государства над всем земельным фондом страны» — явление, отнюдь не специфически восточное. Оно хорошо знакомо нам и в истории феодальных государств Европы на ранней (а в некоторых странах и не только на ранней) стадии феодализма.

Как на Востоке, так и на Западе существовало различие между землями, находящимися в собственности монарха и состоявшими в ведении государственной казны. Но в обоих случаях это различие соблюдалось не очень строго. Раздача земель была прерогативой короны и, если власть ее была достаточно сильна, возможно было решительное вмешательство государства в систему землевладения. Достаточно напомнить реформу, уничтожившую аллодиальное землевладение феодалов и заменившую его бенефицием при одновременном изъятии в распоряжение государства церковных земель, проведенную в VIII в. во Франкском королевстве, признаваемом классическим образцом западного феодализма. И так ли далека по своей социальной сути раздача Карлом Великим уделов его сподвижникам от того, что происходило в восточных деспотиях?

Централизованная власть на землю предшествовала ее раздроблению на частные уделы. «Лишь в результате долгого исторического процесса, — замечает Б. Ф. Поршнев, — „герцоги“ и „графы“ превратились из королевских уполномоченных по управлению отдельными районами этой территории в феодалов, собственников земли»². Сравнение восточных и западных форм приводит этого выдающегося знатока феодализма к следующему выводу: «В общем, такая государственная

¹ Антонова К. А. и др. Указ. соч.

² Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. С. 39.

собственность весьма характерна для восточного феодализма. Именно ее широкое распространение вызывало сомнения в допустимости применять понятие „феодализм“ к восточному средневековью. Однако в конце концов теоретический анализ показал, что здесь нет никакой принципиальной разницы с западной системой многочисленных мелких „поместий-государств“»³.

Резюмируя, можно сказать, что исходные формы земельной собственности были если не идентичны, то в принципе сходны на Востоке и на Западе. Но дело не ограничилось только периодом становления феодализма. И на более поздних его стадиях государственная форма земельной собственности, по крайней мере sporadически, существовала и на Западе, хотя, конечно, в гораздо более скромных масштабах, чем в Азии.

В доказательство можно сослаться на сосредоточение в руках государства значительных земельных фондов в результате сокрушения мощных феодальных магнатов в период ликвидации феодальной анархии и сложения централизованных государств. Такой процесс концентрации земельной собственности наблюдался почти повсеместно. Иногда он был очень ограничен во времени, как, например, в Англии, где земли, перешедшие в распоряжение королевской власти в результате реформации, вскоре оказались, при ее попустительстве, расхищенными любимцами монарха. Но так или иначе государственная собственность на землю существовала и в Европе. А регулирующая роль государства в землевладении в отдельные периоды истории стран Запады была не меньшей, чем на Востоке⁴.

Большие масштабы и большая стабильность государственной собственности на землю определили и существенные особенности в структуре и политике господствующего класса. На Востоке значительно более четко прослеживается деление его на две группировки, представляющие интересы крупных землевладельцев и служилой бюрократии, кормившейся за счет государственных доходов, ренты-налога, взыскиваемого с крестьянских общин фискальным аппаратом или откупщиками. Одни были носителями идеи централизации власти, другие — сторонниками ее ослабления, в чем и заключалась суть политической борьбы внутри феодального класса, обострявшейся в период затишья движения угнетенных крестьян и приводившей к временным компромиссам, когда вспышки его создавали угрозу положению привилегированных слоев общества.

³ Поршневы Б. Ф. Указ. соч. С. 40.

⁴ См.: Качановский Ю. В. Рабовладение... С. 198–200.

Такая борьба пронизывает историю государства, занимающего промежуточное положение между Востоком и Западом, а именно Византии, где императоры долго, но безуспешно пытались ограничить рост крупного землевладения. В X в. центральная власть одержала победу над феодалами, но в дальнейшем борьба двух группировок внутри правящего класса и усиление магнатов явились, по мнению известного знатока византийской истории Ш. Дилья, одной из главных причин упадка империи¹.

Типична подобная дифференциация в недрах господствующего класса для стран Востока. В Сиаме она не только «дожила» до XX в., но даже усилилась после реформ второй половины XX столетия, уничтоживших долговое рабство, широко распространенное в этой стране, и феодальную зависимость крестьян, в том числе и несение ими повинностей в пользу чиновников. Крупнейшие феодалы при этом были вознаграждены пожалованием земель, которые они сдавали мелким арендаторам. «Большая же часть феодального класса никогда не обладала поместьями и с отменой феодальной зависимости крестьян лишилась основного источника доходов. Правительство, естественно, не оставило таких феодалов без источников существования. Об этом свидетельствует непомерно раздутый государственный аппарат в начале XX в.»².

О наличии двух группировок в государствах не столь отсталых говорилось выше. Тенденция была всюду одна и та же — постепенное усиление феодальных магнатов и уменьшение земельных фондов, находившихся в ведении государства. Но длительное существование таких земель и стремление государства всеми мерами консервировать общину как основную фискальную единицу способствовали общему замедлению темпов феодального развития и были одной из причин, обусловивших отставание Востока к Новому времени. Это было гиперболически выражено в известных строках М. Ю. Лермонтова: «Род людской там спит глубоко уж девятый век».

Возникновение государственной собственности на землю основоположники научного социализма связывали с обязательностью искусственного орошения как неперемennого условия земледелия в странах Востока. Создание же сложной и разветвленной системы искусственного орошения было непосильно не только для разрозненных крестьянских общин, но и для сравнительно крупных землевладельцев.

¹ Дилья Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 104–110.

² Березин Э. О. История Таиланда (краткий очерк). М., 1973. С. 207.

«Первое условие земледелия здесь, — писал Ф. Энгельс, — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»³. Последнее ведало строительством и поддержанием в должном порядке крупнейших ирригационных сооружений, от которых зависело правильное функционирование всей сети магистральных и мелких оросительных каналов. О масштабах этой работы можно судить хотя бы по тому, что в Древней Индии в бассейне верхнего Инда орошалось до 4000000 км² площади при длине мелких каналов в 4500 км. А в дельте р. Кавери «уже столетия существуют свыше 50000 цистерн с запасами воды и более 60000 км сети каналов, дамб и плотин, дополненных новыми сооружениями в нашем веке»⁴. Хорошо известны и огромные масштабы работ по обузданию Нила или великих рек Китая и широкое использование их паводковых вод в сельскохозяйственных целях.

Новейшие исследования показали, что распространение искусственного орошения в разных странах Востока было неодинаково, и, во всяком случае, абсолютное преобладание поливного земледелия в прошлом преувеличивалось. Прежде всего это относится к Индии, где земледелие на богарных землях «было безусловно распространено шире, чем в пустынных или полупустынных областях Средней Азии, Египта или Месопотамии»⁵. К тому же обводненные средствами государства территории не всегда оставались в собственности государства или суверена. Подтверждение тому можно найти на другом краю Евразии — в Испании, где на территории искусственного орошения в Толедском эмирате существовала и сохранялась в течение некоторого времени после отвоевания Кастилии христианами мелкая аллодиальная собственность. Отсюда можно сделать вывод, что искусственное орошение не порождало автоматически государственную собственность на землю. Равным образом опыт Запада и, может быть, в наиболее яркой форме — Сибири показывает, что государственная собственность на землю может быть установлена и там, где ирригация не имеет ни малейшего значения. Наконец, государственная собственность на землю и в странах, где земледелие основывается на орошении, может сочетаться в самых различных комбинациях с иными формами земельной собственности. Но при всем этом не вызывает никакого сомнения то,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 28. С. 221.

⁴ Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 169–170.

⁵ Ашрафян К. З. Проблемы общественно-экономического строя Индии // Общее... С. 77.

что строительство крупных ирригационных сооружений способствовало установлению государственного землевладения и его длительному сопротивлению натиску феодальных магнатов.

Социально-экономическая роль искусственного орошения двойственна. С одной стороны, оно способствует значительному развитию производительных сил, делая земледелие неизмеримо более продуктивным, чем на неполивных землях. В некоторых странах оно является необходимым условием существования, и разрушение ирригационных систем приводит либо к полному запустению и обезлюдению, либо к глубокому упадку. Примеры могут быть найдены и на Западе, и на Востоке. Достаточно напомнить судьбу Хорезма или кастильского плато, превращенного из цветущего сада, каким оно было при арабах, в бесплодные овечьи пастбища.

С другой стороны, искусственное орошение консервирует отсталые социальные формы. Вытекающая из него производственная необходимость была едва ли не главной причиной окостенения того узкого и косного мирка, носителя самых варварских обычаев и предрассудков, сопротивлявшегося проявлениям прогресса, каким рисовалась К. Марксу старая индийская община.

Разумеется, связь между типом земледелия и развитием социальных форм опосредствована целым комплексом различных факторов, и первые автоматически не порождают вторые. Но, как отмечено классиками марксизма, такая связь существует, и проявляется она в главном — в форме собственности, определяющей классовую структуру общества и особенности его политического устройства.

Но при всей своей консервативности эти особенности все же не являются непреодолимым препятствием прогрессу. Размывается, как мы видели выше, государственная собственность на землю, постепенно переходящая в руки частных владельцев; развитие товарно-денежных отношений подтачивает натуральный строй классической патриархальной общины, тем самым разрушает саму его основу. Ход событий и направление эволюции здесь те же, что и в обществе, не знающем искусственного орошения, несмотря на многие специфические черты, присущие восточной деспотии. Темпы же совсем другие, гораздо более медленные, что и позволяет считать восточную систему земледелия одним из важных факторов, определивших отставание Востока в феодальную эпоху от Запада, хотя в период становления феодализма соотношение было обратным. Поэтому понятно то большое значение, которое придавали Маркс и Энгельс искусственному орошению, ставя вопрос о своеобразии восточных стран.

Традиционная схема отражения экономической истории Востока: развитие ирригационных систем — упадок, восстановление их и строительство новых — подъем не может вызвать сомнений. Но она не отражает диалектики процесса, ибо, как сказано выше, укрепление связанных с государственным землевладением институтов, уходящих корнями в глубокую старину, способствовало застойности восточного общества, сокрушенной окончательно либо тогда, когда оно стало объектом хищнической экспансии Запада, либо позднее, в период своего освобождения и национального возрождения.

Искусственное орошение со всем, что с ним связано, не было, конечно, единственной причиной замедленного развития стран Востока. В их истории можно обнаружить иные, притом весьма существенные, особенности.

Другим фактором, определяющим замедленное развитие феодализма на Востоке, был непрерывный контакт оседлого и кочевого общества, проявлявшийся, оставляя в стороне культурные влияния, во взаимодополняющейся экономике и многократных военных столкновениях, приводивших нередко к захвату больших территорий, подчинению их жителей и разрушению ирригационных систем, что во многих случаях было равнозначно полному разорению населения.

Кочевники играли по отношению к восточным цивилизациям ту же роль, что и варвары по отношению к Римской империи. Находясь на более низкой ступени общественного развития, чем их оседлые соседи, они имели то преимущество, что в период расцвета их племенных союзов единство последних было, что обычно для раннеклассового общества, гораздо более прочным, чем в оседлых странах, раздираемых внутренними противоречиями. Но при несомненной аналогии между нападениями варваров античности и кочевников средневековья тут имеются и принципиальные отличия.

Варвары обрушивались на дряхлеющее рабовладельческое общество, способствуя скорейшему его разрушению. Хотя сами они по уровню общественного развития, развитию экономической жизни и культуры далеко отставали от римлян, они способствовали гибели отживающей формации и становлению новой, более прогрессивной, т. е. феодальной. Ударам же кочевников подвергалась социально-экономическая формация, бывшая в те поры еще прогрессивной, далеко не исчерпавшей своих возможностей. Поэтому военные набеги, а тем паче завоевания не ускоряли крушение феодализма, а лишь замедляли его развитие.

Иной была и хронология. С созданием варварских королевств и их последующей феодализацией проблема варварских вторжений

в Европе больше не существовала. Только восточная ее часть подверглась монгольскому нашествию, а позднее стала объектом экспансии османов, уже, впрочем, не являющихся кочевниками. Нажим варваров, покончивший с Западно-Римской империей и вызвавший глубокие социальные изменения в Византии, завершился в V–VI вв. Новые условия, сложившиеся на Европейском континенте, исключали после поражений, понесенных Аварским каганатом, возможности возникновения крупного кочевого государства. С началом крестовых походов Европа сама переходит в наступление на Восток.

Для стран Азии, за исключением Японии, защищенной своим островным положением, вопрос о взаимоотношениях с кочевниками был актуален на протяжении всего средневековья. Периодически с созданием кочевых объединений в Центральной Азии нарастала угроза для соседних стран, реализовывавшаяся в военных экспедициях, неоднократно завершающихся полным подчинением огромных территорий и основанием победоносными предводителями кочевников новых династий в покоренных государствах.

Кинем беглый взгляд на историю двух крупнейших стран Азии. Индия в средние века испытала вторжение эфталитов, арабов, монголов, разных мусульманских завоевателей, из которых наибольшие последствия имели походы Бабура и его преемников. Китай полностью или частично подчиняли себе Тоба, уйгуры, чжурчжени, кидани, монголы и, наконец, маньчжуры. Последние завоевания в обоих случаях относятся к тому времени, когда в двери дряхлевших восточных деспотий уже все настойчивее начинают стучать европейские конкистадоры. Следовательно, они охватывают все средневековье. Каждое завоевание сопровождалось длительным установлением чужеземного господства, причем завоеватели, как правило, стояли на более низком уровне социального развития, чем побежденные.

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов завоеваний кочевников и влиянию их на судьбы захваченных стран, следует оговориться, что нельзя считать во всех случаях кочевников агрессорами, а оседлые страны, точнее их правителей, жертвами. Кочевники тоже становились объектами агрессии каждый раз, когда китайские богдыханы находили страну достаточно сильной, чтобы предпринять завоевательные походы, и когда китайская дипломатия вносила раскол в ряды племенных союзов Центральной Азии.

Дж. Неру считает возможным уже в период становления феодализма в Индии говорить об империализме империи Гупта, т. е. о ее завоева-

тельных мероприятиях¹. Направлены они были, впрочем, не против кочевников; экспансия имела целью подчинение государств центральной и частично южной Индии.

Особенно агрессивную политику по отношению к окружающим странам проводила в средние века Китайская империя, подчинявшая в периоды своего расцвета многие соседние страны: Корею, Аннам, Бирму и др. Походы вдоль Великого шелкового пути и в Среднюю Азию преследовали отнюдь не оборонительные цели. Если сравнить масштабы и амплитуду кочевых вторжений в Китай с захватническими мероприятиями Поднебесной, сравнение будет явно не в пользу последней. И это вполне понятно: планомерное наступление сильного феодального государства на его соседей было гораздо более интенсивным, чем нажим спорадически возникавших и внутренне не очень прочных племенных союзов. Поэтому традиционная китайская историография, взятая на вооружение маоистами, с ее односторонним изображением политических и военных конфликтов на рубежах Китая ненаучна и политически тенденциозна.

К тому же интенсивность вторжений и завоеваний не ослабла и тогда, когда пора возникновения и расцвета кочевых государств Центральной Азии миновала. Ни Тамерлана, ни моголов, ни маньчжуров нельзя рассматривать как представителей кочевого мира. А ближайшие последствия их походов оказывались для побежденных народов едва ли менее чувствительными, чем от набегов кочевников. Следует подчеркнуть, что жестокость последних отнюдь не превосходила зверств, творимых войсками оседлых феодальных государств. Европейские крестоносцы «убивали всех — мужчин, женщин, детей, головы которых разбивали о камни»². По свидетельству хрониста Фульшера Шартрского, рыцари «вспарывали животы умершим, чтобы извлечь из них золотые монеты, которые те проглотили при жизни... Ради этого они через несколько дней сложили трупы в большую кучу и сожгли в пепел, чтобы легче было находить упомянутое золото»³. Такое сочетание жестокости и алчности явилось достойным подражания образцом для их духовных наследников из гитлеровского стана.

Рекордным по катастрофическим последствиям был поход цинских войск против Джунгарии, в итоге которого «от народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс. человек,

¹ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 142.

² Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956. С. 104.

³ Цит. по: Заборов М. А. Указ. соч. С. 104.

остались в живых 30–40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию»¹. Такой не была участь ни одного народа, подвергшегося нападению Атилы или Чингисхана.

Различны и результаты военных столкновений оседлых цивилизаций с кочевыми союзами. Поражение вторых означало, как правило, разрушение неокрепшей их государственности. Первые же оказывались достаточно сильны, чтобы постепенно восстановить разрушенное и сохранить свое единство. Процесс сложения феодального общества у кочевников нарушался, у оседлых народов в эпоху средневековья феодализм был уже достаточно развитым, чтобы выдержать даже самые тяжкие удары.

Мы ограничимся этими несколькими замечаниями, необходимыми здесь, чтобы правильно ориентировать читателя. Подробно тема о роли войн и влиянии их на кочевое общество будет рассмотрена ниже. Пока же нас интересует другая сторона проблемы — воздействие вторжений кочевников на развитие феодализма у оседлых народов.

К завоеваниям, сопровождавшимся установлением более или менее длительного господства, и их последствиям вполне приложимо высказывание Л. В. Черепнина о монгольском иге: «Таким образом, монгольское нашествие на Русь — это не единичный акт, а непрерывный, длительный процесс, приводивший страну к истощению, обусловивший ее отставание от ряда других европейских стран, развивающихся в более благоприятных условиях»².

Татарское иго было самым длительным и тяжелым из всех известных нам завоеваний. Но успехи кочевников в странах Востока часто сопровождались огромными разрушениями, что приводило к временному упадку производства и страшным тяготам для простого народа. С течением времени сказывался процесс ассимиляции и подчинения победителей более высокой культуре побежденных. Начиналась ассимиляция обычно с правящих слоев, быстро усваивающих роскошный образ жизни своих свергнутых предшественников, унаследовавших от них организацию управления и, главное, систему эксплуатации угнетенных классов. Так случилось с арабами, уже в Омейядский период утратившими строгий аскетизм своей общинной жизни. Так происходило и с кочевниками, подчинявшими себе страны Восточной Азии. При этом постепенно более развитые формы эксплуатации, найденные

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 462.

² Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 200.

победителями у подчиненных народов, распространялись и на рядовых кочевников, быстро лишавшихся своего первоначально привилегированного положения.

Ослаблению завоевателей и ассимиляции способствовало и то обстоятельство, отчетливо прослеживаемое в истории Азии, что династии, возникшие в покоренных странах, проникались местными интересами, сближались, стремясь расширить свою социальную опору, с местной знатью и в конечном итоге отрывались от степной своей родины. Лучшим тому примером является распад Арабского халифата и Монгольской империи. А все это в совокупности создавало благоприятные условия для роста освободительного движения, падения чужеземного господства, сопровождавшегося бегством части завоевателей и растворением остальных в гуще местного населения.

Завоевания носили преходящий характер и потому не могли существенно разрушить процесс социального развития. «Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод — все эти сменяющие друг друга бедствия, — писал Маркс, — какими бы сложными, бурными и разрушительными ни казались они для Индостана, затрагивали только его поверхность»³. Только порабощение капиталистическими державами привело к глубоким и необратимым изменениям социально-экономических отношений в колониях и полуколониях.

Но сколь бы ни были преходящими результаты завоеваний феодальной эпохи, они захватывали длительные полосы жизни народов Востока и приводили каждый раз к разрушению производительных сил. Восстановление требовало времени, и нередко немалого. Поэтому завоевания, разрушительность которых несколько смягчалась общим низким уровнем развития экономики, можно рассматривать как одну из существенных причин замедленного, по сравнению с Европой, развития феодализма на Востоке.

Некоторые специфические черты можно обнаружить и в аграрной структуре Востока. Р. А. Ульяновский, опираясь на великолепные (можно сказать, не боясь преувеличения, классические) труды И. П. Петрушевского, отметил в качестве важной особенности отсутствие на Востоке, при наличии помещичьего землевладения, барской запашки, а следовательно, и ведущего значения отработочной ренты⁴. Это очень

³ Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. С. 130–132.

⁴ Ульяновский Р. А. Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о формациях и проблемы современного аграрного строя в странах Востока // Общее... С. 188–193.

важное обстоятельство. Но опять-таки мы имеем здесь дело не с качественным, а с количественным отличием, принимая во внимание, что вотчинное хозяйство после неудачного эксперимента с каролингскими поместьями не получило в Западной Европе такого распространения, как в Восточной, результатом чего было явное преобладание натуральной ренты.

Характерна для Востока и большая стабильность общины. Этот институт сохранялся повсеместно на всем протяжении средневековья, но значение и функции его были неодинаковы. Если в Западной Европе на ранних ступенях развития феодализма и феодалы были вынуждены подчиняться общинным традициям в землепользовании, то с развитием товарно-денежных отношений и прогрессирующим расслоением деревни роль общины падает. В Восточной Европе она оказалась более живой. Значительную прочность община сохраняет в Византии. «В отличие от большинства стран Западной Европы, где в период развитого феодализма отмечается относительная слабость общины-марки, в Византии и в эту эпоху общинные традиции и внутренняя консолидация общины оставались достаточно крепкими... Община оставалась деятельным, сплоченным и сильным коллективом — это обстоятельство имело значение определяющего типологического признака, отличавшего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы»¹.

Наибольшей прочностью обладали индийские общины, которые «покоятся, — как указывал Маркс, — на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда... Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до несколько тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров»². Общинный строй охватывал все стороны жизни крестьянина. В общину входили и местные представители власти, и мирабы, и учителя, и брамины, жрецы и астрологи, и ремесленники, и ювелиры. Все они обслуживали общину и кормились плодами труда земледельцев.

¹ Удальцова З. В., Осипова К. А. Особенности феодализма в Византии // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 106–107.

² Маркс К. Капитал. Т. 1, отд. IV, гл. 12: Разделение труда и мануфактуры // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 369–370.

Такая организация делала индийскую общину старых времен самодовлеющей, в значительной мере авторкичной, общественной единицей. Но ее изолированность, ее большее, чем где-либо, ограничение социальных интересов узким мирком деревни превращало ее в препятствие для прогресса. Маркс говорил по этому поводу: «Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они ни казались бы, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массаами население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоившего их своим вниманием»³.

Застойность общины, безусловно, как и отмечено Марксом, сказывалась на темпах развития феодализма. Но следует учитывать, что на Востоке, как и на Западе, сила ее в разных странах была неодинакова, и индийский образец являлся и для Азии не стандартом, а исключением. Тем не менее община оставалась прочной в большинстве восточных стран, и это следует учитывать в качестве фактора, затрудняющего развитие тех экономических и политических тенденций, которые способствовали разрушению феодального строя.

В том же направлении действовали и некоторые особенности в развитии города. Для юго-западной Европы характерны в послеримский период рурализация, упадок городов, утративших свое прежнее экономическое значение. В раннем средневековье типичен город-бург, административно-военный центр, резиденция центральной власти или местной администрации. Лишь кое-где по побережью Средиземного моря сохранилась более оживленная городская жизнь, но в значительно урезанных по сравнению с прошлым масштабах.

Только с XI в., со вступлением Европы в стадию развитого феодализма, начинается рост городов на новой основе — как центров ремесленного производства и торговли. Диалектика развития выражалась

³ Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. С. 130–132.

тут в том, что город как необходимый элемент экономической жизни феодального общества способствовал полному раскрытию всех прогрессивных возможностей феодальной формации, с другой стороны, он стал родоначальником буржуазных отношений, подрывавших самые основы феодального строя. Первоначально города как союзники королей в их борьбе против крупных феодалов, препятствующих сложению централизованного государства, окрепнув, поднимают знамя борьбы против того господствующего класса, чьи интересы эта власть выражала.

В Италии города очень рано одержали победу над сеньорами, что привело к возникновению особого типа государств: городов-республик. В других странах их успехи были скромнее, но почти повсеместно при помощи королевских грамот, выкупом вольностей или силой оружия они добивались коммунальных хартий, т. е. самоуправления. Формы и пределы его были различны, но так или иначе городские вольности были типичным явлением для средневековья.

В странах, где переход к феодализму был длительным процессом, упадок городской жизни не наблюдался или, по меньшей мере, не был выражен столь резко. «В течение всего периода генезиса феодализма важнейшим типологическим отличием Византии от большинства стран Западной Европы было сохранение в больших масштабах, чем на Западе, городов и интенсивной городской жизни. Деурбанизация, происшедшая в VII — начале IX в., ощущалась в Византии слабее, чем на Западе. В эпоху генезиса феодализма в Византии сохранялись крупные городские центры, унаследованные от античной эпохи, а также росли средневековые города феодального типа»¹. Позднее, в отличие от Западной Европы, Византия переживает не подъем, а упадок городской жизни. Если резюмировать обстоятельный анализ этого явления, данный З. В. Удальцовой и К. А. Осиповой, то суть дела заключается в том, что государственная регламентация, очень сильная в Византии, сначала стимулировала развитие городской экономики, а позднее стала для нее тормозом, а «городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан, которое могло бы противостоять наступлению феодалов»². К тому же Византия не смогла полностью оправиться от последствий разгрома, учиненного во время Четвертого крестового похода, подорвавшего производительные силы страны и передав-

¹ Удальцова З. В., Осипова К. А. Указ. соч. С. 109–110.

² Там же. С. 112.

шего инициативу в торговых отношениях с Востоком в руки итальянских городов-республик.

Суть дела заключалась в том, что на Западе города как центры ремесла и торговли были явлением новым: возникшие часто с разрешения или даже по инициативе сеньоров, они, встав на ноги, вступали в борьбу с последними. На Востоке же города сохраняли многие черты, приобретенные ими еще в дофеодальную эпоху. Они отлично «вписывались» в общую политическую систему государства, опутавшего их жизнь мелочной регламентацией, многочисленными поборами и всяческими ограничениями.

Справедливость этого тезиса подтверждается историей среднеазиатского города. Рассмотрев социальную структуру городского населения, О. Г. Большаков приходит к следующему выводу: «Итак, все имеющиеся у нас сведения говорят о том, что в городе X–XII вв. отсутствовали всякие элементы общегородского самоуправления. Все представители общегородской администрации — правительственные чиновники. Это справедливо не только для Средней Азии. Та же картина выясняется в гораздо лучше изученной Сирии». И далее: «Политически средневековый мусульманский город можно рассматривать как конгломерат производственных, территориальных, конфессиональных и иных самоуправляющихся корпораций, непосредственно подчиняющихся государственному аппарату города»³.

По традиции, восходящей к отдаленному времени, и представители высшей знати, часто бывшие и администраторами высокого ранга, и менее значительные феодальные землевладельцы жили на Востоке не в своих родовых замках, а в городах. Городские стены давали более надежную защиту. Сказывалась и привычка дехкана к городской жизни. Поэтому многочисленные ремесленники и торговцы рядовых городов не могли «противопоставить свои интересы могущественному дехканству, составлявшему значительную часть городского населения»⁴. Это, несомненно, имело немаловажное значение.

Но другое утверждение автора вызывает, по меньшей мере, серьезное сомнение. «Автономия города не сулила городской верхушке никаких преимуществ. Более того, учитывая наличие вооруженных от-

³ Белокрыницкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 333.

⁴ Там же. С. 336. Нетрудно заметить, что приведенная цитата совпадает по существу, а отчасти даже и текстуально с высказыванием, процитированным выше из статьи о Византии. Это убедительно свидетельствует об общности явления, о котором идет речь.

рядов горожан, она могла бояться остаться наедине с многочисленным строем рядовых ремесленников и мелких торговцев без защиты сильного гарнизона»¹. Трудно понять, почему на Востоке городская верхушка оказалась более трусливой, чем ее европейские собратья. Ведь и на Западе городскому патрициату противостояло большинство рядовых ремесленников и торговцев, причем вооруженную силу составляло цеховое ополчение. Но, тем не менее, патрициат возглавлял борьбу за коммунальные хартии и, добившись успеха, различными способами удерживал власть в своих руках, внося раскол в ряды противников и прибегая в случае надобности к помощи государства или крупных магнатов для подавления цехов, когда они пытались свергнуть его, т.е. патрициата, господство. В восточном городе, где и государство, и феодалы располагали более значительными силами, прибегнуть к их помощи было еще проще.

Мы остановились так подробно на новейшем исследовании, посвященном истории среднеазиатского города, потому, что, будучи выполнено на высоком научном уровне, оно представляет нам картину, в основных чертах характерную для всего Востока.

Например, аналогична ситуация в Китае в XIII–XIV вв., где «экономическое положение города не сопровождалось формированием его самостоятельного политического облика. Подчинение властям ремесленных и купеческих организаций, их фискальная роль, политическое бесправие ставили горожан в положение почти равное деревенским жителям. Развитие городов, ремесла и торговли сковывали те же феодальные узы»². В Индии кастовая система препятствовала объединению горожан.

Город на Востоке играл менее активную роль в борьбе с феодальным строем, чем на Западе, и это также следует считать одной из причин его относительной, подчеркиваем — относительной, застойности.

Особенности наблюдаются и в политической структуре, в форме государственной власти. В ней и в феодальный период проступают черты феодальной деспотии. Но сама по себе форма власти еще ничего не объясняет. Например, тирания прочно ассоциировалась в нашем сознании с худшими проявлениями реакции. Но и она может играть при определенных условиях прогрессивную роль. Так обстояло дело на заре античности, когда молодой рабовладельческий класс руками тиранов сокрушал господство старой родоплеменной знати,

¹ Белокрыницкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Указ. соч. С. 347.

² История Китая... С. 105.

прокладывая путь для более передовой экономической и политической системы³.

На ранних ступенях феодального развития монархическая власть не обладала особой прочностью, особенно в пределах спорадически возникавших крупных, разнообразных по своему этническому составу государственных образований. Иногда верховный правитель фактически довольствовался признанием своего суверенитета, с сопутствующими ему почестями и титулованием, не посягая на прерогативы подчиненных ему государей меньшего ранга. Например, «в принципе византийский император не посягал на территориальные пределы суверенитета местных властителей, на осуществление государственной власти внутри определенной территории. Император Роман Лакапин, например, недвусмысленно признавал за болгарским царем Симеоном право делать в своей стране все, что он хочет...»⁴. Но нарушение установленного порядка титулования он рассматривал как покушение на свои права. Нечто подобное наблюдалось и во взаимоотношениях Китая с вассальными государствами.

Но принципиальные различия с Европой в этот период если и существуют, то весьма незначительные. И на Западе единая королевская власть с трудом защищала свои позиции от нажима могущественных магнатов, а Священная Римская империя германской нации была лишь фикцией почти на всем протяжении своей истории.

Расхождение начинается с той поры, когда в Европе в процессе централизации, интенсивно развертывающемся с XI в., складывается новая форма государства — сословная монархия. Короли находят союзника в лице растущих городов, и их власть, остающаяся по своей классовой природе по-прежнему феодальной, усиливает свой авторитет поддержкой сословий, причем не только горожан, но и мелкого и среднего дворянства.

³ Любопытно, что в марксистской литературе возможна дискуссия о роли тирании даже в гораздо более позднее время. Как на наиболее яркий пример сошлемся на оценку характера тирании Франция, установленной в начале XIX в. в Парагвае. Споры, начатые при его современниках, продолжаются и более 100 лет спустя. Если крупнейший советский знаток истории Латинской Америки В. М. Мирошевский считал его революционным демократом (Мирошевский В. М. Хосе Гаспар Франсия — вождь парагвайской революционной демократии (1814–1840) // Вопросы истории. 1946. № 4), то У. Фостер, отмечая борьбу, которую Франсия вел против церкви, все же не выделяет его из среды других каудильо и, более того, ставит на одну доску с таким реакционным и коварным диктатором, как тогдашний президент Аргентины Росас (Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 401, 408).

⁴ Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений: сборник статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 419.

На Востоке же, как уже сказано выше, политическая активность городов была много слабее, или, формулируя точнее, позиция их определялась не торгово-промышленными кругами, а представителями класса феодалов, в чьих руках сосредотачивались все нити городского управления, как это было и в мусульманских странах. Поэтому социальная опора центральной власти не претерпела при переходе к стадии развитого феодализма сколько-нибудь существенных изменений и продолжала сохранять многие архаические черты так называемой восточной деспотии, сложившейся еще в недрах рабовладельческого общества.

Неограниченная власть монарха сочетается при этой системе с усилением огромного бюрократического аппарата, чья деятельность на бумаге строго регламентирована, а на самом деле являет собою худший образец произвола и коррупции. Опора государства — армия — превращается в орудие насилия и вымогательства по отношению к собственному народу¹. Никакие правительственные учреждения типа генеральных штатов, парламента или кортесов не существуют. Права горожан и крестьянства не соблюдаются даже в той мере, в какой они защищаются законом, ибо вершители закона продажны. Такая мрачная картина характерна для всего периода развитого феодализма. Подобные порядки препятствуют возникновению новых форм организации производства, освоению естественных природных ресурсов, развитию мануфактуры. Поэтому хотя зачатки капиталистических отношений и складывались в странах Востока, но гораздо медленнее, чем в Европе.

Замедленное развитие наложило свой отпечаток и на формы классово-вой борьбы, по интенсивности которой Восток отнюдь не уступал Западу. Скорее наоборот, по размаху крестьянских восстаний, по их количеству, по глубочайшим потрясениям существующего строя, которые были нередко последствием этих волнений, Восток идет впереди. Не говоря о крупнейших и хорошо известных крестьянских войнах, в истории Европы трудно найти, например, аналогию восстанию японских крестьян в конце XV в. в Ямасиро, изгнавших самурайские войска, самостоятельно определявших размер феодальных платежей и установивших на 7 лет подобие республиканского управления².

Но когда в Европе уже отшумели буржуазные революции, Восток все еще сотрясали крестьянские войны старого типа с присущей им религиозно-еретической окраской. Лучшим примером этого являют-

¹ Тверитинова А. Восстание Кара-Языджи — Дели-Хасана в Турции. М.-Л., 1946. С. 4–49.

² Горо Хани. История... С. 56–57.

ся разразившиеся на рубеже XIX–XX вв. восстания ихэтуаней в Китае и тонхаков в Корее.

Иным был путь культурного развития на Востоке. Здесь не было той глубокой пропасти, которая отделила культуру античности от культуры раннего средневековья, и культурный процесс не прерывался. Правда, некоторый упадок наблюдался и в ряде стран Востока, причем не только в раннефеодальный, но еще и в дофеодальный период.

Пожалуй, наиболее яркий пример гонений на культуру в целях укрепления самовласти дает нам Китай. Когда Цинь Ши-хуан искал способы укрепления единодержавия, ловкий царедворец дал ему, по свидетельству Сыма Цяня, следующий совет: «Если не запретить эти частные учения, то государь может потерять авторитет и среди его подданных будут сколачиваться группировки. Поэтому запретить частные учения благоразумнее всего.

Я просил бы Вас изъять все имеющиеся литературные произведения, книги стихов, исторические предания и сочинения всех философов. Тех, кто через тридцать дней после опубликования этого указа не сдаст книг, ссылайте на каторжные работы...

Люди, желающие учиться, пусть учатся у Ваших чиновников»³.

Цинь Ши-хуан последовал этой рекомендации. «Этим самым, — заключает классик китайской исторической науки, — он пытался оглушить народ и, ставя в пример древность, заставить его не осуждать деяния царя»⁴.

Это мудрое замечание полезно было бы учесть поклонникам и духовным наследникам древнего богдыхана. Его «культурная революция» причинила существенный ущерб развитию науки и литературы, а успехи ее носили преходящий характер. И тут тоже напрашиваются некоторые аналогии.

Реакция в области культуры была связана в Византии с господством религиозной идеологии, преследовавшей традиции античности и сделавшей жития святых главным литературным канонem. Но как бы ни был глубок упадок культурной жизни, она была все же значительно лучше, чем в период пресловутого «каролингского возрождения». И двумя столетиями позднее, когда Константинополь впервые увидел крестоносное воинство, он содрогнулся от ужаса, вызванного невежеством и неотесанностью и простых рыцарей, и титулованных особ.

³ Цянь Сыма. Избранное. М., 1956. С. 224.

⁴ Там же.

Результатом сохранения традиций в области культуры был ее подъем в отдельные периоды раннего и развитого феодализма как на Ближнем, так и на Среднем и Дальнем Востоке. В сокровищницу мировой культуры внесли свой вклад поэты Танской эпохи, мыслители и литераторы Средней Азии и Ирана. Этот процесс не был изолированным. Восток воспринял наследие античности, ведь многие сочинения греческих авторов дошли до нас только в арабском переводе. Контакты не прерывались и в дальнейшем. Имена Ибн-Сины, Маймонида были известны средневековым европейским ученым. Через Кордовский эмират с его университетом, привлекавшим молодые умы, и по многим иным каналам проходил культурный обмен. Если мы говорим о единстве мирового исторического процесса, то этот тезис распространяется и на культуру.

Развитие культуры на Востоке знало периоды подъема и упадка. Те же неблагоприятные обстоятельства, которые задерживали социальное развитие, сказывались и на культурной жизни. Когда на Западе потребности складывавшегося капиталистического производства стимулировали развитие точных наук и эксперимент отеснил на задний план каноническое знание, опиравшееся на священное писание, в странах Востока наука сохраняла свой средневековый характер, и знаменитые центры просвещения постепенно превращались в оплот реакции и мракобесия. Отставание социальное неизбежно влекло за собой и культурную отсталость.

В Европе переломным моментом в развитии культуры и науки стало Возрождение, время быстрого прогресса во всех областях знания, искусства и литературы.

То, что Восток знал периоды культурного подъема, породило мысль, что и там было свое Возрождение, что Ренессанс не уникален и не был явлением специфически европейским. Этот тезис был выдвинут Н. И. Конрадом, горячо его отстаивавшим.

Следует сказать, что мысль о прохождении если не всеми, то отдельными восточными странами через свое Возрождение не нова, она встречалась в зарубежной литературе. Например, известный французский ориенталист Г. Марсэ назвал одну из глав своей книги «Мусульманская Берберия и восток в средние века» — «Возрождение IX века». Говоря о культурном подъеме в указанное время, он заключает: «...этот расцвет мусульманской культуры в Берберии воспринимается, как ренессанс, как восстановление кое-чего из большого прошлого»¹. Но здесь

¹ Marçais G. La Berberie musulmane et l'orient au moyen age. P., 1946. P. 56.

нет и попытки теоретического обоснования Возрождения, самый этот термин понимается лишь в том смысле, что после упадка наблюдается частичное восстановление утраченных элементов культуры.

Загадочным остается отношение к рассматриваемому вопросу такого блестящего знатока восточной культуры, каким был Адам Мец. Казалось бы, название его классического труда — «Мусульманский Ренессанс» не оставляет места для сомнений². Но странно, что слово «Ренессанс» встречается в этой книге только один раз — на обложке, а в тексте нет никаких упоминаний о Возрождении. Объяснить это обстоятельство мог бы только сам автор, но оно позволяет отнести его скорее к числу противников Возрождения на Востоке, чем его сторонников.

Можно было бы продолжить этот терминологический обзор, но едва ли это имеет смысл, так как до Н. И. Конрада никто не пытался дать Возрождению на Востоке марксистской интерпретации в столь общей форме. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в ряде работ советских авторов³.

Возрождение в Китае датируется Н. И. Конрадом VIII–XV веками. Кратко изложенная, его концепция сводится к тому, что в Китае в указанное время, так же как в Италии во время Ренессанса, наблюдался подъем в области философии и поэзии, средневековая проза с ее фольклорными мотивами вытесняется новеллой, и в науке, и в искусстве на первый план выдвигается человек. Гуманистические идеи сближают Возрождение на Западе и Востоке⁴. Как марксист, Н. И. Конрад ставит, опираясь на Маркса, вопрос о социальных корнях Возрождения и приходит к выводу, что начало его совпадает с появлением зачатков капиталистического производства, что дает историку право назвать этот особый, по его мнению, этап истории феодального общества переходным⁵. Указав, что Возрождение в Италии положило начало Возрождению в странах Европы и что аналогичен был ход событий и на Востоке, Н. И. Конрад заключает: «Таким образом, вопрос об эпохе Возрождения перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории»⁶.

Выступление Н. И. Конрада вызвало противоречивую реакцию. С одной стороны, его идеи были приняты полностью и, может быть,

² Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. М., 1973.

³ Перечень их приведен в работе: Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения // Конрад Н. И. Избранные труды. История. С. 235.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 261–262.

⁶ Там же. С. 264.

даже несколько гипертрофированы. Приведем пример: «В начале XV в. Китай представлял собой могущественную державу мира. Уже в VIII в. в Китае началась эпоха Возрождения, аналогичная Ренессансу Европы, а также Возрождению в Иране, Средней Азии, Армении и Грузии X–XIII вв. Его отличительными чертами являлись гуманизм, религиозно-этическая реформация, замечательный расцвет науки, литературы и искусства. Даже монгольское нашествие и внутренние смуты не прервали этого процесса, и он продолжался до XV–XVI вв.»¹.

Стало модным искать реформацию и Возрождение и у тех народов, у которых невозможно было обнаружить даже эмбриональных форм капиталистических отношений. Но покойный ученый, естественно, не несет никакой ответственности за подобную «универсализацию» его взглядов.

Не имея возможности вдаваться здесь подробно в рассмотрение потока работ, посвященных Возрождению в разных странах Востока, мы отсылаем читателя к краткому их обзору, приведенному В. И. Рутенбургом².

С другой стороны, выступления Н. И. Конрада серьезно критиковались. Откликом на «Запад и Восток» явился доклад В. И. Рутенбурга, вызвавший оживленную дискуссию, участники которой, преимущественно медиевисты, не поддержали тезиса о всеобщности эпохи Возрождения³.

Основные мысли критика сводились к тому, что оценка классиками марксизма периода Возрождения как революционного переворота не соответствует обстановке, сложившейся в странах Востока. Феодализм там не был подорван, как это имело место в Италии, говорить о развитии буржуазных тенденций в танском Китае, очевидно, преждевременно. Поэтому гуманизм — а Н. И. Конрад акцентирует свое внимание именно на общности гуманистических течений — в Италии и Китае носит иной характер. «Применение к явлениям, различным по содержанию, форме и времени, — справедливо отмечает автор, — единого термина „Возрождение“ делает его неисторичным и поэтому беспредметным»⁴.

Вследствие непрерывности культурного процесса на Востоке там не могла быть так четко, как на Западе, выражена и характерная черта Ренессанса, давшая ему и самое название, а именно обращение к забы-

¹ Африка: встречи цивилизаций. М., 1970. С. 220.

² Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 257–263.

³ Рутенбург В. И. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое» // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 93–115.

⁴ Там же. С. 105.

тым культурным достижениям. А «величие эпохи Возрождения было связано с открытиями ценности античной культуры, в первую очередь — ее эстетической ценности. Открытия нового в старом сопутствовали движению вперед и развитию гуманизма»⁵.

К вопросу о концепции Н. И. Конрада и его приверженцев В. И. Рутенбург возвращается в своей последней книге⁶. По существу, его аргументация вполне убедительна, и выводы согласуются с мнением многих ученых, внесших свою лепту в изучение Возрождения. Но, к сожалению, в серьезную полемику вклинивается нежелательный субъективизм: «В спорах востоковедов по проблемам возрождения звучит нота обиды на западников, не желающих поступиться частью „своего“ европейского Возрождения (хотя оно уже и объявлено производным от восточного), „своего“ прогресса»⁷.

Во-первых, это не совсем справедливо по существу. Как указывает автор, позиция Н. И. Конрада разделяется далеко не всеми востоковедами. И наиболее убедительная, хотя и весьма сдержанная по тону, критика ее на материале китайской литературы принадлежит перу востоковеда⁸. Во-вторых, противопоставление одной группы советских ученых другой в зависимости от объекта их изучения не является отражением прогрессивных тенденций в развитии науки. Надо полагать, что этот упрек брошен в полемическом задоре.

Выводы В. И. Рутенбурга представляются, как выше сказано, вполне правильными. Но объективность их значительно выиграла бы, если бы концепция Возрождения как общемирового явления рассматривалась на фоне всех исторических работ Н. И. Конрада. Место, занимаемое им в науке, настолько значительно, что полемика о частном без упоминания о целом неизбежно придает критике несколько односторонний характер. Огромная заслуга Н. И. Конрада заключается в том, что он четко сформулировал и последовательно отстаивал тезис о единстве мирового исторического процесса и отсутствии принципиальной разницы между феодализмом в любой части света. Востоковед-универсал, крупнейший знаток восточной филологии, он был и выдающимся историком.

Как часто случается и в науке, и в жизни, увлеченный идеей единства исторического процесса, покойный ученый стал искать единство

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 407.

⁶ Рутенбург В. И. Италия...

⁷ Там же. С. 260.

⁸ См.: Эйдлин Л. Идеи и факты: Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения // Иностранная литература. 1970. № 8. С. 214–228.

и в отдельных его сторонах и проявлениях. И, критикуя его взгляды на частные, хотя бы и весьма существенные, вопросы, следует, как нам представляется, отметить правильность исходной позиции.

Уже вне дискуссии о Возрождении можно отметить, что Н. И. Конрадом поднят широкий круг проблем, которые еще долго будут привлекать внимание историков.

Резюмируя, можно констатировать, что развитие культуры на Востоке имело некоторые особенности, главная из которых заключается в непрерывности культурного процесса, что не исключает, разумеется, временных подъемов и спадов.

Мы рассмотрели ряд особенностей, в той или иной мере характерных для стран Востока. Конечно, особенности существовали и внутри каждого региона. Очень правильно говорил по этому поводу С. М. Дубровский: «Назовите мне страну, в развитии которой не было бы особенностей. Не назовете. Можно подумать, что Европа не имела особенностей. А неужели в Англии и разделенной с ней только Ла-Маншем Франции не было своих особенностей развития? Разве английская революция — копия французской, а английский феодализм с его лордами, арендаторами был таким же, как во Франции? А возьмем Испанию и Италию, что это — один и тот же феодализм? А рядом существуют Бельгия и Голландия? Одна с развитым сельским хозяйством, другая — с развитой промышленностью, рабочим классом и т. д. На Востоке в каждой стране, конечно, тоже были свои большие особенности. Здесь уже говорили, что японский феодализм имеет свои громадные отличительные черты по сравнению с китайским, китайский по сравнению с феодализмом Индии, а индийский в сравнении с иранским и турецким и др.»¹. К этому нечего прибавить.

Тем не менее мы привели здесь обзор основных особенностей, в какой-то мере общих для всего Востока. Он приводит к трем главным выводам: особенности развития Востока не столь велики, чтобы можно было говорить об особых закономерностях его исторического пути; отдельные специфические черты сближают некоторые страны Запада и Востока, исключая проведение четкой грани между этими двумя крупными регионами; в своей совокупности перечисленные особенности объясняют нам причины замедленного развития феодализма, обусловившего отставание стран Востока к Новому времени.

Разумеется, поднятые здесь вопросы обозначены лишь в самой общей форме. Это лишь приступ к выполнению грандиозной задачи, по-

¹ Общее... С. 176.

ставленной в свое время Б.Ф. Поршневым, — показать «гомогенность всеобщей истории на примере горизонтальных срезов эйкуменического масштаба», т. е. дать синхронную картину истории человечества на определенном ее этапе². Как справедливо отметил этот автор, такая задача посильна лишь большому коллективу исследователей.

Наша же задача, в соответствии с темой книги, много скромнее — попытаться ответить на вопрос, как шло развитие феодализма в той части света, где протекал генезис этой формации в кочевом обществе, связанном тысячей нитей с окружающими его оседлыми цивилизациями. Без выяснения этого вопроса нельзя говорить об общем и особенном в общественном строе кочевников и определить их место в историческом процессе феодальной эпохи.

² Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука... С. 311–312.

Глава III

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В кочевом обществе, в котором уже идет процесс классовообразования, отчетливо прослеживаются архаические черты, позволяющие с уверенностью утверждать, что основой его предшествующей социальной структуры была родоплеменная организация.

Свой анализ развития общественного строя монголов Б. Я. Владимирцов начинает главой «Родовой строй древнего монгольского общества»¹. Наиболее активный его критик С. Е. Толыбеков полагает, что родовые отношения у казахов играли определяющую роль и в XVIII в. «Жизнь кочевника, — писал он, — пронизывал родовой принцип, даже борьба классов в основном протекала как борьба за „родовые“ интересы»². Более или менее живые черты родоплеменных отношений сохранялись, хотя и в неодинаковой мере, у всех кочевых народов Средней Азии³. Пережитки родового строя сохранялись и у тех кочевых народов Южной Сибири, у которых сравнительно рано восторжествовал феодализм⁴. Таким образом, сомнений в том, что родовой строй был основой общественных отношений в кочевом обществе на ранних ступенях его развития и пережитки его придают определенную окраску социальным процессам в более поздний период, не возникает ни у одного из известных нам исследователей номадов.

Скорее наоборот, в зарубежной литературе наблюдается тенденция переоценки значения родовых отношений и придания им существенной роли в то время, когда в старые родовые формы вкладывается совсем новое содержание. Примером может служить обстоятельное исследование Лоуренса Крейдера⁵, в котором автор не идет в изучении

¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 46.

² Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 300.

³ Абрамзон С. М. Киргизы... С. 176 и сл.

⁴ См.: История Тувы. М., 1964. Т. 1. С. 215.

⁵ Krader L. Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. The Hague, 1963.

социальной организации монголов, калмыков, бурят и казахов, доводи-
мом до XX столетия, дальше выяснения терминов родства, форм семьи
и родовой организации. Поэтому книга, построенная исключительно
на небольшом круге литературных данных, не соответствует своему
названию, знакомя читателя с архаикой и не давая ему ни малейшего
представления о действительном состоянии кочевого общества. О со-
циальном расслоении, о классовой борьбе автор не говорит, создавая
у читателя представление о глубокой патриархальности описываемых
им народов, что, как показано трудами советских историков, ни в какой
мере не соответствует истине. Да и для буржуазной науки книга Крей-
дера слишком откровенно тенденциозна.

Характеристика древнемонгольского рода, данная Б. Я. Владимир-
цовым на основе глубокого анализа источников, соответствует пред-
ставлению о классическом роде, основные признаки которого описаны
Морганом и Энгельсом. Хотя в эпоху Чингисхана уже господствовал аг-
натный род, некоторые пережитки показывают, что ему предшествовал,
как и следовало ожидать, исходя из марксистской концепции истории
древнего общества, род когнатный⁶. Некоторые из этих пережитков:
почитание женщины в шаманском пантеоне, особое отношение дяди
по матери к племяннику, элементы матрилокальности в браке — обыч-
ны для монгольских народов и в той или другой степени встречаются
и у иных кочевых народов.

Можно полностью согласиться с Б. Я. Владимирцовым, что древ-
ний монгольский род был «довольно типичным союзом кровных род-
ственников, основанным на агнатном принципе и экзогамии, сою-
зом патриархальным, с некоторыми только чертами переживания
былых когнатных отношений, с индивидуальным ведением хозяйства,
но с общностью пастбищных территорий, с предоставлением некото-
рых особых прав младшему сыну при соблюдении известных прав в от-
ношении к старшему, союзом, связанным институтом мести и особым
культом»⁷.

Поскольку универсальность родового строя у кочевников, сохра-
няющегося, как правило, в большей мере, чем у оседлых народов, со ста-
новлением классового общества, признается подавляющим большин-
ством исследователей, на этой теме можно было бы не задерживаться,
если бы не попытка Элизабет Бэкон противопоставить теории Морга-

⁶ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 48.

⁷ Там же. С. 58.

на — Энгельса собственную концепцию. Ее книга¹, основанная на материалах личных наблюдений автора у казахов и хезарейцев, представляет известный научный интерес. Хезарейцы изучены в этнографическом отношении слабо, поэтому каждая публикация, посвященная этой своеобразной этнической группе, не может не привлечь к себе внимание. Рассмотрение конкретного материала книги не требуется нашей темой, но для выяснения общей методологической позиции автора показательно отрицание ею имущественной дифференциации у хезарейцев. «В экономическом отношении разница между „богатой“ семьей, — утверждает она, — и бедной незначительна... у хазаров нет социальных классов, основанных на экономических различиях»². Объяснение «престижа процветающей семьи» только личными достоинствами ее главы свидетельствует о явной идеализации патриархального быта, уже подвергнутого сильному разрушению у всех племен Афганистана.

Изобретением Э. Бэкон является существовавшая якобы у многих народов особая социальная структура, отличная от рода, которой она дает название «обок». Термин этот переводится монголистами, включая такого блестящего знатока монгольского языка, каким был Б. Я. Владимирцов, как «род» и само понятие всеми считалось адекватным роду, каким его описали Морган и Энгельс. Так как выступление Э. Бэкон является попыткой опровергнуть универсальность рода на материале кочевого (хотя отчасти и оседлого) общества, оно заслуживает подробного рассмотрения.

Содержание «обока» характеризуется на отличиях социальной структуры хезарейцев от классического родового общества. Не останавливаясь на чертах сходства между родом и обоком, перейдем сразу к различиям, из которых и выводятся отличительные признаки обока. Вкратце они следующие: хезарейцы ведут свое происхождение по отцовской линии, что делает их членами всех групп, от рода до племени включительно. При этом некоторое значение придается и происхождению по материнской линии, в отличие от рода, в котором один из родителей полностью пренебрегается. Род экзогамен, хезарейцы же предпочитают эндогамный брак, в частности с родственниками по отцовской линии, что наблюдается и среди бедуинов. Член рода имеет родовое имя, а хезарец считается принадлежащим сразу к нескольким группам, от поколения до племени, и может с одинаковым основанием на-

¹ Bacon E. E. O. A study of social structure in Eurasia // Viking fund publications in anthropology. N. Y., 1958. № 25.

² Ibid. P. 32.

звать любую из этих групп, будучи спрошен о своей социальной принадлежности. Нет следов родовых культов и тотемизма, впрочем, автор допускает возможность существования их в прошлом. Женщина, хотя и сохраняет связи с родней из своей патрилинейной группы, в большей степени отождествляет себя с семьей мужа, чем это принято в родовом обществе. Она более заинтересована и в имущественных делах своей семьи. Патрилинейные группы хезарейцев территориально приурочены, и часто одно и то же имя служит для обозначения таких групп и занимаемой ими территории. Так как генеалогические группы территориальны, они являются основой политической организации с деревней в качестве низшей своей единицы³.

Как нетрудно убедиться, ничто в этом перечне не дает основания говорить об особой структуре, отличной от родового строя. В процессе своего разложения родовое общество порождает много разнообразных социальных институтов, конкретная специфика которых не дает основания для признания любых из них конституирующими особые социальные формы. Все, что здесь сказано, можно в разных вариантах обнаружить во многих обществах в период далеко зашедшего разложения рода. А у хезарейцев, утративших родной язык и полностью афганизированных, искать родовые отношения в чистых их формах не приходится. Родовые культы уничтожены мусульманской верой. О степени проникновения ислама в жизнь хезарейцев можно судить хотя бы по тому, что они делятся на две группы, члены одной из которых считают себя происходящими от Фатимы и Алиа и по мужской, и по женской линии, а другой — потомками Мухаммеда только по мужской линии. И у такого народа хотят отыскать развитые родовые отношения или нечто аналогичное им? И положение женщины, как видно и по тем скудным замечаниям, которые обронены автором, определяется не столько архаическими порядками, сколько мусульманским законом, защищающим, как известно, ее имущественные права.

Видимо, чувствуя недостаточность своей аргументации, Элизабет Бэкон ищет другие отличия обока от рода и обнаруживает их — это повторяется в разных местах книги — в подвижности, гибкости обока, тогда как род негибок, нормы его неизменяемы. «Возможно, — пишет она, — самая значительная разница между обоком и родовой структурой заключается в том, что первая гибка, тогда как вторая представляет жесткой. Род представляет собою фиксированную группу, к которой индивид принадлежит по рождению. Кажется, нет возможности для се-

³ Bacon E. E. O. Op. cit. Pp. 40–41.

мы или большей родственной группы сменить постепенно свою родовую принадлежность, как случается в обществе, основанном на обоке»¹.

Эту пресловутую гибкость автор обнаруживает повсеместно: и у казахов, и у монголов, и у дагуров. А дальше в порыве увлечения она вообще не оставляет роду места на земле. За правильной мыслью: «...то, что бедуинские племена Аравии имеют социальную структуру, сходную с племенами Центральной Азии, вероятно, не удивительно, так как оба народа вели пастушеское кочевое хозяйство» следует нечто совсем неожиданное. «Здесь необходимо подчеркнуть, — говорит Э. Бэкон, — что социальная структура ранних европейских племен была также племенного генеалогического типа и что римский род (*gens*) и шотландский род (*clan*), чьи имена употреблялись антропологами для обозначения „родовой“ структуры, были не родами, а обоками»².

Автор обнаруживает свой обок у римлян, ранних германцев, галлов. Сообщения Цезаря о германцах «намекают на переходную обоковую структуру. Хотя Цезарь не сообщает никаких племенных генеалогий, он писал: „галлы утверждают, что все они потомки общего предка“»³. Вот уж, действительно, намек на нечто отличное от родовой идеологии!

Признавая, что высказывания о структуре некоторых европейских обществ основаны на недостаточном их исследовании, Э. Бэкон, однако, утверждает, что доступные ей данные «указывают на прежнее существование обоковой структуры в Западной Европе, скорее чем „клановой“ структуры в антропологическом значении этого термина»⁴. Обок якобы был не только у кочевников и в Европе, но и в Китае, Корее, Японии, Вьетнаме и Индии⁵.

Развитие обока автор связывает с расселением и выделением связанных родством групп при переходе охотников и собирателей к земледелию или пастушеству⁶, т. е. относит к тому периоду, когда, согласно марксистскому пониманию первобытности, происходит утверждение отцовского рода. Обок становится необходимым тогда, когда в семейной группе скапливается собственность, возникает потребность передачи ее от поколения к поколению. Впрочем, автор теоретически допу-

¹ Bacon E. E. O. Op. cit. P. 184.

² Ibid. P. 135.

³ Ibid. P. 144.

⁴ Ibid. P. 159. Насколько свободно оперирует автор малознакомым материалом, можно судить по тому, что Э. Бэкон обнаруживает в русской деревне XIX в. экзогамию и веру в общего предка (с. 158).

⁵ Ibid. Pp. 174–175.

⁶ Ibid. Pp. 191–192.

скает возможность возникновения обока у охотников и собирателей, которые «из-за высокого технологического уровня и богатых природных ресурсов окажутся способны осесть в деревнях и накапливать собственность»⁷.

Э. Бэкон допускает возможность трансформации обока в род, но тут же оговаривается: «Родовая структура, при всем внимании, которое она к себе привлекла, имеет, кажется, ограниченное распространение». Она возникает «в результате стечения обстоятельств», какими автор считает установление экзогамии, передачу по наследству родовых атрибутов и децентрализацию родственных групп⁸.

Такова концепция, претендующая на опровержение теории родового строя. Основной порок ее заключается в метафизическом отношении к социальным процессам. Э. Бэкон рассматривает род как нечто застывшее. Наблюдая его в сравнительно поздних формах, она распространяет их на всю его историю. Отсюда такое удивительное суждение, что рассеянное расселение однородовичей является характерной чертой родового строя. В обоке причудливо сплелись элементы ранней (прочная связь с территорией) и поздней (разрушение экзогамии) родовой структуры. Утверждение, что обок сохраняется и в XX в. при господстве феодального государства⁹, типично для современных антиэволюционистов, стремящихся опровергнуть Энгельса¹⁰.

«Гибкость» обока, каким он представал перед глазами путешественницы в 30-е гг. нашего столетия, объясняется пережиточным характером элементов родовых отношений в классовом обществе. Проецировать эти черты в далекую древность без достаточно веских доказательств — значит открывать простор для всяких спекулятивных построений, примером чему и является идея «обоковой структуры», явно носящая следы буржуазной ограниченности, проявляющейся, как известно, в выделении из общего отдельных черточек и придании им решающего значения в данном процессе.

За чисто академическим, казалось бы, спором скрывается, как трудно понять, определенная концепция. Главное в ней — атака на марксистское понимание первобытности и допущение, что весьма характерно для современной буржуазной этнографии, возникновения частной собственности еще на ранних ступенях первобытности, при господ-

⁷ Bacon E. E. O. Op. cit. 193.

⁸ Ibid. Pp. 195–196.

⁹ Ibid. P. 158.

¹⁰ См.: Аверкиева Ю. П. Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973. С. 17.

стве охоты и собирательства. «Теория» Э. Бэкон очевидно тенденциозна и столь же очевидно не согласуется с фактами. И после выхода ее книги не остается никаких сомнений, что у кочевников был родовой строй в формах, близких к классическому роду, так как у них обнаруживаются все признаки, характерные для последнего.

Но в период, непосредственно нас интересующий, т. е. к началу складывания классового общества, родовой строй уже пережил время своего расцвета и клонился к упадку. Тем не менее, как на многих примерах показывает Б. Я. Владимирцов в отношении монголов, родовые традиции еще строго соблюдались. «Сокровенное сказание» повествует не только о живом агнатном роде, но и о некоторых пережитках когнатного¹.

Разложение родового строя приводило к смешанному расселению родов и к выделению небольших связанных родством групп, которые формировали новую социальную общность — семейную общину. В Монголии такой семейной общиной был аил, объединявший первоначально группу родственников, хотя внутри аила существовало имущественное неравенство. И это вполне понятно, если учесть, что само возникновение подобной организации в недрах рода связано с укреплением частной собственности. Характеризуя аил, Гонгор указывает, что он в XI–XII вв. «представлял кровнородственную группу из одного рода»². Это суждение подтверждается и на тувинском материале. Отметим, что первоначально аал, сохранившийся в Туве до XX столетия, состоял из близких родственников, Л. П. Потапов приходит к выводу: «На основании собранного материала мы убедились, что аильная община у тувинцев являлась носителем патриархальных отношений. Именно она была той главной средой, которая поддерживала существование различных патриархальных пережитков...»³.

Помимо многочисленных пережитков родовых традиций в жизни аала, Л. П. Потапов обратил внимание на обычай не заключать браков между его членами. «Эта своеобразная аальная экзогамия, возможно, является пережитком родовой экзогамии, несомненно существовавшей в прошлом у тувинцев, и может служить указанием на то, что тувин-

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 47–49. О монгольском роде см. также: Гонгор Дугэрийн Халх товчоон (Краткая история Халхи). Кн. 2. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму (XI — начало XIII веков): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Батор-Москва, 1974.

² Гонгор. Указ. соч. С. 25.

³ Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 11.

ские аалы в старину состояли в основном из кровных родственников»⁴. Подобный обычай, т. е. перенесение традиций рода на жителей одной общины, так сказать, внутриулусная экзогамия, наблюдался и у бурят⁵. И тут это свидетельство живучести традиций, когда причины, их породившие, уже ушли в прошлое.

В. Я. Владимирцов не останавливает своего внимания на этой низшей ячейке монгольского общества, вероятно, потому, что его больше интересовал процесс становления феодализма, нежели организация социальной жизни предшествующего периода. Еще в дочингисовское время аил претерпел, судя по данным источников, некоторую трансформацию, являясь не всегда объединением лишь кровных родственников. В его состав входили, если речь идет о людях состоятельных и влиятельных, также зависящие от них простолюдины, на плечи которых ложилась вся черная работа.

С укреплением частной собственности и развитием социального и имущественного неравенства роль семейной общины падает, и ее место занимает община территориальная, или соседская. У оседлых и полuosедлых народов это явление повсеместное, так как с разрушением родовых связей, смешанным расселением сородичей на первое место выступают общие хозяйственные интересы, вытекающие из совместного землепользования, регулирования всяких дел, возникающих в местной жизни. Практические экономические и административные потребности подрывают отношения, основанные на зове крови.

А как обстояло дело у кочевников, где условия хозяйственной деятельности были совсем иными? Здесь не было надобности в таких институтах, как принудительный севооборот, система открытых полей, строгая нормализация владельческих прав, скреплявших коллектив сельских жителей столь прочно, что феодалам приходилось подчиняться общинному порядку. Ясного ответа на этот вопрос не было, и большой заслугой Гонгора является то, что он вполне аргументированно поставил вопрос об этом недостающем звене в характеристике развития общественных форм в кочевом обществе на примере родной ему Монголии.

Гонгор исследовал эволюцию аила. Первоначально, как сказано выше, он был типичной семейной общиной, но «в дальнейшем она постепенно теряла характер союза кровных родственников»⁶. Аил владел определенной территорией, причем «земельные угодья, традици-

⁴ Потапов Л. П. Очерки... С. 127.

⁵ Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск, 1924.

⁶ Гонгор. Указ. соч. С. 26.

онно закрепившиеся за кочевой общиной, были неприкосновенными». Далее автор пишет: «В монгольской общине от ее членов требовалось приложить максимум общих усилий в работе в хота — зимнем стойбище. Сохранение скота во время зимних холодов и, следовательно, успех хозяйственной деятельности общины во многом зависели от состояния зимней усадьбы. Поэтому члены общины совместными усилиями строили сараи для скота, утепляли их, возводили изгороди и другие сооружения на зимнем стойбище»¹.

В этом изложении функций общины мы находим частичную аналогию с соседской общиной Запада, проявляющуюся в регулировании хозяйственной деятельности, и полную аналогию с восточной общиной, где тоже обязательным элементом общинной жизни были совместные работы, прежде всего для поддержания в порядке оросительных систем. Только характер конкретных работ был, конечно, совсем иным, в соответствии с кардинальными различиями в самом типе хозяйства. Важнейшей общей чертой общины кочевой и оседлой было то, что в обоих случаях общинная собственность сочеталась с личной, хотя и в иных формах. Для оседлой общины характерна общинная собственность на пастбища, выгоны, пустоши и леса при семейном владении пахотными землями и скотом, равно как и орудиями земледельческого труда. У кочевников вся земля находилась в общинном владении, ибо использовалась только как пастбища, что не требовало приложения труда для окультуривания отдельных ее участков; основное же богатство — скот с давних времен был предметом исключительной собственности хозяйств, объединяемых общиной.

Рассмотрение состава общины и ее хозяйственных функций, подкрепляемое тонким терминологическим анализом, подводит автора к вполне обоснованному выводу, что «хота-айил в условиях Монголии представляла собою территориальную кочевую соседскую общину»².

Разумеется, в дофеодальный период община пребывала еще в переходном состоянии, и процесс ее эволюции из родовой в территориальную был значительно ускорен со сложением классового общества и вызреванием в недрах монгольских племен феодальных отношений. Но процесс этот шел.

Утрата монголами впоследствии представления о своей родовой принадлежности была логическим следствием полного падения родовых отношений, а айил трансформировался в конечном счете в малую

¹ Гонгор. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 30.

семью, ведущую обособленное хозяйство³. Но все это произошло, конечно, за пределами того времени, о котором сейчас идет речь.

Монгольское общество XI–XII вв., которое Б. Я. Владимирцов называет древним, хотя по принятой периодизации это время относится к средневековью, стояло на пороге сложения классового общества и образования государства. В нем существовали уже и определенные формы эксплуатации. Наиболее ранней было использование дарового труда рабов. При этом рабство отнюдь не было нововведением, его история в Центральной Азии восходит к гораздо более ранним временам. Рабы были и у хуннов, и у сяньбийцев, и у киданей. Это общеизвестно и не требует подтверждения ссылкой на источники. Столь же хорошо известно, что рабство ни у одного кочевого народа не привело к возникновению рабовладельческой формации. Кочевое хозяйство не создавало благоприятных условий для эксплуатации рабского труда в масштабах, хотя бы отдаленно напоминающих античность. Проходили века, складывались и погибали эфемерные империи, создававшиеся в результате завоеваний кочевников, а использование рабов, число которых то уменьшалось, то увеличивалось, сохраняло свой патриархальный характер.

«Сокровенное сказание» скупко упоминает о рабстве. Не оставляет сомнения лишь рассказ о продаже бедняком Добун-Мергани своего сына за половину оленьего стегна⁴. Говорится также об обращении в рабство меркитских женщин. Недостаточно милостивые из них, чтобы быть обращенными в наложницы, были розданы в прислужницы⁵. По-видимому, рабыней была и Хоахчин, служанка жены Темучжина Борте. Но в повествованиях о военных предприятиях явно преобладают рассказы об истреблении вражеских воинов, чем об их пленении. И это вполне естественно: в натуральном монгольском хозяйстве потребность в дополнительной рабочей силе была невелика. И тем не менее рабы были.

Б. Я. Владимирцов сообщает о специальном термине, обозначавшем «рабов-служителей», которые, по его мнению, были прислужниками в ставках, конюхами и т. д.⁶ Рабы имелись исстари и у кочевников-алтайцев⁷, и у всех, без исключения, народов, изученных этнографией в зоне Центральной Азии и Южной Сибири.

³ Ширендыб Б. Современный худонский аил // Ширендыб Б. Избранные произведения. М., 1973. С. 93.

⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание. М.–Л., 1941. Т. I. С. 80.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 68.

⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 289.

Рабы, на первой стадии развития рабовладения — только иноплеменики, появились еще в недрах родового общества и продолжали существовать и во время его разложения, и в период раннего, а также развитого феодализма, хотя и не играли в феодальную эпоху у большинства народов особо важной роли. Так было и на Западе, и на Востоке, и в оседлом, и в кочевом обществе.

Гораздо большее значение для понимания характера общественных отношений у кочевников и выяснения институтов, способствовавших победе «степной аристократии», имеет другая форма зависимости, которую Б. Я. Владимирцов обозначал термином «унаган боголы». Правильность этого термина теперь оспаривается. Начало дискуссии было положено Э. Р. Рыгдылоном, в обстоятельной и превосходно аргументированной этимологической статье пытавшимся доказать, что унаган-боголы Б. Я. Владимирцова — ничто иное, как онгу-боголы Рашид-ад-дина, и что термином этим именовались не рабы, а привилегированные люди, посвященные духам предков и поэтому неприкосновенные¹.

Редакция сборника с полным основанием сопроводила статью Э. Р. Рыгдылона примечанием, что онгу-боголов едва ли следует смешивать с унаган-боголами². К этому следует добавить, что автор ограничился лингвистическим и этимологическим анализом, не приняв во внимание существо показаний источников. Правда, этот термин, заимствованный Б. Я. Владимирцовым у Рашид-ад-дина, не встречается в «Сокровенном сказании», но во всех случаях, когда классик монголоведения говорит об унаган-боголах, факты свидетельствуют об отношениях зависимости, а вовсе не о привилегиях. Правильно или неправильно толкует термин «унаган-богол» Б. Я. Владимирцов, является ли он реально существовавшим или неудачно реконструируемым исследователем, но само явление, этим термином обозначавшееся, наблюдалось в жизни. Явление это — установление зависимости над целыми родами или родственными группами.

Что же это были за отношения? Б. Я. Владимирцов справедливо отметил, что «выражение унаган богол неудобно переводить словами „раб“, „крепостной раб“». Но сам предложил не более удачную трактовку термина — «крепостные вассалы»³. Такое понимание сущности данного явления породило изрядную путаницу. А. Ю. Якубовский был

¹ См.: Рыгдылон Э. Р. О монгольском термине онгу-богол // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 166–172.

² Там же. С. 172.

³ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 64–65.

совершенно прав, отрицая феодальный характер эксплуатации унаган-боголов (мы будем употреблять этот термин, за отсутствием иного), но, вероятно, не вполне справедливо отрицал значение этого института в процессе генезиса феодализма на самых ранних его стадиях⁴.

Прежде чем попытаться сформулировать собственное понимание рассматриваемого института, обратимся к выводу Б. Я. Владимирцова: «Из всех вышеприведенных отрывков — свидетельских показаний наших источников — следует, что *unagan bogol'*ами становились или в силу неудачных „войн“, из-за набегов и наездов, а также в силу материальной нужды, из-за обеднения. Положение *unagan bogol* в родовом монгольском обществе мало отличалось от состояния владельческих родов совсем не потому, что нравы и быт были просты и не сложны. Нет, таково было социальное и экономическое положение *unagan bogol* — наследственных крепостных вассалов владельческого рода»⁵. Далее Б. Я. Владимирцов несколькими примерами подтверждает мысль о том, что среди унаган-боголов были люди, пользовавшиеся, по-видимому, некоторым влиянием⁶.

В этих заключениях для нас важно, что в зависимое положение унаган-боголы могли попадать как в результате военной неудачи, так и вследствие обнищания, по причинам экономического характера. Как увидим далее, это должно соответствовать истине. Но согласиться с определением, данным Б. Я. Владимирцовым унаган-боголам, невозможно. В его формуле — «крепостные вассалы» неприемлема первая половина. Вассалами, с известными оговорками (а именно, что этот термин не следует понимать в его точном смысле, выражающем отношения феодального общества), унаган-боголов можно назвать, но крепостными никак нельзя, ибо крепостничество может существовать только при феодализме. Ошибка же Б. Я. Владимирцова заключалась в том, что рассматриваемая им форма зависимости типична не для феодальной формации, а для дофеодального периода. Это можно доказать не только рассуждениями теоретического характера, но и привлечением аналогичного материала, ибо то, что для монголов являлось давно пройденным этапом, сохранилось на периферии монгольязычного мира до времени, относительно хорошо освещенного письменными источниками.

⁴ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки истории русского востоковедения. М., 1953. С. 86–87.

⁵ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 67.

⁶ Там же. С. 67–68.

Положение унаган-боголов, как описывает Б. Я. Владимирцов, довольно точно соответствует положению зависимых родов в Южной Сибири, которых здесь называли «кыштымами». Так же, как и унаган-боголы, они были подчинены более удачливыми родами либо военно-территориальными объединениями или силой оружия, или угрозой его применения. Но наряду с вынужденным подчинением источники сохранили сведения и о добровольном, вызванном необходимостью обеспечить себе сильных покровителей в эпоху постоянных набегов и военных столкновений.

На эту специфическую форму эксплуатации обратили внимание многие исследователи истории бурят¹. Но правильно осветить ее сущность на основе вновь найденных документов удалось С. М. Токареву. По данным источников, обязанности кыштымов заключались в уплате ясака и выставлении вспомогательного ополчения, когда у распоряжавшихся ими бурятских князцов возникала надобность². Это соответствует описанию повинностей унаган-боголов, с одним вполне понятным отступлением. Бурятские князцы, владевшие гораздо меньшими стадами, чем монголы, были мало заинтересованы в трудовых ресурсах кыштымов и предпочитали получать от них ценную пушнину, используемую в дальнейшем для коммерческих операций. Монгольские же батеры нуждались в людях для обслуживания своих стад. С другой стороны, степная Монголия не богата пушным зверем. Поэтому выгоднее было использовать труд зависимых людей в скотоводстве или взимать с них дань продуктами животноводства. Принципиальной разницы здесь нет. Существенно то, что обязанности кыштымов (унаган-боголов) не были односторонними: их повелители должны были защищать их от нападений извне.

Кыштымов нельзя считать крепостными хотя бы по той причине, что у них не наблюдался типичный для раннего феодализма процесс нивелирования положения всех зависимых людей. Они сохраняли внутри своих родов социальную организацию, тождественную таковой их покровителей. У них были своя социальная верхушка, имущественное неравенство. Аналогична картина и у унаган-боголов. Выше были приведены сообщения Б. Я. Владимирцова об отдельных унаган-боголах, которые занимали, судя по показаниям источников, сравнительно

¹ См.: Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 319–328, 331–334.

² Токарев С. А. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Записки Бурят-монгольского Гос. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 2. Улан-Удэ, 1940. С. 146.

высокое положение. Следовательно, унаган-боголы, подобно кыштымам и в отличие от крепостных, не представляли собой социальной категории. Внутри их объединений существовало расслоение и складывались классовые отношения. Их верхушка по своему положению стояла ближе к верхушке тех родовых или территориальных групп, от которых они зависели, например, у енисейских кыргызов³.

Хотя В. И. Шунков справедливо указал, что «кыштымство не следует переоценивать как показатель социальной дифференциации внутри (подчеркнуто мною. — Е. З.) родовой организации»⁴, оно сыграло свою роль в процессе классообразования и генезисе феодальных отношений как форма зависимости, способствовавшая накоплению богатства военачальниками, что уже само по себе ускоряло распад родоплеменной организации. С другой стороны, в кыштымате (или унаган-богольстве) заложено нечто новое для первобытно-общинного строя. С. В. Бахрушин, говоря о кыштымстве у якутов, отмечает: «...нередко более многолюдный и сильный род насильно подчинял своему патронату более слабых соседей»⁵. Обращает в этой формулировке на себя внимание термин «патронат», из которого вытекают отношения, совсем не характерные для первобытности. Патронат типичен для развитого рабовладельческого общества и раннефеодального. При этом он в обоих случаях носит преимущественно характер индивидуального отношения, а не коллективного, как при кыштымстве. Унаган-богольство, по-видимому, и есть та форма, в которой в кочевом, а иногда, как показывают данные сибирской этнографии, и в оседлом доклассовом обществе возникает институт патроната, который в дальнейшем своем развитии сыграет существенную роль в формировании раннефеодальных отношений, так же как и у многих народов Европы и Азии.

Возникновение рабов, неравенства между родовыми группами, проявлявшееся в отношениях кыштымства, — все это сопутствовало главному процессу — углублению имущественного неравенства в среде членов рода или общины. О том, что родовое начало было значительно ослаблено у «древних монголов», свидетельствует хотя бы жалкая судьба семейства Есугея, отца Чингиса, покинутого сородичами после его трагической смерти. Именно имущественное и социальное расслоение,

³ См.: Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. М., 1951. С. 573.

⁴ Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 249.

⁵ Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: Народы Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 25.

его глубина и усиление служат питательной средой для возникновения в недрах первобытно-общинной формации антагонистических групп, из которых в дальнейшем вырастают общественные классы.

Показателем выделения богатой и влиятельной верхушки у монголов Б. Я. Владимирцов вполне справедливо считал обособление «больших семей». «Но обособление такой семьи или части рода, — указывает ученый, — бывало возможно только тогда, когда отделявшиеся имели клиентов, вассалов и прислужников в достаточном количестве»¹. Оставляя в стороне вопрос о правильности терминологии, следует признать, что переход к аильной форме кочевания был возможен, как и считает Б. Я. Владимирцов, только при условии наличия зависимых людей, обслуживающих крупное хозяйство. Можно допустить, что частично эта категория обитателей айла рекрутировалась из числа унаган-боголов, но в основном — из обедневших свободных людей, вероятно, нередко из сородичей, включая более близких родственников.

В известном смысле тут можно говорить о клиентеле, поскольку последняя не обязательно у всех народов должна была являться точной копией института, хорошо известного по античным образцам. А существо его — сочетание определенных кутюмом обязательств с правом на покровительство и защиту — тут выражено достаточно отчетливо. В условиях кочевого хозяйства эта форма зависимости имела, надо полагать, с точки зрения богатых скотоводов, некоторые преимущества перед рабовладением в точном смысле слова, так как перекладывала заботу о пропитании и содержании семейств, обслуживающих стадо, на их собственные плечи. К тому же в функции клиентов входили оборона в случае внезапного нападения и участие в военных предприятиях хозяина айла, примеры чего в старинных монгольских хрониках весьма многочисленны. Рабы для таких целей малопригодны; даже рядовой воин должен обладать хотя бы малой долей свободы. Отсюда вытекает наблюдаемое в жизни наличие в пределах одного хозяйственного комплекса, каковым является обычно аил, двух категорий зависимых людей: рабов для разных домашних надобностей и частично свободных клиентов, занимавшихся пастьбой скота и обработкой продукции животноводства.

Такая гибридная система складывается тогда, когда имущественное и вытекающее из него социальное неравенство уже подточили основы родовой структуры с присущей ей солидарностью и взаимопомощью

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 73.

и сделали возможным обращение обедневшего сородича в зависимого человека. Такой процесс начался в Центральной Азии задолго до сложения Монгольского государства. Каждое новое кочевое объединение, оформлявшееся в могущественный союз племен, возникало не на пустом месте. Оно впитывало в себя прошлый опыт, так как все крупные племена этого большого региона, независимо от степени их консолидации и роли, которую они играли в политической жизни, так или иначе втягивались в орбиту влияния складывавшихся здесь государственных образований, и это не проходило для них бесследно.

Вследствие того, что крупные политические объединения, включая ранние государства, основанные кочевниками, оказались в конечном счете внутренне непрочными и неспособными противостоять нажиму извне, в первую очередь агрессии Срединной империи, процесс становления феодальных отношений у кочевников оказался значительно более растянутым во времени, нежели у их оседлых соседей. Но он протекал в тех же хронологических границах и носил черты преемственности. Хотя государства возникали и разрушались, единство социального процесса не нарушалось, и, несмотря на временный упадок, бывший неизбежным следствием крушения предыдущего государственного образования, каждое последующее оказывалось по уровню социального развития, независимо от длительности своего существования и влияния, оказанного на общий ход истории, более передовым.

Подобно тому, как рабовладельческая формация оказалась после гибели античных государств пройденным этапом в истории человечества и нигде больше не возникала с разложением первобытно-общинного строя в таких же законченных или даже отдаленно напоминающих их формах², невозможной была у кочевников консервация, а тем более реставрация господства родовых отношений.

Уже у хуннов существовало глубокое социальное неравенство. Об этом свидетельствуют и данные письменных источников, и знаменитые Ноин-Улинские находки, и поразительные результаты новейших раскопок захоронений хуннской знати П. Б. Коновалова³. Хуннский племенной союз распался, но, конечно, не все входившие в орбиту

² Следует заметить, что некоторые исследователи допускают возможность развития рабовладельческих отношений, хотя бы в их ранней форме, в сравнительно недавнее время. См.: Токарев С. А. К вопросу о социально-экономических отношениях в Якутии в XVII веке // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2. Новосибирск, 1974. С. 93.

³ См.: Коновалов П. Б. Раскопки курганов хуннской знати в Ильмовой пади // Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ, 1974. С. 220–233.

его влияния племена покинули насиженные места. Кое-что они утратили, иное приобрели за последующие столетия, но главное — процесс социального развития не прерывался, и это требует специального исследования.

В связи с углублением социального неравенства происходят изменения в составе господствующего в кочевом обществе слоя. На примере монголов этот процесс прослеживается довольно отчетливо. Суть его заключается в том, что старые родоплеменные старшины уступают свое место вождям новой формации, чью популярность и влияние определяют не столько традиция или родственные связи, сколько численность их дружин и удача в военных предприятиях, заполнявших тогдашнюю жизнь.

Эпоха, предшествовавшая возвышению Чингисхана, была в этом отношении временем переломным. Большинство исследователей вслед за Б. Я. Владимирцовым говорят о древнемонгольской аристократии, относя к числу последней и род Темучина. Обосновывается это прежде всего генеалогией рода Борджигин, восходящего, по преданию, к легендарной прародительнице монголов Алан-гоа¹. Такую аргументацию можно было бы признать абсолютно доказательной при одном условии: если бы нам было известно время возникновения этой генеалогии. Беда в том, что время появления ее в устной традиции остается, естественно, неизвестным, а в письменных источниках, начиная с «Сокровенного сказания», она зафиксирована уже после возвышения Чингиса. А это существенно меняет дело. История дает нам много примеров, как возвысившиеся владыки исправляли свою генеалогию, возводя ее к предкам, реально существовавшим или воображаемым, прославившимся своими великими деяниями. Достаточно сослаться хотя бы на Тамерлана или Бабура, выводивших свой род от чингисидов. На европейской почве аналогичные по своему характеру тщеславные притязания родовитых домов тоже не были редкостью. Поэтому достоверными генеалогии степных аристократов можно считать лишь в определенных хронологических пределах, весьма, впрочем, широких, так как знание своей родословной на протяжении многих поколений было у кочевников обязательным элементом воспитания.

Аристократизм происхождения Чингиса усматривался и в высоком положении его отца Есугея, которого одни источники называют «десятником», а другие — просто батыром. Рашид ад-дин даже упоминает

¹ См., напр.: Кычанов Е. И. Жизнь Темуджина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 10.

о его царстве². Но вопрос о месте, занимаемом Есугей-батором в иерархии родовой знати, не имеет сколько-нибудь существенного значения. Главное заключается в том, что, независимо от принадлежности его к ее верхам или низам, он представляет собою фигуру уже совсем иного исторического плана. И это сумел подметить Б. Я. Владимирцов, писавший о Есугее: «Он именно „багатур“, т. е. удалец из родов степной аристократии, который сумел отделиться от тех, кто ему мешал, и собрать вокруг себя тех, кто ему был нужен. С ним разные родственники и свойственники, конечно, те, которые согласны признавать его своим главою и слушаться его указаний; с ним подчиненные из разных родов, близких и дальних, за ним следует *upağan boğolʹy*, у него есть „прислужники“, вокруг него собирается дружина — *pököd*. При удачно сложившихся обстоятельствах он может вести разные мелкие войны, производить набеги, добывать лихих коней и „прекрасных девиц“ и в широком масштабе вести кочевое хозяйство... Умеет привлекать к себе представителей поддавшихся родов и *pökörʹov*»³. На то, что эфемерная «держава» Есугея скреплялась его личным авторитетом, а не родовыми связями, указывал и Ш. Сандаг⁴.

Итак, в отличие от своих предшественников и некоторых последователей, Б. Я. Владимирцов характеризует социальную среду, из которой вышел основатель монгольского государства, на уровне новейших теоретических достижений медиевистики. Выше сказано, что становление классового общества происходило не путем трансформации родоплеменной знати в феодалов, а в результате оттеснения ее от кормила правления новым социальным слоем — первоначально предводителями дружин, в числе которых могли быть и отдельные выходцы из родовой аристократии. Но господство этого нового слоя основывалось не на родовой структуре, значение которой все более падало. Под его властью оказывались разные роды или их обломки, и это сыграло немалую роль в смене родового начала территориальным.

В течение какого-то времени наблюдалось сосуществование старой родоплеменной знати и новых предводителей, постепенно узурпировавших ее бывшие prerogatives. Иногда, как в случае с Есугеем, одно лицо могло в известной мере совмещать обе функции, когда в подчинении у него оказывались и единоплеменники, и чужеродцы. Но тен-

² Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 75.

³ Там же. С. 75–76. Не подтверждается источниками мнение Е. И. Кычанова, что в улус Есугея входило несколько племен (Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 11).

⁴ Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы... С. 26.

денция была такова, что родоплеменная знать постепенно оттеснялась на задний план. Так было повсюду и в Старом, и даже в Новом свете¹.

Следует отметить одну общеисторическую закономерность, типичную для дофеодальных обществ (включая рабовладельческие). На переломных рубежах снижается значение гражданской власти и усиливается роль военачальников. Преторианцы, вершившие судьбы государства, имелись не только в Риме. В ином обличье и в других масштабах их можно обнаружить и в совсем отличных условиях. Конечно, аналогия эта весьма относительна, но с упадком всякого отживающего строя увеличивается роль армии (ополчения, дружины) во внутренних делах данного общественного организма. И часто верх одерживают не те, кому власть досталась от далеких предков, а удачливые военачальники. История кочевых народов дает многие тому примеры.

Укрепление власти господствующей верхушки определялось, как справедливо отметил Г. Н. Румянцев², не только соперничеством мелких племенных вождей и предводителей дружин, но главным образом потребностью этого социального слоя сломить сопротивление рядовых общинников. Государство возникает тогда, когда складывающийся эксплуататорский класс начинает нуждаться в органе принуждения для сохранения своего господства. Монгольское общество XII–XIII вв. уже стало классовым, и возникновение государства было неизбежным. Ранние формы государственности существовали в степях Центральной Азии задолго до Чингиса, но были еще внутренне непрочными.

Опыт истории учит, что возникновение государства предшествует утверждению феодальных отношений. В Западной Европе начальная стадия генезиса феодализма протекала в рамках варварских королевств, возникших на обломках Римской империи. На крайнем севере Европейского континента, где римское влияние не сказалось сколько-нибудь существенно, раннеклассовое общество появилось на основе разложения первобытно-общинной формации. В Швеции «его порождением в сфере надстройки было формирование ранней государственности, или варварского королевства»³. В отсталых мелких государствах доколониальной Африки, где слабые ростки феодальных отношений прорывались сквозь традиционную родоплеменную организацию, многочисленные царьки олицетворяли эту раннюю государственность. У хунну

¹ См., напр.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 239.

² Румянцев Г. Н. Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 80.

³ История Швеции. М., 1974. С. 72.

или сяньбийцев союз племен уже явно перерастал в раннее государство, но при всей мощи шаньюев они были еще вождями племенных объединений, а не феодальными владыками.

Конечно, основу феодального строя следует искать в экономической структуре общества, но не следует забывать марксистское положение об активной роли надстройки. Возникновение государства является следствием сложения классового общества, но прежде чем господствующий класс, ломая старый общественный строй, утверждает новый (в рассматриваемом нами случае феодальный), он создает определенную политическую систему, облегчающую решение этой задачи. И, повторяем, повсеместно, на всех материках, у всех народов, прошедших через феодальную стадию развития, образование государства предшествует превращению основных производителей в массу зависимых людей, т. е. торжеству феодализма.

Выяснение этого вопроса чрезвычайно важно для нашей темы, потому что правильное его решение дает право считать образование кочевого государства не заключительным аккордом в установлении феодализма, а свидетельством резкого обострения классовых противоречий, предшествующего оформлению первой антагонистической формации.

Именно это обстоятельство — возникновение ранних государств — служило основой для отыскивания феодальных отношений в тех племенных союзах, в которых еще очень сильными оставались родоплеменные связи и классовая структура носила переходные черты, типичные для дофеодального периода.

Образно говоря, возникновение государства является не заключительным аккордом сложения феодального строя, а прелюдией к нему. И поэтому в частном случае образование монгольского государства Чингисханом мы рассматриваем не как конечный этап феодализации, а лишь как создание наиболее благоприятных условий для нее. Государство — необходимый орган насилия для утверждения складывающимся господствующим классом своей полной власти над массой закрепощенных кочевников. Но орган насилия древнее государства. Функции последнего на ранних ступенях развития классового общества выполняет дружина, верная своему предводителю и готовая обрушиться на каждого внешнего врага или своего соплеменника, если этого желает вождь.

Идея безусловного и беспрекословного подчинения вождю, получившая столь яркое воплощение в феодальную эпоху в идеологии рыцарства, зародилась во времена варварства. Чем отличается известная клятва Чингису, данная его ближайшими сподвижниками: «Кто твоей руки хоть на мгновенья на войне ослушаться дерзнет, не давай и тени

снисхожденья»¹, от выражения преданности в «Песне о Роланде»: «Для императора вассал примерный и жар и холод должен претерпеть, ни волоса, ни кожи не жалеть»? Истоки феодального кодекса чести восходят к дофеодальному периоду, когда возвышавшиеся вожди собирали свои боевые дружины.

Предшественником дружин, сыгравших столь большую роль в распаде старой родоплеменной структуры, было родовое ополчение. Самый принцип его организации был иным: оно представляло собой объединение всех свободных членов рода, защита интересов которого силой оружия была одновременно и долгом, и делом чести каждого взрослого мужчины. Эта всеобщность начинает утрачиваться с выделением из рода или племени удачливых предводителей, сила и влияние которых опираются не на поддержку сородичей, а на силу сподвижников, часто являвшихся выходцами из разных родов, т. е. на дружинников. В течение некоторого времени родоплеменное ополчение и дружина как форма организации вооруженных сил сосуществуют, но по мере усиления второй роль первого все более и более падает. С появлением же дружины, органа, не столько связанного с прежней социальной структурой, сколько противостоящего ей, возникновение государства было лишь делом времени, ибо, повторяем, без него завершение процесса феодализации было бы невозможно. Государство, возникновение которого само является следствием далеко зашедшего социального расслоения, необходимо для становления нового, основанного на классовом антагонизме общества, в данном конкретном случае, т. е. у кочевников, феодального. В этом проявляется диалектика исторического процесса. На длительность процесса становления государства в кочевом обществе и потребность в нем для победы феодализма справедливо указал Ижамц, однако с отнесением завершения феодализации монгольского общества и тем более времени формирования монгольской нации к первой половине XIII в. согласиться никак невозможно².

Разумеется, длительность переходного периода обуславливала и длительность преобразования военной организации. Во времена возвышения Чингиса, т. е. по мнению тех, кто считает империю Чингиса феодальной с самого ее основания, в канун завершения процесса феодализации, «дружинная» организация войска отлично сочеталась еще с живыми элементами родового ополчения. Дружинники, отмечает

¹ Козин С. А. Указ. соч. С. 108.

² Išžamc N. L'état féodal mongol et les conditions de sa formation // Etudes mongoles. Cahier 5. P., 1974. Pp. 127–130.

Б. Я. Владимирцов, «частью превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а частью образовывали особый отборный отряд...»³. Известно также, что вокруг Чингиса, когда он только начинал свою бурную карьеру, группировались не только поверившие в его звезду удалы, но и сородичи, прежде покорные Есугею, но покинувшие его семью в час бедствия.

Характерно при этом, что не родичи, за исключением, может быть, самых близких, а нукеры — чужеродцы пользовались наибольшим доверием и занимали важнейшие посты. Нечто подобное наблюдается в разных странах и в разные исторические периоды, а не только у кочевников на ранних этапах их истории и объясняется тем, что гораздо вероятнее ожидать неверности и вероломства со стороны влиятельных родовичей, не желающих примириться с новыми условиями, нежели от безродных дружинников, возвышением своим, да и всем благополучием зависящих от благосклонности своего повелителя. Поэтому создание дружин не только изменило принцип организации вооруженных сил, но и оказало глубокое влияние на всю социальную структуру общества. Ярким примером справедливости этого утверждения являются биографии ближайших сподвижников Чингисхана — его прославленных полководцев Джаба, Субедея и многих других, которые отнюдь не могли похвастаться своей родовитостью, но перед которыми приходилось склоняться кичливым нойонам.

Разумеется, возвышение простых людей никак не означало демократизации общественных отношений. Они отрывались от своей среды и, беспрекословно послушные хану, способствовали укреплению его деспотической власти. Дружина служила органом классового угнетения, в отличие от родового ополчения, которое в далеком прошлом выражало в какой-то мере интересы всего рода в целом.

Следует отметить еще одно обстоятельство, усугублявшее в ту эпоху дифференциацию общества. Набеги кочевников, их междоусобные войны всегда сопровождались грабежом, захватом добычи — скота, рабов, имущества побежденных. В этом грабеже участвовали все воины. И хотя традиция сохранялась, ибо и гордым ханам приходилось считаться с нею, львиная доля доставалась дружинникам, в первую очередь приближенным предводителя, а рядовым участникам похода перепали лишь малые крохи.

Таким образом, дружины сыграли роль мощного рычага, при помощи которого возвышающиеся вожди взламывали старую родопле-

³ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 91.

менную организацию. Этим определяется их значение, отмеченное еще Энгельсом, в становлении на развалинах этой организации классового общества. Но процесс этот был длительным, и долго на протяжении его, как уже сказано выше, наблюдается сосуществование институтов, как связанных всеми нитями с прошлым, так и знаменующих собою наступление новой эры, разделение общества на antagonистические классы.

Это общество, несмотря на все его своеобразие, находит принципиальную аналогию в строе, сложившемся в варварских племенах Западной Европы на пороге средневековья. Главная черта общественного процесса и там, и здесь — становление классового общества, превращение еще весьма аморфной социальной структуры в феодальную с присущими ей общими закономерностями.

Наиболее существенная особенность первобытно-общинного строя — коллективное производство и потребление — проявляется уже только в пережиточных формах. Если в сфере производства у кочевников коллективные начала сохраняются еще в течение длительного срока¹, то частная собственность на скот очень скоро приводит к индивидуализации потребления. А возникает она еще в рамках первобытно-общинной формации, создавая экономические предпосылки к ее разрушению, способствуя накоплению богатства и тем самым социальному расслоению, которое прогрессирует в степях Центральной Азии с древности и, во всяком случае, было явно выражено во всех известных нам племенных образованиях, начиная с хунну. Но повсеместно, вплоть до эпохи Чингисхана, скот остается в собственности непосредственных производителей и права на него одинаковы и у рядового кочевника, и у представителя нарождающейся знати, хотя, конечно, степень обеспеченности этим средством производства резко различна. Мы говорим здесь о норме, хотя нарушения ее в ту эпоху, когда она доминировала над правом, были повседневным явлением.

Другой характерной чертой этого периода было то, что основную массу населения составляли лично свободные члены рода или племени. Наряду с ними, как показано выше, имелось значительное количество людей зависимых, или полусвободных, а также рабов. И те и другие эксплуатировались преимущественно, если не исключительно, в хозяйствах социальной верхушки. Рядовые же свободные члены общины

¹ Иногда коллективный труд обусловливается потребностями производства. Так, у тувинцев, например, долго сохранялась коллективная охота. См.: Потапов Л. И. Очерки народного быта... С. 126.

жили собственным трудом, что лишний раз свидетельствует об отсутствии здесь элементов рабовладельческого строя.

Разумеется, дофеодальное кочевое общество не было и не могло быть социально однородным. Знать выделилась над основной массой сородичей, ее власть и влияние были достаточно велики. Но это была еще знать родоплеменная, авторитет которой базировался на происхождении, и господство ее было еще непрочным. Вспомним в связи с этим вновь горестную судьбу семейства Есугея после его неожиданной кончины. Сородичи потянулись к иным вождям, не связывая себя с его осиротевшими потомками. «Сокровенное сказание» считает такое поведение аморальным, но забота о житейском благополучии оказалась сильнее приверженности к этическим нормам, утвердившимся в рамках родоплеменного строя.

Следовательно, устои родоплеменной идеологии рушились, и старые вожди утрачивали свое основанное на давней традиции влияние. Но не упрочилась и новая форма власти — господство удачливых предводителей дружин, которое, как указывалось выше, приходило на смену прежним порядкам. Полная тревог и опасных приключений юность Чингиса богата примерами того, что и власть могучих баторов над их нукерами не была безгранична. Правда, в «Сокровенном сказании» неверность вождю квалифицируется как измена, но фактов таких там приводится немало, а их оценка вполне естественна в произведении, не только описывавшем реальные события, но и имевшем, несомненно, целью утверждение идеологии нарождающегося класса. Короче говоря, власть в ту эпоху была не столь стабильна, как в феодальном, хотя бы и раннефеодальном обществе.

Все рассмотренные материалы показывают, что процесс классообразования у кочевников зашел достаточно далеко, что монгольское общество дочингисовой эпохи стояло на пороге классового общества. Но оно еще не стало феодальным. Б. Я. Владимирцов так отзывается о раннемонгольских владетелях: «„Власть“ и „права“ древнемонгольского хана до известной степени напоминают то, что обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки. Древнемонгольский хан и ставился, главным образом, на время войны, т. е. для наездов, набегов, разбоя»². И далее: «Конечно, предводитель с такими „правами и обязанностями“ не может быть назван ни государем, ни царем и т. п.»³ Добавим, что он не может быть назван и феодалом.

² Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 80.

³ Там же. С. 81.

Проблема становления феодального общества не может быть сведена только к генезису господствующего класса. Всякая антагонистическая формация, в том числе и феодальная, возникает из разделения общества на два противостоящих друг другу класса. Поэтому для выяснения времени и обстоятельств ее утверждения нам необходимо рассмотреть и процесс формирования второго основного класса феодального общества, т. е. крестьянства. А эта сторона проблемы изучена гораздо хуже, что в значительной мере объясняется состоянием источников, содержащих гораздо более скудные данные о существовании простых людей, нежели о блистательных деяниях их повелителей. Это типично для всех средневековых хроник и тех сочинений, которые могут быть отнесены к разряду исторической литературы и у кочевых, и у оседлых народов. Все они вышли из-под пера представителей высших классов, предназначены для сохранения памяти о деяниях государей и ханов и исполнены пренебрежения к простому люду. Следуя за источниками, историки часто не берут во внимание эволюцию низших классов или не располагают достаточными данными для подробной их характеристики.

Этот недостаток присущ в некоторой мере и классическому труду Б. Я. Владимирцова. Трудно согласиться с ним, когда он выводит закрепощение аратов из той формы зависимости, которую он называл унаган-богольской¹. Как указывалось выше, унаган-боголами становились племена и роды, принужденные к тому силой оружия или неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Это были чужеродцы, чужеплеменники, иногда даже люди иной этнической принадлежности. Б. Я. Владимирцов называет их «крепостными вассалами». Если согласиться с такой трактовкой, то придется признать, что первоначально феодально-зависимыми людьми становились чужеплеменники, а только позднее члены той же общественной группы. Такая стадильность существует в формировании рабовладельческого общества, но никак не феодального. Сложению феодального строя предшествует закабаление именно соплеменников, оно вырастает не из завоеваний, а из внутреннего развития данного общества. Что же касается унаган-боголов, или кыштымов, то форма их эксплуатации, о которой уже шла речь, носит ярко выраженный дофеодальный характер. Если отклонить эту гипотезу Б. Я. Владимирцова, то вопрос остается открытым.

Кардинально важно для его решения определить время возникновения феодальной земельной собственности, так как подавляющее

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 99.

большинство советских историков исходят, вслед за Б. Я. Владимирцовым, из того, что основой феодальной экономики в кочевом обществе, как и в оседлом, было владение землей². Тот, кто внимательно прочтет страницы книги Б. Я. Владимирцова, посвященные этой теме, легко убедится, что все приводимые им сведения относятся либо ко времени Чингиса, либо к более позднему. «Сокровенное сказание» говорит о захвате людей, но не о земельных приобретениях. Земля в этот период еще не имела такой притягательной силы в глазах ханов, как впоследствии. Известно указание К. Маркса, что влияние и могущество феодала в эпоху господства натурального хозяйства определялись не размерами получаемого им дохода, а количеством подвластных ему людей и обширностью земельных владений. Монголов дочингисова времени, видимо, более всего привлекало первое, что очень хорошо отражено в «Сокровенном сказании».

Но феодализм уже стоял, фигурально выражаясь, у порога. Об этом свидетельствуют сложение союзов племен, усиление и обособление знати, падение значения родового ополчения и переход его функций к другим, т. е. все те существенные элементы социальной структуры, которые здесь были рассмотрены. А все это в своей совокупности — характерные признаки дофеодального периода, исходного пункта генезиса феодализма. Причем признаки эти, или определяющие черты, данной стадии общественного развития в главном одинаковы и у кочевников, и у оседлых народов, если исключить некоторые особенности, связанные с различиями в типах хозяйства³.

Следует, может быть, еще раз подчеркнуть, что речь идет о главном, типическом, а не о формах проявления его, которые обнаруживают огромное разнообразие в пределах одного региона, характеризующегося однотипностью хозяйственного облика, не говоря уже о различиях между оседлым обществом и кочевым. Но основные черты общественного строя в канун становления феодализма были все-таки одинаковы. Это соответствует и фактам, и той концепции единства мирового исторического процесса, выработка которой является достижением советской исторической науки и свое понимание которой мы постарались изложить в первых двух главах этой книги. И которой, хочется подчеркнуть, следовал академик Б. Я. Владимирцов, будучи в этом отно-

² Вопрос о роли землевладения в кочевом обществе, вызвавший бурную дискуссию, будет рассмотрен ниже.

³ См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 45–48.

шении более близким к нашему времени, чем к тем дням, когда писался «Общественный строй монголов».

Г. Н. Румянцев в свое время упрекал Б. Я. Владимирцова за частое обращение в поисках аналогий к истории Западной Европы, казавшееся ему искусственным. Но оно проистекало не из желания «подогнать» историю монголов к известным образцам, а из понимания единства основных исторических закономерностей. И это делает его книгу вполне соответствующей воззрениям современной медиевистики. А уж упрекать Б. Я. Владимирцова в пренебрежении к специфике кочевого общества, вероятно, никому не придет в голову.

Итак, становлению феодализма у кочевников предшествует дофеодальный период, переходный от первобытно-общинного строя к феодализму. Мы рассмотрели его особенности на примере Монголии. А отсюда вытекает и конкретный вывод: создание империи Чингиса следует считать не окончательным оформлением феодализма, а его начальным этапом.

Глава IV

СЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Экономической основой каждой формации является присущая ей форма собственности на средства производства. Для феодализма у оседлых народов необходимо возникновение крупной земельной собственности, поглощающей мелкую собственность общин и аллодистов. «Первым вопросом при изучении процесса феодализации является вопрос об образовании в „варварских“ обществах крупной земельной собственности, а с нею и класса крупных земельных собственников — будущих феодалов», — пишет один из лучших знатоков теории феодализма¹.

Если бы речь шла об обществе оседлом, тут можно было бы поставить точку, насколько общепризнан изложенный выше тезис. Но в поисках специфики общественного строя кочевников отдельные исследователи пытались доказать, что владение не землей, а скотом составляет экономическую основу кочевого общества, что не земля, а скот является в нем основным средством производства. Эта проблема обсуждалась на специальных научных совещаниях и оживленно дебатировалась в 1954–1955 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». Подробное рассмотрение этой дискуссии отвлекло бы от нашей основной темы. Да и принадлежит она уже преимущественно истории. Подавляющее большинство наших историков, специализирующихся по прошлому кочевых народов, давно уже не видят здесь никакой проблемы. Но полемика, которую вплоть до самого последнего времени продолжает сторонник противоположной точки зрения С. Е. Толыбеков, вынуждает нас остановиться на этом вопросе, тем более, что названный автор со свойственной ему категоричностью не только пытается опровергнуть основные положения труда Б. Я. Владимирцова, но и доказать, что последний сыграл вредную роль в развитии науки.

В своей новой книге² С. Е. Толыбеков по существу, а местами и текстуально повторяет сказанное им в книге, вышедшей 12 годами рань-

¹ Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. С. 73.

² Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XII — начале XX века.

ше¹, игнорируя все новые труды, посвященные истории кочевых народов². Суть его позиции остается неизменной: основное средство производства — скот, а земля является лишь естественным условием производства, так как к ней не приложен человеческий труд. Роль ее в процессе производства приравнивается к воздуху, который также необходим, но дан самой природой, без всякого участия человека.

А отсюда следовал вывод: основу феодальных отношений у кочевников составляет владение не землей, а скотом. Накапливая крупные стада скота, социальные верхи ставят в зависимость от себя рядовых общинников, постепенно превращая их в феодально-зависимых людей. Изложение этой концепции сопровождается резкими нападка на ученых, придерживающихся иной точки зрения, выдвинутой в свое время Б. Я. Владимирцовым³.

Концепция С. Е. Толыбекова не нашла последователей. Во всех новейших работах по истории Монголии, Тувы, Горного Алтая, Якутии основой возникновения феодальных отношений признается рост крупного землевладения. Аналогичных взглядов придерживаются и ведущие историки Монгольской Народной Республики. «Автор настоящего доклада, — пишет Ц. Нацагдорж, — придерживается мнения о том, что у кочевых народов земля и скот вместе составляли основное средство производства, причем земля была главным, определяющим средством производства»⁴. И далее: «Право монгольских феодалов на владение землей возникло в те времена, когда в 1206 г. Темучин, создав свое государство, пожаловал своих тысячников землей и подданными. Тысячники имели право управления своей территорией, причем они могли как раздать своим подвластным пастбищные угодья, так и отобрать их обратно.

Во время владычества Великих ханов Монголии вся территория империи считалась их собственностью, и они через своих тысячников и феодальных правителей в подчиненных им территориях Монголии собирали налоги с населения»⁵.

¹ Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1959.

² Показательно, что в новой книге С. Е. Толыбекова в списке литературы упоминаются лишь две работы, вышедшие после 1956 г.

³ Приемы полемики С. Е. Толыбекова рассмотрены в моей статье: Залкинд Е. М. К вопросу об основных закономерностях развития феодализма у кочевых народов // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1962. С. 186–192.

⁴ Нацагдорж Ц. К вопросу об экономической основе феодализма в Монголии: доклады монгольской делегации на конгрессе востоковедов. Улан-Батор, 1963. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

Эту точку зрения, отдающую приоритет земле как определяющему средству производства, можно считать полностью соответствующей и взглядам основной массы советских ученых, так как ни одному из них, естественно, не могло прийти в голову отрицать значение владения скотом в процессе сложения классового общества у кочевников. Не отрицал этого и Б. Я. Владимирцов. Он подчеркивал, говоря о ранней фазе феодализма: «По-прежнему скот и охота были главными источниками существования, следовательно, никто не мог обойтись без пастбищных территорий и мест, удобных для охоты»⁶. Но экономическую основу феодальных отношений он видел все же во владении землей, понимая ее специфику по сравнению с феодальной земельной собственностью у оседлых народов. Для кочевника, указывал Б. Я. Владимирцов, важен не определенный, больший или меньший, земельный надел, прочно закрепленный за его семейством, что было всегда идеалом для земледельца, а «возможность использовать большие пространства для периодических перекочевков...»⁷. Реализация такой возможности была необходимым условием ведения его хозяйства.

Оспаривая тезис о землевладении как основе возникновения феодальных отношений, С. Е. Толыбеков не учитывает того, что классовое общество возникает не в результате накопления избыточного богатства, а в результате перераспределения его, экспроприации основных средств производства у непосредственных производителей. Между тем сведений об экспроприации скота не имеется ни у одного из известных нам кочевых народов, он оставался в собственности отдельных семей. Конечно, стада, принадлежавшие простым людям, нередко становились объектом грабежа, но грабительские нападения были типичной для раннего феодализма чертой не только в кочевом обществе, от них немало страдал и оседлый земледelec. Но грабеж, неся разорение, не конституирует новых социальных форм. Хотя табуны и стада богатых и знатных скотоводов были огромны, они создавались не путем экспроприации своих сородичей. Земля же переходила в полное распоряжение нарождающегося класса феодалов, хотя С. Е. Толыбеков и пытается это отрицать.

Отличие кочевого общества от земледельческого автор видит и в том, что в первом были не только два антагонистических класса, но три социальные группы: «полуфеодалы», зависимые люди и лично свободные собственники скота⁸. Пожалуй, яснее всего его позиция

⁶ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 110.

⁷ Там же. С. 110–111.

⁸ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 140.

изложена следующим образом: «Отсутствие при полуфеодальном кочевом скотоводстве монопольных прав отдельных лиц распоряжаться „определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли с устранением всех других“ породило самую широкую общинную форму земледелия. Поэтому общественное производство кочевого общества казахов вплоть до середины XIX столетия базировалось, с одной стороны, на общем владении пастбищной территорией, с другой — на том, что отдельная моногамная семья выступала как основная хозяйственная единица общества, имеющая в частной собственности скот при существовании полигамной семьи у эксплуататорского слоя населения. При такой экономической основе кочевого общества основным орудием эксплуатации человека человеком могла служить только частная собственность на скот.

Именно этим полуфеодальное кочевое общество отличалось от феодально-крепостнического»¹.

По поводу этих тезисов следует, прежде всего, сказать, что наличие свободных людей наряду с зависимыми отнюдь не было специфической чертой кочевого общества. Такая специфика появляется в рассматриваемом труде лишь потому, что автор сопоставляет разностадиальные явления: ранний феодализм у кочевников, «полуфеодальное кочевое общество», по его терминологии, с феодально-крепостническим строем, т. е. с полностью завершенной феодальной системой. Если же сравнивать ранний феодализм кочевников с ранним же феодализмом у оседлых народов, то окажется, что и у последних на этой стадии социального развития имелось еще значительное число людей, сохранявших личную свободу, или частично зависимых².

Равным образом присуща раннему феодализму в оседлых странах и общинная форма землепользования, сохраняющаяся тогда, когда уже начинается концентрация земли в руках вотчинников, и уже не соответствующая новой форме собственности. Наконец, в формулировке об использовании собственности на скот в целях эксплуатации, что, безусловно, имело место в жизни, возражение вызывает слово «только». На практике и в кочевом обществе, и в оседлом все было намного сложнее.

Попытки Е. С. Толыбекова отыскать специфику общественного строя кочевников терпят неудачу и по причине пренебрежения к требованиям исторической науки. Он не только не рассматривает соци-

¹ Толыбеков Е. С. Кочевое общество... С. 141–142.

² Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. С. 236–237.

альный процесс в развитии, но и прямо отрицает самую возможность развития кочевого общества, постоянно подчеркивая, что кочевое общество не изменялось на протяжении долгих столетий. А феодализм оседлый подается в виде идеальной модели. К этому вопросу нам предстоит еще вернуться, поэтому здесь можно ограничиться лишь констатацией.

Отстаивая свою позицию, С. Е. Толыбеков не нашел нужным критически рассмотреть, как уже упоминалось, взгляды ученых, придерживающихся иного мнения, ограничившись нападками на тех, кто полемизировал с ним более 15 лет тому назад. И уже одно это обстоятельство делает его книгу устаревшей уже на следующий день после ее издания.

Чтобы не утомлять читателя большим числом однотипных высказываний, приведем только одно дополнительное суждение по интересующему нас вопросу, которое, как нетрудно убедиться, близко и к Б. Я. Владимирцову, и к Ц. Нацагдоржу, отражая современные взгляды на предмет дискуссии. Н. В. Устюгов еще в 60-е гг. констатировал, что «подавляющая часть историков считает, что основным средством производства в кочевом феодальном обществе являлась земля»³. Не ограничиваясь этим, он определяет и особенности феодальной земельной собственности у кочевых народов: «Феодальная собственность на землю в кочевом обществе осуществлялась в форме права распоряжаться кочевьями. Получение места кочевья от феодала ставило рядового кочевника-скотовода в зависимость от феодала, от представителя феодальной знати. Получая район кочевья от феодала, рядовой скотовод обязан был нести в его пользу те или иные повинности»⁴.

Форма, следовательно, была различной, но содержание единым: независимо от типа хозяйства в основе феодальной системы лежала феодальная собственность на землю. Конечно, конкретные проявления этой общей закономерности не могли быть идентичны, но в пределах Европы, центрально-азиатских степей или аравийских пустынь тоже не наблюдалось полного единообразия. Поэтому специфика не должна заслонять от нас главного и всеобщего.

Как же складывалась, как возникала и укреплялась пришедшая на смену прежней родоплеменной собственности на уголья земельная собственность феодального типа? Насколько близок этот процесс тому, что наблюдалось в оседлом обществе? Эти вопросы принадлежат к числу малоисследованных, а сравнительное изучение, насколько

³ Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974. С. 199.

⁴ Там же. С. 200.

ко нам известно, и вовсе не проводилось. Если искать хотя бы отдаленные аналогии, то надо сразу же исключить германо-романский мир, так как там земельному захвату крупных собственников предшествовали разложение общинной собственности на землю и укрепление мелкого аллода, легко становившегося добычей агрессивных феодалов.

В кочевом же обществе самый тип хозяйства исключал возможность раздробления пастбищ на parcelлы. Ближе стоит по своему характеру это общество к тем оседлым странам, где объектом феодальной экспансии становились еще внутренне прочные крестьянские общины и где аллод, если и возникал, то не играл существенной роли. Но и тут различий обнаружится, пожалуй, больше, чем сходства.

Можно говорить о трех основных институтах, способствовавших возникновению крупного землевладения: прекарии, патронате и прямом насилии. Из них вытекали, как известно, две формы зависимости: поземельная и личная. Так было в оседлом обществе. В кочевом же прекарий исключается, так как степной скотовод не располагал лично принадлежащим ему клочком земли, которым он мог бы поступиться. А, следовательно, не может возникнуть и типичная для прекария ситуация, т. е. сохранение личной независимости или обеспечение льготных условий существования на определенный, иногда очень длительный срок. Невозможна также и чисто поземельная зависимость, нередко являвшаяся следствием прекариальных дарений.

В отличие от прекария, патронат был широко распространен у кочевников. Близкие к патронату отношения возникали, как указывалось в предыдущей главе, и на заре классового общества, когда ослабевшие или побежденные роды становились кыштымами (унаган-боголами). С укреплением власти удачливых предводителей дружин и отдельные кочевники, и целые их группы отдавались под покровительство этих новых вождей в надежде найти у них защиту от нападений со стороны, да и самим поживиться добычей во время военных походов. История Чингиса буквально изобилует сообщениями о приходе под его знамена, и коллективном, и индивидуальном. Присягая на верность своему господину, эти люди вверяли ему полностью свою судьбу, включая, конечно, и право руководить их дальнейшими перекочевками.

«В древнемонгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей, — пишет Б. Я. Владимирцов, — выражалось в том, что *ноуан*, т. е. феодальный сеньор, царевич или „тысячник“, руководил кочеванием зависимых от него людей (*ulus*), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья (*belciger~belci'er*) и указывая стоянки в определенных местах предо-

ставленного ему нутука-юрта. Феодальный сеньор был действительно господином, *ejen'om*, распорядителем пастбищных территорий»¹. Монопольное право распоряжения кочевьями, через которое реализовалась земельная собственность, сохранялось у кочевников на всем протяжении их истории².

Поскольку патронат у кочевников означал и полную передачу владельцу всех прав на распоряжение землей, можно говорить о том, что возникавшая отсюда форма зависимости носила синтетический характер, будучи одновременно и личной, и поземельной. Такая гибридная форма встречается и у земледельцев, но там она не является единственной и допускает разные градации и варианты. В кочевом же обществе такой синтез абсолютно преобладает. И в этом можно усмотреть вторую специфическую черту генезиса феодализма у кочевников.

Что же касается насильственного установления отношений господства и подчинения, то этот путь, достаточно популярный во всех частях света, у кочевников практиковался, вероятно, в более широких масштабах, чем где-либо, ибо вся их история заполнена военными предприятиями, завершавшимися не только грабежом, но и подчинением родственных племен и родов. Если походы в чужие земли часто приводили лишь к получению дани, то этнически близкие группы населения старались обратить в постоянное подчинение. Итогом завоевания был захват и людей, и земель, на которых они кочевали. Поэтому и здесь личная зависимость сразу же переплетается с поземельной и является синтетической в такой же мере, что и описанная выше.

Наконец, укрепление новой формы земельной собственности приводит к тому, что она распространяется и на коренной улус или аил новоиспеченного феодала, за исключением, может быть, собственного его рода, сохраняющего на какой-то срок привилегированное положение.

Концентрация земельной собственности приводит к формированию новых классов, антагонистических по своей социальной природе. Чтобы сломить сопротивление прежде свободных общинников, превращаемых в феодально-зависимых крестьян, господствующему классу необходим соответствующий стоящим перед ним задачам орган насилия. Таким органом является государство. «Государство, — говорит В. И. Ленин, — есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 112.

² См., напр.: История Тувы. Т. 1. С. 222.

и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»¹.

Экспроприация основных производителей приводит к образованию антагонистических классов. Для завершения этого процесса формирующийся господствующий класс должен располагать средствами не только экономического, но и политического давления. Надстройка играет активную роль в сложении нового базиса. Поэтому, как отмечалось выше, государство возникает на самых ранних ступенях процесса феодализации, в тот период, который мы, вслед за А. И. Неусыхиним, называем дофеодальным.

Вся история кочевого общества, насчитывающая длинный ряд столетий, свидетельствует о постепенном укреплении государственности по мере усложнения его социальной организации. Для раннеклассового общества характерны нестойкие, легко распадающиеся в случае неудачи объединения, какими бы могущественными они ни казались в период их расцвета. Гунны, несмотря на всю мощь и богатство их шаньюев, были все же союзом племен и тогда, когда они подчинили себе огромные пространства Центральной Азии, и тогда, когда их потомки обрушились на Римскую империю.

Несколько сложнее обстояло дело в Тюркском каганате. Но и тут в одной из своих ранних работ А. Н. Бернштам подметил, что образование государства, которое казалось ему аналогичным по своему характеру древнеримскому, произошло в тот период, когда общество орхоненисейских тюрок являлось «ранней формой сложения примитивных феодальных отношений»², т. е. до окончательного утверждения феодальных отношений.

Говорить о возникновении в центрально-азиатских степях прочного государственного организма можно лишь с образованием монгольского государства, обладавшего достаточным запасом прочности, чтобы на длительный срок пережить своего создателя и при распаде не вернуться к прежним, существовавшим в доиндустриальное время порядкам. Все предшествовавшие ранние государства кочевников в конечном счете не порождали при своем уничтожении ничего иного, как реставрацию старого племенного членения; на месте же Монгольской империи после

¹ Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М., 1962. С. 7.

² Бернштам А. Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок VI–VIII веков. М.–Л., 1946. С. 145.

ее уничтожения остались чисто феодальные уделы. Прежнее родоплеменное деление общества было разрушено столь основательно, что о восстановлении его нечего было и думать, хотя, по-видимому, еще продолжали существовать среди выходцев из дочингисовой знати поклонники «золотой старины». Следовательно, классовый антагонизм оказался столь глубоким, что сложение государства, остававшегося сильным, несмотря на изменение формы, стало исторической необходимостью.

Итак, возникновение антагонистических классов предшествует созданию государства, но для окончательного утверждения первой антагонистической формации, в данном случае феодальной, господствующий класс нуждается в государстве, обеспечивающем подавление сопротивления низших классов. Так было у оседлых народов, так же обстояло дело и у кочевников.

Вся борьба между отдельными монгольскими ханами на рубеже XII–XIII вв. была прелюдией к образованию единого государства. Разрозненность, постоянные междоусобицы не давали возможности господствующим социальным слоям полностью реализовать стоявшие перед ними задачи — разрушить старую родовую организацию, живые черты которой препятствовали утверждению новых порядков.

Общая картина монгольской жизни той эпохи достаточно полно представлена в «Сокровенном сказании». В переплетении неожиданно возникающих и распадающихся союзов, в походах, вызванных жадой мести, в изменах и вероломстве, рассказами о которых так богата эта хроника, — во всем прослеживается стремление к установлению единовластия. И если шаткое равновесие между соперничающими ханами поддерживается некоторое время, то лишь потому, что до поры до времени ни одному не удастся взять верх над остальными. Вопрос заключался только в том, кому из главных действующих лиц: Чингису, Чжамухе, Ван-хану керейтскому, Таян-хану найманскому удастся устранить соперников и одержать окончательную победу. Ситуация знакомая для любого общества, оседлого или кочевого, стоящего на пороге феодализма. Везде путь к объединению племен под единой властью лежал через устранение главных конкурентов. Достаточно вспомнить, как, ликвидировав своих знатных сородичей и принудив к повиновению других вождей, Хлодвиг стал основателем Франкского королевства³.

Все монгольские ханы, как справедливо отметил Б. Я. Владимирцов, не были «царями»⁴. Но в то же время они не были и фигурами социаль-

³ См., напр.: Неусыхин А. И. Проблемы... С. 227.

⁴ См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 81.

но вполне равнозначными. Если можно так сказать, Ван-хан и Таян-хан принадлежали прошлому, а Чингис и Чжамуха — будущему. Первые двое опирались целиком на мощь своих племен, лишь периодически обращаясь к иноплеменникам ради племенного союза. Поэтому они вынуждены были считаться с мнением и настроением племенной знати, традиционно участвовавшей в решении всех важных дел. Естественно, та не была заинтересована в установлении такого порядка, при котором ее влияние могло быть сведено на нет. Главной же опорой Чжамухи и особенно Чингиса была его дружина, позднее ставшая костяком гвардии, что позволило избавиться от повседневной опеки влиятельных родственников и постепенно принудить их к беспрекословному послушанию. Делалось это не сразу, но, прежде чем Чингис стал повелителем всего монгольского народа, он добился полной гегемонии в своих собственных владениях.

Рассматривая вопрос о сплочении Чингисом своих сторонников, Б. Я. Владимирцов обращает внимание на два очень важных обстоятельства. «Если известно, что Чингиса выдвинула и поддерживала монгольская степная аристократия, то надо отметить, что часто за ним шли и оказывались его верными слугами многие из низших классов монгольского общества»¹. Выше уже отмечалось, что выдвижение и приближение к особе хана верных сподвижников начались еще в период собирания сил. В дальнейшем это становилось все более обычным явлением до той поры, пока состав класса феодалов не стабилизировался окончательно. Источников формирования этого класса было два: представители старой рядовой аристократии, за исключением самых крупных, которым утверждение новой власти давало прочную гарантию сохранения власти над приписанными к ним людьми, и люди незнатного происхождения, отличившиеся верной службой, обласканные ханом и получившие надель, что превращало их в феодалов. Последние становились более надежной опорой нового строя, так как на них не висел груз старых представлений и воспоминаний о былой «свободе».

Во-вторых, указывает тот же исследователь, к Чингису присоединялись только второстепенные племенные вожди. Потерпев поражение, они охотно меняли хозяина во вполне основательной надежде, что более сильный вождь обеспечит им обильную добычу во время походов и сохранение порядка в их кочевьях. Более же влиятельных племенных вождей, носителей идеи децентрализации, пришлось в целях укрепления единства государства уничтожить, включая и тех, кто избирал Чингиса по тактическим соображениям в ханы.

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 84.

Объединение племен под тиранической властью разбивало прежние границы, создавало предпосылки к замене родового принципа территориальным, приводило к смешанному расселению и в конечном счете к образованию государства. Оттеняя эту сторону дела, В.И. Ленин цитирует Энгельса: «...По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...»².

Процесс классовообразования с необходимостью приводил к образованию государства. Наиболее четко у кочевых народов он выражен в создании Монгольской империи. Никакой точной аналогии истории не знает. Арабский халифат, хронологически значительно более ранний, представлял собой первоначально соединение кочевых общин, но он возник на значительно более сложной экономической основе, так как кочевой уклад сочетался в арабском мире с развитой городской жизнью, хотя и находившейся в период его сложения в глубоком упадке. Что же касается процесса феодализации у ряда других кочевников, на границе Сибири и Средней Азии в частности, то он протекал в рамках чуждых им государств, подчинивших эти народы, что придавало, понятно, ему определенный отпечаток, и там были сильно выражены элементы синтеза, очень слабые, если вообще проявлявшиеся у монголов.

Сложение государства ускоряло оформление феодальных отношений, сутью которых было превращение лично свободных производителей в феодально-зависимых людей. Происходило это, конечно, не на пустом месте. Имущественное, а затем и социальное расслоение начинается еще в рамках первобытно-общинного строя. В дофеодальный период оно, как показано выше, быстро прогрессирует, подготавливая условия для окончательного завершения уже в феодальную эпоху.

Нельзя сводить причины возникновения феодальных отношений только к устремлениям господствующего класса, главное заключается в обострении классовой борьбы, чему, как справедливо отметил Г.Н. Румянцев³, Б.Я. Владимирцов не уделил в своем капитальном исследовании внимания. Понять, почему это произошло, нетрудно. Проблема эта представляет огромные сложности для периода раннего феодализма вообще. Источники (хроники или панегирические сочинения) этой эпохи все свое внимание концентрируют на жизни и деяниях социальной верхушки и очень скупы на информацию о настроениях народа и проявлении

² Ленин В.И. Государство и революция. С. 8–9.

³ Румянцев Г.Н. Труды Б.Я. Владимирцова... С. 80.

ях его активности. Много ли дает в этом плане «Сокровенное сказание», наш основной источник? Поэтому можно сравнительно полно проследить формирование одного из классов феодального общества и гораздо труднее выяснить, как шло конституирование второго — крестьянства. Источники очень скупо об этом рассказывают.

Положение осложняется тем, что в кочевом обществе отсутствует тот показатель, который позволяет сравнительно легко определить степень феодализации оседлого, где критериями служат степень обезземливания крестьянства и рост крупного землевладения. У кочевников трансформация земельной собственности выражена менее отчетливо, в соответствии с особенностями их землепользования, исключаящими привязанность крестьянина к определенному клочку земли, и реализацией собственности через распоряжение кочевьями. «Из совокупности экономических черт феодализма, — пишет один из исследователей восточной общины, — следует, как нам представляется, выделить две черты: монополию земельной собственности (и ее экономическую функцию — землевладение); систему крестьянских наделов. Последняя черта является, по-видимому, решающей»¹. Но такая система невозможна в кочевом обществе. Поэтому узурпация земли классом феодалов прослеживается здесь не столь отчетливо, но она имела место у всех кочевых народов.

Захват земли общинников дополнялся территориальными приобретениями в ходе захватнических войн, которыми изобилует период сложения кочевого государства. Еще сильны были традиции периода военной демократии, когда грабеж, как отмечал Ф. Энгельс, почитался самым доблестным занятием. Источники по истории монголов повествуют о подобных предприятиях, завершавшихся истреблением мужчин, обращением женщин и детей в рабство и присвоением их имущества. Тогда главным стимулом войны было стремление к захвату чужих богатств. Этот стимул сохранялся и впоследствии, но к нему добавился другой — подчинение покоренных племен, сопровождавшееся уничтожением их главарей и переходом мелких представителей знати на сторону победителя. А что касалось простого народа, то он либо оставался в ведении своих переметнувшихся нойянов, либо отдавался в надел кому-либо из сподвижников хана, одержавшего победу.

Если «Сокровенное сказание» на первых своих страницах сообщает только о мелких набегах, при которых приобреталось немного ра-

¹ Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 252.

бов², то позднее цели становятся иными. Призванный на помощь Чингису Чжамуха говорит: «На Тохтоа, на зачинщика-труса бурей внезапною грянем. В прах обратим и высоких и знатных. Жен и детей полоним, мы их святыни растопчем ногами, целым народом в полон уведем»³. И если исключить беспощадно жестокую расправу с татарами, заклятыми врагами Чингиса и его рода, прочие победы в период собирания монгольских племен завершались пополнением числа подданных за счет побежденных противников, лишенных своих прежних начальников. При этом следует указать, что, решая главную задачу — изничтожить конкурентов, Чингис (надо полагать, не только Чингис) заботился о сохранении степного этикета и о соблюдении простолюдинами верности своим ханам. Принимая перебежчиков, он одобрил то, что они отпустили его злейшего врага, которого намеревались было убить. «Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана, — сказал он, — ибо я должен был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана». Одоблив такой поступок, он принял своих новых подданных «с особой милостью»⁴. Это свидетельствует о том, что, ведя ожесточенную борьбу со своими конкурентами, ханы все же блюли свои классовые интересы, не допуская, чтобы подданные собственными руками истребляли своих повелителей. Подобные случаи могли бы явиться нежелательным прецедентом и в корне противоречили той идее абсолютной покорности, которую насаждали степные владыки. Таким образом, цели войны усложнялись. Грабеж, конечно, не утратил своей привлекательности в глазах кочевой знати, но она стремится теперь к захвату людей и территорий. Известно указание К. Маркса, что сила и влияние феодала определялись не его богатством и доходами, а числом его подданных и размерами его удела. К этой цели и направлены усилия собирателя монгольского государства.

Можно возразить, что кровавые погромы, которыми отмечен путь чингисова воинства по Восточной Европе и Средней Азии, отнюдь не подтверждают сказанное выше. Но это были войны уже иного периода, о чем речь пойдет ниже. Во время же преодоления племенной разобщенности и создания централизованного государства главной задачей становилось подчинение всех монголов единой власти.

Но когда эта задача была выполнена и Чингиса провозгласили ханом всех монголов, войны не только не прекратились, но и приобрели

² Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 82.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 121.

рели такой размах, какого не знала прежде история Азии. И тут мы подходим к весьма важному вопросу: чем же объяснить такую воинственность монголов, по завершении одного победоносного похода немедленно начинавших следующий? Природной воинственностью кочевников, неутолимой жадой трофеев, поисками новых пастбищ, честолюбием их ханов или чем-то иным? Вероятно, в какой-то мере тут играли роль все перечисленные обстоятельства. Но что же было главным? Удивительно, но этот вопрос, насколько нам известно, не ставился в монголоведной литературе до недавнего времени. Описывались походы, давалась им та или иная оценка, в зависимости от позиции автора, но вопрос о причинах походов, которые увели монголов так далеко от их родных кочевий, оставался открытым. Конечно, он чрезвычайно сложен, наука должна стремиться к раскрытию причинных связей в мировом историческом процессе.

Предлагать окончательное решение этого вопроса, даже в порядке законченной гипотезы, было бы слишком смело. Но хочется все же привести некоторые соображения. Думается, что причину походов следует искать не только в злой воле ханов, в которой не приходится сомневаться, но и в более глубоких обстоятельствах, связанных с внутренними процессами, проходившими в монгольском государстве той поры.

Прежде всего следует отметить, что воинственность монголов была исключительна, но не уникальна. Завоевательные предприятия типичны для народов, находящихся на той стадии общественного развития, на которой стояли монголы XIII в., т. е. на самой ранней ступени феодального строя. В столь же дальние походы отправлялись воины ислама под знаменами халифа. Здесь нет полной аналогии: арабские завоевания не были столь разрушительны и отвечали важной задаче того времени — обеспечению экономического единства Ближнего Востока. Но для нас существенно другое: эти походы были предприняты сразу после возникновения раннефеодального государства. Обратимся к другой части света. Завершение процесса феодализации во Франкском королевстве, первом феодальном государстве Европы, произошло при Карле Великом, все царствование которого проходило под шум сражений. Аналогия еще более далекая: завоевания франков несли другим народам не столько уничтожение, сколько распространение на них феодальных порядков. И все же, не связаны ли эти кровавые страницы истории с утверждением нового строя?

Попытаемся ответить на этот вопрос на примере Монголии. Нелегко понять, что, хотя Чингис одержал победу и добился создания единого государства, что отвечало потребностям времени становления

феодализма, положение в стране не могло быть особенно устойчивым. Сохранить власть можно было, только опираясь на господствующий класс. Сам хан признавал это, говоря, что всем обязан своим сподвижникам. Поэтому он должен был действовать целиком в интересах этого класса, воспитанного еще в духе былой вольности. Везде сложение раннефеодального государства проходило в борьбе королевской власти со старой знатью, мечтавшей о восстановлении своей прежней самостоятельности. Вполне понятно, что эта борьба не могла закончиться с провозглашением монарха. Появлялись новые претенденты, плелись заговоры. От новой власти требовалась сугубая бдительность.

Все это нашло отражение в «Сокровенном сказании». Обеспокоенный мрачным предсказанием могущественного шамана Теб-Тенгри, Чингис в гневе чуть было не расправился со своим братом Хасаром, и лишь вмешательство мудрой матушки Оэлун предупредило братоубийство. Тем не менее Чингис предусмотрительно «отобрал у Хасара большинство данных ему людей»¹. Но еще большую опасность представлял сам Теб-Тенгри, переманивавший подданных отчигина и склонявший к тому же и людей самого хана. Кстати сказать, рассказ о бесславном конце коварного шамана — едва ли не единственное место в нашем источнике, в котором содержится намек на народную оппозицию Темуджину, которую, видимо, Теб-Тенгри пытался использовать. Читаем: «После этого случая (отнятия людей у Хасара. — Е. З.) стали собираться к Теб-Тенгри подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгри. Уходили к Теб-Тенгри и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении (подчеркнуто мною. — Е. З.)»². Напуганный Чингис санкционировал убийство Теб-Тенгри, несмотря на естественный для степняка страх перед шаманом.

Для того чтобы ослабить оппозицию и обеспечить верность подчинившейся хану знати, недостаточно было гарантировать ей возможность полновластного распоряжения своими подданными. Она выросла в походах, обогащалась за счет грабежа. И пока глава государства вел ее дорогою побед, пока объединение всех сил монголов под одним знаменем делало их несокрушимыми и открывало казавшиеся почти безграничными возможности покорения чужих народов и захвата их богатств, эта знать вполне удовлетворялась своим новым положением. Но она чутко реагировала и на неудачи. В этом плане полного призна-

¹ Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 176–177.

² Там же. С. 177.

ния заслуживает предположение Е. И. Кычанова о том, что заговор Теб-Тенгри был в какой-то мере связан с большими потерями, которые понесли монголы во время тангутского похода 1209–1210 гг.

С другой стороны, и это доказывается опытом и кочевых, и оседлых народов, война обеспечивала наилучшие условия для закабаления крестьянства. Она отвлекала наиболее активную его часть в дальние походы, военная обстановка позволяла поддерживать дисциплину самыми жесткими мерами, наконец, она привлекала и рядовых воинов соучастием в грабеже. На эту сторону дела обратил внимание И. П. Петрушевский: «Внешние завоевания нужны были феодализованной кочевой знати также для того, чтобы на более или менее длительное время затушевать и ослабить зародившийся в монгольском обществе классовый антагонизм между знатью и зависимой массой кочевников-аратов. Непрерывные войны Чингисхана и его преемников давали возможность держать наиболее энергичную и молодую часть аратов вдали от родины, сковать ее железной военной дисциплиной („Великая Яса“ Чингисхана) и внушить ей, что завоевания выгодны также и ей»¹. Им же поставлен вопрос о том, что объединение могло быть поддержано знатью «только при том условии, чтобы источник военной добычи — война — не только не прекратился, но, напротив, расширился»².

Ту же роль играла война и в оседлом обществе. Походы Карла Великого имели конечным итогом полное торжество феодализма. Таким образом, войны были вызваны причинами внутреннего порядка, являлись порождением социальной борьбы и внутри господствующего класса, и между ним и основной массой трудящихся. Они были неизбежным следствием процесса феодализации и в империи Чингисхана, поражают только их масштабы. А это связано, как твердо установлено в науке, с исключительно выгодной внешнеполитической обстановкой. Единому раннефеодальному государству противостояли государства, переживавшие период феодальной раздробленности, раздираемые внутренними противоречиями. Случай, опять же, не уникальный. Достаточно напомнить успехи османского государства в его наступлении на юго-восток Европы.

В ходе войны сложилась структура феодального государства. Для своей защиты оно должно было обладать силой, не связанной тра-

¹ Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 112.

² Там же.

дициями прошлого, являющейся надежной опорой монарха, одинаково грозной и для фрондирующих феодалов, и для простого люда. По своему классовому характеру она была частью феодального класса, ибо утверждение феодализма полностью соответствовало его интересам. Такой силой на Западе было рыцарство, на крайнем Востоке — самурайство, а в Монголии — личная гвардия Чингиса. Она была наследницей старой дружины, но приобретшей новую социальную окраску, так как теперь главная ее задача заключалась в охране особы хана и защите представляемого им порядка. По-прежнему они комплектовались из разных родов, и благополучие их зависит целиком от верной службы. Отличие дружинников от рыцарей заключается в том, что они не получали крепостных и находились целиком на содержании хана или тех владельцев уделов, при особе которых они состояли³. По понятным соображениям господина заботились о своих дружинниках, покровительствовали им и не скупились при разделе трофеев.

Н. Мункуев отмечает еще одно назначение дружины — гвардии. В нее зачислялись сыновья владельцев уделов, что, по мнению этого исследователя, было «распространенным в Китае и Центральной Азии с древних времен институтом заложенничества на случай измены того или иного вассала»⁴. Заметим, что система заложенничества в некоторых восточных странах, например в Японии, в иных формах сохраняется на протяжении всего средневековья.

Военная организация лежала в основе членения монгольского общества той эпохи. Сколько бы ни иронизировал по этому поводу С. Е. Толыбеков, обращаясь к истории то гуннов, то американских индейцев⁵, но деление на сотни, тысячи и тумены имело не только военное значение. Это была, как установлено Б. Я. Владимирцовым, форма организации феодальных уделов. Совпадение власти военной и гражданской, если этот термин применим к той эпохе, вполне естественно, если учесть, что у кочевников, в отличие от оседлых земледельцев, войском мог быть весь народ. Кочевник не был привязан к определенному участку земли и мог вести хозяйство, находясь в постоянном передвижении. Стада, следовавшие за войсками, освобождали от необходимости наладить интендантскую службу.

Пожалование человека в звание темника или тысячника не только передавало в его руки бразды командования, но и давало ему чисто

³ См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 95.

⁴ Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы... С. 359.

⁵ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 220.

феодалыные права по отношению к людям, составлявшим эти тумены и тысячи.

Поскольку границы кочевьев не были четко определены, то пожалование уделов не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у номадов же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями. От перестановки слагаемых суть дела не изменялась, но критерий, которым измерялись такие пожалования, не мог не быть иным: определялся не размер владения, а число подданных. Для определения же его использовалась старинная войсковая организация по сотням, тысячам и туменам, причем, как отмечает Б. Я. Владимирцов, эти числовые стандарты были весьма относительны. Но права, которые предоставлялись владельцам уделов, не оставляют никаких сомнений в их феодальном характере.

Сомневающимся в этом хотелось бы задать вопрос: если отрицать феодальный характер нововведений Чингиса, то где же истоки монгольского феодализма, ибо господство этого строя после распада империи, кажется, никем не оспаривается.

Но, разумеется, феодальный характер новой организации монгольского народа следует доказывать не на основе сопоставлений с более поздним периодом, а рассмотрением сущности вытекавших из нее отношений. Раздача уделов если и не разрушала на первых порах старую родовую организацию, то, во всяком случае, существенно ее подрывала, так как часть туменов или тысяч более или менее соответствовала прежним родоплеменным подразделениям, хотя и в их состав, как отмечает Б. Я. Владимирцов, вкраплялись иноплеменники, но зато многие другие составлялись из перемешанных обломков старых родов и племен. В итоге была сломана безраздельно господствующая ранее племенная структура и заменена новой, основанной на территориальном принципе, ибо каждому подразделению выделялись определенные кочевья. Это типично для раннего феодализма.

При этом следует заметить, что такая военно-территориальная организация общества отнюдь не является обязательной для раннефеодального кочевого общества. Ее не было у кочевников Средней Азии и Южной Сибири, так как их военные возможности были много скромнее и потому не было и потребности в таком полном сочетании гражданского и военного управления. Но зато пережитки родоплеменного строя сохранялись у них гораздо дольше. Радикальный же характер реформ Чингиса подготовил почву для забвения обитателями Центральной Монголии даже своей родовой принадлежности. Но, ко-

нечно, во времена Чингиса эти пережитки были весьма живучи, и род Боржигин, к которому принадлежал Темучжин, возвышался над всеми прочими.

Разрушение родового начала проявилось и в том, что, хотя в числе новой знати и были выходцы из старой, но при раздаче уделов они получали не прежних своих соплеменников, а иных людей. Лишь особо отличившимся на службе у хана и заслужившим его доверие вручалось командование над их прежними подданными. Сообщая о подобном случае, Рашид-ад-Дин считает нужным пояснить, что удостоенный такой чести Наяз-нойон получил под начало свой род Баринь потому, что он, будучи старшим беком, «покорился искренне и оказал похвальные услуги»¹. Другие же назначались тысячниками, темниками над присоединенными или покоренными племенами, в том числе многие из сподвижников Чингиса, не занимавших прежде высокого места в родоплеменной иерархии. Широкое привлечение к управлению (а его функции совмещались тут с владениями уделами) тоже типично для раннего феодализма. Вспомним в этой связи каролингских графов, которые не имели никаких корней в переданных в их управление землях.

Эта система распространялась и на завоеванные племена, которые, по терминологии Б. Я. Владимирцова, становились унаган-боголами. Это утверждение классика монголоведения дает повод для очередного критического выпада С. Е. Толыбекова, на котором стоит остановиться подробнее и для уяснения сути дела, и для лучшего знакомства с полемическими приемами этого автора. Он пишет: «Отсюда вытекает, что целые племена и народы, без исключения, становятся „унаган-боголами“, т. е. классом крепостных крестьян»². Но ведь в свой неудачный термин «крепостные вассалы», которым он раскрывал понятие унаган-богольства, Б. Я. Владимирцов вкладывал совсем иное значение, указывая на сохранение их внутреннего социального неравенства. Выше об этом говорилось. В данной же связи он писал: «...институт *unagan bogol* продолжал существовать и в эпоху Чингисхана даже тогда, когда созидалось его кочевое государство. Из вышесказанных примеров вытекает также, что определение *unagan bogol*, данное выше, остается в силе и для более позднего времени: и в век Чингисхана *unagan bogol* не были „рабами“, а „крепостными вассалами“ и могли легко добиваться почетного положения, становясь, например, тысячными ноянями»³. Похоже ли

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 107.

² Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 222.

³ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 98.

это на положение крепостных крестьян? Маленькая перестановка терминов, и противник повержен. Не правда ли, очень просто?

В интересах справедливости следует упомянуть, что критическое замечание С. Е. Толыбекова в адрес Л. П. Потапова, считающего, что все народы, покоренные монголами, оказывались в феодальной зависимости от них, можно признать справедливым, так как формы зависимости не были единообразны. Но при чем тут Б. Я. Владимирцов, отмечающий, что культурные области с оседлым населением первоначально не входили в состав уделов, пожалованных царевичам?

Отличие новой системы от старой заключалось и в том, что главенство знати в порядке безусловного соблюдения принципа наследования было заменено условным держанием. Свои уделы царевичи, члены рода Чингиса и все прочие получали из рук хана. В его же власти было лишить их этих уделов или заменить другими. Принцип наследования был ограничен обязательностью ханской инвеституры. Условное держание также является одним из признаков раннефеодального общества.

Но очень сложен вопрос, к какому типу феодального держания следует отнести монгольские уделы той поры. Б. Я. Владимирцов, видимо, не задавался этим вопросом, весьма существенным с точки зрения современной медиевистики. В двух местах он упоминает мимоходом о ленном владении, не задерживая своего внимания на этом определении. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли у кочевников на данной стадии уже возникает лен, формирующийся у оседлых народов значительно позднее в результате острой борьбы между королевской властью и крупными феодалами?

В оседлом обществе, в частности у франков, самой ранней формой феодального владения был аллод, позднее замененный бенефицием, в свою очередь с усилением класса феодалов и выделением из его рядов крупнейших владетелей, способных противостоять королю, трансформировавшийся в лен. Все известные нам источники не подтверждают возникновения у кочевников аллода. Эта форма собственности, предполагающая стабильные условия жизни, явно не подходит для общества, отличающегося большой подвижностью. Аллода, следовательно, не было. А для точного определения того, что существовало, у нас нет данных, почему можно предположить лишь гипотетическое решение вопроса. По-видимому, феодальное землевладение в монгольском обществе носило двоякий характер: уделы царевичей, членов ханского рода, стоят ближе к лену, тогда как аналогичные права среднего и низшего звена феодальной иерархии — темников и тысячников — к бенефицию, так как владение уделом было для них непосредственно связано

с несением военной службы, и смена их не была явлением сколько-нибудь исключительным¹.

Но любое определение будет не вполне точным, потому что специфика складывания монгольского государства была значительной. И особенности формы конкретного проявления феодальной собственности можно, на наш взгляд, связать с двумя обстоятельствами: никакое оседлое государство не подчиняло в такой мере свою структуру целям войны; ни в одном из них не были столь живучи традиции родового общества, проявившиеся во взглядах на государство как на собственность всего рода, хотя фактически налицо была деспотическая власть.

Особенностью монгольского раннего феодализма можно считать создание волею хана строгой системы вассалитета, которая в иной обстановке складывалась обычно на протяжении длительного времени по мере развития феодальных институтов, причем вся феодальная иерархия утверждалась непосредственно самим главой империи. Хотя темники и тысячники оказались в подчинении царевичей, владевших уделами, последние не могли строго их наказывать без санкции императора².

В дальнейшем, впрочем, произошли значительные изменения, и по мере своего усиления после смерти Чингиса держатели уделов стали вполне самостоятельны в обращении со своими вассалами. Но та система вассалитета, которая возникла сразу после провозглашения Темучжина великим ханом, была весьма своеобразна. Из истории западного феодализма мы знаем две системы вассалитета, которые условно можно назвать французской и английской³. При первой низшие вассалы (рыцари) были обязаны абсолютной верностью своему сюзеру, при второй все они считались вассалами самого короля и должны были (в принципе, как юридическая норма) в случае мятежа барона, при котором они состояли, вставать под знамена монарха. Если сопоставить эти системы с монгольской, то в дофеодальный период, как мы уже выяснили, абсолютной считалась верность своему хозяину, что было типичным для эпохи военной демократии. Чингис высоко ценил тех, кто до конца оставался преданным даже злейшим его врагам, и, наоборот, жестоко карал перебежчиков. Но с образованием империи

¹ См.: Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 106.

² Там же.

³ Мы обращаемся чаще к примерам из истории Европы, чем Востока, потому что там процесс феодализации был осложнен государственной собственностью на землю, чего не было в Монголии. Для нас важнее близость типологическая, чем географическая.

взгляды изменились. Старая идея сочеталась с новой: все подданные — и простые люди, и новая знать, и даже представители господствующего рода — служат прежде всего императору. И поэтому вассалитет стал двойным: все представители феодального класса считались вассалами и хана, и владельцев тех уделов, к которым они были приписаны. Такая гибридная система вполне устраивала верховную власть, поскольку самая мысль о возможности сопротивления ей не допускалась.

Самая иерархия вассалитета не носила чего-нибудь необычного по сравнению с другими странами. Б. Я. Владимирцов передает ее в следующей схеме: император (хан) — владелец удела-улуса (кебегюн) — темник, тысячник, сотник (ноян)¹. Для Европы она будет выглядеть так: король, барон (или соответствующий ему термин), рыцарь; для Японии: император, даймио, самурай. Обычная схема деления феодалов, подвластных короне, на две категории. Но, разумеется, таким членением не ограничивалась вся система вассалитета: существовала целая лестница субвассалитета. В улусы царевичей входили более мелкие уделы дальних родственников, принадлежащих роду Чингиса, тысячники были подвластны темникам и т. д. Но основные подразделения феодального класса были обычны для любого феодального общества. В этом смысле никакой специфики, обусловленной кочевым образом жизни, не наблюдалось.

Тенденции развития этой системы тоже можно считать «нормальными» для феодальной эпохи, а именно усиление сепаратистских стремлений крупных феодалов — владельцев уделов, быстро прогрессирующее с того момента, когда они перестали чувствовать над собою железную руку основателя империи. И в Европе, и в Азии это привело к превращению бенефиция (икта) в лен, в кочевом государстве такая метаморфоза была невозможна, ибо здесь держание с основания своего приближалось к ленным отношениям. Но в обоих случаях эти тенденции вели к ослаблению централизованной власти, к феодальной раздробленности. Впрочем, этой темы мы коснемся несколько позднее.

Закреплению феодальных владений способствовала передача их по наследству, правда, строго не регламентированному. Майората Монголия не знала. Традиционно был минорат: отцовский нутуг и отчий дом с давних времен переходили к младшему сыну — хранителю очага. Но после смерти Чингиса эта традиция прожила недолго, и наследование стало альтернативным. Впрочем, разрушение этой традиции, как и многих других, было начато еще при Чингисе, так как по-

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 104.

рядок наследования должностей темников и прочих предусматривал лишь передачу должности с соответствующими владельческими правами одному из ближайших родственников. Инвеститура была обычно лишь формальностью, так как источники говорят о передаче владения в другие руки как об исключении из правил. Да и трудно было бы предполагать что-либо иное.

Вершиной феодальной иерархии была ханская власть, сильная и в то же время еще не вполне прочная. Такая ее оценка может вызвать удивление, ибо самовластие Чингисхана достаточно хорошо известно. И действительно, при жизни Чингиса эта власть казалась непоколебимой. Однако при его преемниках положение заметно изменилось, даже тогда, когда единство империи еще сохранялось.

Мгновенное, казалось бы, превращение племенной иерархии в спянное и, надо признать, хорошо по тому времени организованное государство с единой властью было исторически обусловлено. Как учит история, на крутых ее поворотах, особенно в момент становления классового общества, утверждающийся новый класс нуждается для окончательной своей победы в установлении сильной власти — тирании. Этим, наряду с личными качествами Чингиса, которые тоже нельзя сбрасывать со счетов, и объясняется сила его единодержавия. И при всем том оно не было прочно обеспеченным. Уцелел кое-кто из врагов, сохранились остатки поверженных в ходе централизации государства родовитых семейств, замыслили недоброе конкуренты. Ведь не случайно с учреждением гвардии осуществлялись до мелочей продуманные и строго регламентированные меры для охраны ханской ставки. И чрезвычайная подозрительность Чингиса, которая проявлялась не только по отношению к бывшим врагам, но и к людям из ближайшего окружения, возьмем хотя бы описанные выше инциденты с Хасаром и Тоб-Тенгри, была, вероятно, связана не только с дурными чертами его характера.

Отлично улавливая дух эпохи и понимая, что только успехи набранном поле могут упрочить его положение, Чингис бросался из одного военного предприятия в другое, победами и дележом добычи сплывая вокруг себя не слишком надежных сторонников. Справедливым представляется замечание Е. И. Кычанова: «Не случайно, видимо, Чингис больше всего опасался своих соплеменников»².

С этим же связано, можно предполагать, стремление закрепить единство правящего рода весьма необычным для раннего средневековья порядком наследования, введенным Чингисом: избранием импера-

² Кычанов Е. И. Жизнь Темуджина... С. 124.

тора на курултае. Но порядок этот оказался палкой о двух концах, ибо привел к борьбе за престолонаследие.

Всевластие хана было полным только тогда, когда он действовал в соответствии с волей и интересами группировавшейся вокруг престола знати. На это обратил внимание еще Вольтер, писавший в своем кратком очерке истории Чингиса: «Монах Плано Карпини, посланный папой Иннокентием IV в Кара-Корум, тогдашнюю столицу Тартарии, свидетель возведения на престол одного из сыновей великого хана Ок-тая (Угедая. — Е. З.), сообщает, что тартарские начальники усадили этого хана на кусок войлока и сказали ему: „Уважай великих, будь справедлив и благодетелен ко всем, иначе ты станешь таким жалким, что у тебя не будет даже того войлока, на котором ты сидишь“. Это не слова раболепствующего придворного»¹.

Независимо от того, насколько изложение этого напутствия точно, оно хорошо передает саму атмосферу такой торжественной, казалось бы, процедуры, как избрание нового хана. И надо отдать должное Вольтеру: он понимал разницу между самодержавием, которое он наблюдал у себя на родине, и непрочной властью монгольских владык. Конечно, зависимость от воли господствующего класса была в обоих случаях, но во втором она проявлялась с гораздо большей непосредственностью.

Можно полагать, что эта зависимость после смерти Чингиса усилилась. Когда главная задача выполнена — новый социальный строй установлен, усиливается стремление владельцев уделов к самостоятельности, ибо они в состоянии защищать этот строй своими собственными силами. А в огромной Монгольской империи, включившей в свой состав много стран, стоявших по уровню своего развития выше их поработителей, центробежные силы должны были проявляться с большей интенсивностью.

Ослабление королевской власти после победы новой формации — явление типичное и всеобщее для раннего феодализма, и оно с неизбежностью влекло за собой вступление последнего в следующую фазу своего развития — период феодальной раздробленности.

Хотя общий облик жизни кочевников, на первый взгляд, мало изменился, формы эксплуатации претерпели значительные трансформации.

¹ Voltaire. Essai sur les moeurs et l'esprit des nation, et sur les principaux faits de l'histoire, depuis Charlemagne jusqu'a Louis XIII // Oeuvres completes de Voltaire. T. XVIII. P., 1785. P. 36. Вольтер допустил ошибку, приписав это сообщение Плано Карпини. На самом деле оно заимствовано из записок Сен-Кентина, использовавшего, по-видимому, сведения, полученные от Бенедикта, спутника Плано Карпини. См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика/ примеч. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 219.

Прежде всего следует рассмотреть вопрос об организации уделов с экономической точки зрения. Общая теория феодализма знает две ее формы: крупное барское хозяйство и раздачу земли крестьянам с взиманием с них ренты. В Европе вторая постепенно вытесняла первую, на Востоке вторая была абсолютно преобладающей. У кочевников здесь неизбежно должно было наблюдаться значительное своеобразие, так как скот, в отличие от земли, оставался в личной собственности каждого хозяйства, и эксплуатация его на данной стадии общественного развития не отмечалась. К слову сказать, так же обстояло дело у оседлых народов, но там скот был преимущественно тягловой силой и дополнительным, а не основным источником существования. Наряду с мелким животноводческим хозяйством рядовых производителей существовали крупные стада и табуны, принадлежавшие знати всех рангов.

Таким образом, у кочевников, и у феодалов, и у их подданных, существовало собственное хозяйство, как и во всяком феодальном поместье, независимо от того, было ли в нем господское поле. Особенность, повторяем, заключалась в том, что основной источник существования был в личной собственности. Общность — в том, что в обоих случаях основным средством производства, землей, распоряжался сеньор.

Повинности заключались в обязательном выделении на определенный срок установленного количества семейств для обслуживания, наряду с еще сохранявшимися рабами, ставки феодала и его стад, а также в поставке господину скота для продовольствования и дойных кобылиц. Следовательно, тут практиковались и отработочная, и натуральная рента. Судя по данным Б. Я. Владимирцова, последняя, по указу Угедея, была умеренной², что не должно особенно удивлять, так как огромные стада феодалов снабжали их достаточным количеством продовольствия. Но отнюдь не следует думать, что жизнь простых людей была идиллической. Кроме непосредственных повинностей в пользу владетеля, на рядовых монголов был наложен ряд других, среди которых едва ли не самой обременительной было обеспечение почтовой службы — поставка лошадей для проезда и обслуживание, а также прокорм гонцов и всех проезжающих, снабженных ханскими ярлыками. Кроме того, когда возникала надобность, монгольские князья и их приближенные не стеснялись распоряжаться и имуществом своих подданных, и ими самими. Это отметил Плано Карпини: «И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколь-

² Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 114.

ко ни захотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно»¹.

Опять же явление, весьма обычное для любого раннефеодального общества. Поборы нормированные, имеющие санкцию закона или кутюма, на практике не сочетаются с полным произволом, ограничиваемым обычно лишь силой народного сопротивления.

Источники не дают конкретного описания различных повинностей и лишь скупо о них упоминают. Но и этого достаточно, чтобы установить, что в кочевом обществе существовали одновременно и отработочная, и натуральная рента. Такой вывод подтверждается и более поздними сведениями, относящимися и к Монголии, и к другим регионам, где феодализм развивался в рамках кочевничества.

Особо стоит форма эксплуатации, не отмеченная у монголов, но широко распространенная у других кочевых народов, а именно отдача скота на выпас, суть которой заключалась в том, что богатые хозяйства перекладывали заботу о содержании скота на плечи бедноты, вознаграждая ее пользованием продукцией, а иногда и частью приплода. Завуалированная родовой взаимопомощью, такая отдача по существу была чистой эксплуатацией, так как затраты труда были несоизмеримы с их компенсацией. Неслучайно это явление не наблюдалось в монгольской жизни той поры, о которой идет речь, ибо монгольские феодалы располагали неограниченной возможностью привлекать любое количество своих подданных для выпаса своих стад и потому не нуждались в каких-либо дополнительных мерах для их содержания. К этому прибегали не столько феодалы, сколько богатые скотоводы. Поэтому странно, что многие исследователи усматривают в отдаче на выпас чисто феодальную форму эксплуатации. В качестве примера можно сослаться на Л. П. Потапова, который пишет по поводу подобного обычая алтайцев: «Это, несомненно, отработочная рента, своеобразная барщина, замаскированная патриархально-родовыми формами помощи», усматривая здесь полную аналогию с наделением помещиками крестьян земель². Но тут не сообщается, что алтайцы были обязаны по несколько месяцев обслуживать зайсана и пасти его скот³. К отдаче же скота на выпас прибегали не феодальные элементы общества, а баи — богатые животноводы. Следовательно, получается, что зажиточный общинник, не располагавший в своем хозяйстве достаточны-

¹ Путешествия... С. 46.

² Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. С. 299.

³ Там же. С. 307.

ми трудовыми ресурсами и восполняющий этот недостаток эксплуатацией в этой старинной форме, был никем иным, как феодалом, ибо именно последний является получателем феодальной ренты, независимо от ее формы. К тому же отдача скота на выпас встречается и у народов, явно не подошедших еще к становлению феодализма. Равным образом нельзя считать феодальной повинностью и «албан», дань, взимаемую кочевниками с покоренных народов, сохранявших известную самостоятельность.

Распространение отдачи скота на выпас не свидетельствует ни о чем другом, кроме использования некоторых форм эксплуатации, возникших еще в дофеодальный период, а, может быть, и раньше. Ничего удивительного в этом нет: феодализм не вытеснил, как, впрочем, и любая новая формация, все более ранние институты. И у кочевых, и у оседлых народов сохраняются пережитки первобытно-общинных, патриархальных отношений и прежних форм эксплуатации, включая рабовладение. Но ведущий, определяющей становится эксплуатация феодальная.

В соответствие с новой эпохой приводятся и надстроечные явления, которых мы здесь коснемся очень кратко.

Со сложением империи возникает и определенная государственная организация, на первых порах не очень сложная, так как все функции управления возлагались в основном на тех, кто получал уделы по воле хана. Но земли, не раздаваемые во владение и остававшиеся под ведением самого хана, в том числе захваченные области с оседлым населением, требовали специального аппарата для отправления дел и регулярного сбора повинностей. Функции даругачинов⁴, ведавших такими областями, по-видимому, близки к таковым франкских графов, хотя судьба этих должностей оказалась иной: по мере распада империи управление повсеместно сосредотачивается в руках царевичей, простирающих свою власть на бывшие императорские владения (разумеется, вне его коронного юрта).

Центральный государственный аппарат, в отличие от военного, представлявшего собой вполне слаженный организм, только-только начал формироваться. Строгой системы должностей еще не существовало. Отдельные поручения давались приближенным хана. Состояли при его особе и советники, наиболее влиятельным из которых был долгое время, как известно, Елюй-Чуцай. Система государственного управления в раннефеодальную эпоху нигде не приобретает законченных форм. И кочевой мир, конечно, не был исключением.

⁴ См.: Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 100.

Обычно к этой поре относятся первые опыты кодификации нового порядка, закрепляющие феодальные институты, но в то же время свидетельствующие о живучести патриархально-родовых отношений. Такая общая оценка приложима ко всем юридическим памятникам дофеодального и раннефеодального периодов, от «варварских правд» до значительно более позднего времени. Для Монголии таким нормативным документом была «Яса» Чингиса, к сожалению, дошедшая до нас лишь в небольшой части и притом в пересказе, что делает любое ее использование крайне ненадежным, потому что в подобных памятниках отдельные нюансы и косвенные указания оказываются нередко не менее полезны для исследователя, чем точно сформулированные положения. Но для полного анализа нужен достоверный текст, а он пока не найден.

Судить о содержании ясы можно, в ней нашли отражение принципы организации войска, согласно которым все способные носить оружие, как коренные монголы, так и жители завоеванных стран, должны были выступать в поход в составе тех тысяч или сотен, к которым они были причислены. Обратим внимание на одну особенность этой системы: причисление к военным подразделениям по десятичной системе означало и установление феодальной зависимости, причем от повинностей не освобождало и несение военной службы.

Яса закрепляла безусловное повиновение простых людей нойонам, устанавливая жесточайшие кары за любое нарушение дисциплины и невыполнение распоряжений хана и владельцев меньшего ранга. Сама жестокость этих наказаний косвенно указывает на потребность в крайне суровых мерах, чтобы превратить недавно еще сохранявшего какую-то долю личной свободы общинника в безгласного крепостного. В ней, как обычно в средневековых сводах законов, приведены нормы, регулирующие имущественные отношения, в том числе возникающие из кражи скота; касается она и многих других сюжетов, определяя порядок торговли, охоты и т. д. Она отражает переломное состояние общества. Если бы имелся точный текст, можно было бы задаться существенным вопросом: что зафиксировано в ясе из прежнего обычного права и что является нововведением? Во всех аналогичного типа сводах отразилась не только реальная жизнь, но и устремления тех классов, из которых вышли авторы этих юридических документов. Поэтому прав С. Д. Дылыков, когда он пишет по поводу ясы: «Многие старинные обычаи, сложившиеся в условиях родового строя, не отвечали интересам эксплуататорских классов. Поэтому монгольские феодалы закрепляли в своих законах лишь те из них, которые соответствовали их ин-

тересам, и создавали новые нормы, выгодные и удобные им. Эти новые нормы, соблюдение которых обеспечивалось государством, становились уже нормами феодального права»¹.

Такая оценка ясы как памятника феодального права, даваемая советскими историками, соответствует высказыванию К. Маркса: «В Ясе есть упоминание о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз. (Этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни)»². В этом высказывании основоположника научного коммунизма для нас важны два момента. Во-первых, Маркс считает, что в ясе отражены феодальные права, а не какие-нибудь иные. Это стоило бы принять во внимание тем, кто с помощью общих цитат из работ Маркса же пытается доказать, что монгольское общество времен Чингиса не было феодальным. Во-вторых, Маркс говорит, что данный вид прав возникает у всех полуцивилизованных народов в определенных условиях, не усматривая тут специфики кочевого общества.

Резюмируя, следует отметить, что право, включая в себя многое из старых норм обычного права, приобретает уже феодальный характер.

Чтобы покончить с надстроечными явлениями, коснемся вопроса об идеологической жизни общества, а именно религии. Опыт истории учит, что установление феодального строя обычно сопровождается принятием одной из высших религий, способных лучше обслуживать интересы господствующих классов, чем старое жречество. В Монголии же распространение буддизма относится к более позднему времени; попытки его насаждения в период империи не имели сколько-нибудь серьезных последствий. По-видимому, тогда шаманство еще удовлетворяло монгольских правителей, тем более, что оно являлось уже довольно высоко развитой религиозной системой, далеко ушедшей от примитивного волхования. Это и позволило шаманству много позднее долго соперничать с ламаизмом и даже обрести, что уж совсем необычно для шаманства, канонической литературы³.

Явление это редкое, но опять же возможное не только в кочевом обществе. Аналогию можно найти хотя бы в прибалтийских славянских

¹ Дылыков С.Д. О памятниках монгольского феодального права // Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. М., 1965. С. 7.

² Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. V. С. 220.

³ Об этом см.: Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 188–190.

государствах, до самого своего падения в ходе немецкого «дранг нах остен» остававшихся верными своим языческим божествам и связанным с ними культам.

Рассмотрев процесс генезиса феодализма у кочевников на ранней его стадии, мы смогли наблюдать целый ряд конкретных особенностей складывающихся феодальных институтов, но ничто не позволяет говорить, что специфика носит столь существенный характер, чтобы позволительно было проводить резкую грань между кочевым и оседлым обществом, рассматривать первое как нечто принципиально отличное от второго. При этом пример Монголии особенно показателен, потому что в условиях относительной обособленности монгольских племен синтез не сыграл сколько-нибудь заметной роли в сложении раннефеодального общества до начала завоеваний.

О нем можно говорить лишь после захвата чужих земель, когда монгольские завоеватели, подобно многим своим предшественникам, поддаются под воздействие более высокой культуры и более развитого социального строя покоренных народов.

Наш обзор позволяет прийти к заключению, что капитальный труд Б. Я. Владимирцова, служащий главной опорой при знакомстве с монгольским обществом, несмотря на то, что издан он был 40 лет тому назад, полностью сохраняет свое научное значение. Более того, он стоит в основном и главном на уровне современной медиевистики, если исключить неудачную во многих случаях терминологию, а также, как отмечалось выше, некоторую недооценку значения классовой борьбы в становлении феодального общества. Конечно, нельзя согласиться с тем, что генезис феодализма излагается в главе под названием «Общественный строй монголов в древности», тогда как и по хронологии, и по уровню общественного развития все это относится к Средневековью. Но точный и глубокий анализ немногих существующих источников, данный Б. Я. Владимирцовым, показывает, что герои его исследования прошли через дофеодальный период и со сложением государства открыли новую страницу своей истории, относящуюся уже к феодальной эпохе.

Ни в одной стране этот процесс не завершился так быстро, на протяжении жизни одного человека. Нечто подобное, может быть, было и у арабов в период образования халифата, но там, во-первых, в исходный момент уровень развития был выше, а во-вторых, становление феодального строя происходило в ходе завоеваний, когда коренные арабские институты быстро трансформировались под влиянием завоеванных ими более культурных народов. Что же касается других центрально-ази-

атских кочевников, то у них феодальные отношения складывались значительно медленнее и еще несколько столетий потом переплетались со значительными пережитками патриархальной старины.

Переход к феодализму от первобытности носил прогрессивный характер, но в Монголии он происходил в условиях кровавых завоевательных походов, что не позволяет дать этому периоду однозначную оценку. В советской и монгольской науке утвердился тезис, сформулированный И. М. Майским, согласно которому деятельность Чингиса по объединению монгольских племен носила исторически прогрессивный характер, а его завоевательные походы, разорившие богатые страны и принесящие бедствия их народам, — сугубо реакционный¹.

Эти положения развивает С. Л. Тихвинский во вступительной статье к сборнику «Татаро-монголы в Азии и Европе»: «Сложение монгольского феодального государства в начале XIII в. способствовало росту производительных сил и укреплению внутреннего единства монгольского народа и могло бы привести в конечном итоге к значительному экономическому и культурному подъему страны. Однако завоевательная политика монгольских феодалов, превративших народ в воинов, а страну в военный лагерь, помешала этому»².

В основе все это глубоко верно. И все-таки хотелось бы уточнить трактовку вопроса, ибо, как подчеркивает С. Л. Тихвинский, складывалось не государство вообще, а государство феодальное, точнее раннефеодальное. А весь опыт истории учит, что единство такого государства оказывается непродолжительным. Как только новый строй одерживает полную победу, феодальное государство вступает в следующий период своего развития, характеризующийся феодальной раздробленностью, и лишь с развитием производительных сил начинается второй тур борьбы за объединение — создание централизованного государства. Таким же путем шла и Монголия. В момент сложения государства ожидать значительного экономического и культурного подъема можно было разве что «в конечном итоге», т. е. в весьма отдаленной перспективе.

Во-вторых, завоевательная политика монгольских феодалов, о которой здесь идет речь, не была только результатом злой их воли. Выше мы обратили внимание на то, что война была средством укрепления новых отношений и способом преодоления внутренних социальных противо-

¹ Майский И. М. Чингисхан // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 74–83.

² Тихвинский С. Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы... С. 3.

речий. Поэтому, на наш взгляд, формулировка должна быть более гибкой и диалектической: сложение государства способствовало единству монголов, в чем заключается его положительное значение, и в то же время вызывало войны, глубоко реакционные по характеру и последствиям. Бедствием такие войны становятся тогда, когда ошеломленные собственными успехами феодалы стремятся к имперской политике, к завоеванию мира, когда объективная тенденция неизмеримо усиливается субъективными факторами. Поэтому представляется более точной формулировка, данная в решениях III пленума ЦК МНРП 1962 г., на которую ссылается С. Л. Тихвинский: «Известно, что Чингисхан в начальный период создания единого монгольского государства сыграл положительную роль, выступая за объединение монгольских племен. Однако вся его дальнейшая деятельность была сугубо реакционной и направлена на захват чужих стран, массовое истребление народов поработенных стран, разрушение созданных ими материальных и культурных ценностей. Грабительские войны Чингисхана повели к упадку производительных сил самой Монголии, принесли монгольскому народу неимоверные страдания».

Такая оценка деятельности Чингиса вполне справедлива. Раннефеодальные войны всегда носят несправедливый грабительский характер, но захват чужих территорий обычно кратковременен. Это скорее походы, чем завоевания. И потому разрушения довольно скоро восстанавливаются. Но вторжения армий Чингисхана сопровождались уничтожением городов, массовым истреблением населения. Они задержали развитие многих народов, в том числе и самих монголов.

К вопросу об оценке Чингиса и его роли в мировой истории приходится возвращаться потому, что в КНР наблюдается идеализация монгольского владыки, сводящаяся к оправданию его деятельности и даже к призывам считать его образцом, достойным подражания. Насколько можно судить по опубликованным обзорам, если отбросить откровенно конъюнктурное любование захватами чужих народов, «теоретической», с позволения сказать, базой такой идеализации являются два положения. Во-первых, сломав границы и создав гигантское государство, Чингис уничтожил барьеры, препятствующие культурному и торговому обмену, и тем самым обеспечил экономическое единство огромного региона. Во-вторых, подчинив весь Китай, монголы во времена Хубилая объединили и эту страну.

Оба этих тезиса не выдерживают критики. В свое время арабы, действительно, обеспечили экономическое единство Ближнего Востока. Но там прочные связи идут еще с глубокой древности, и широкий об-

мен повлек за собой не только укрепление феодализма, но и культурный подъем от Кордовского эмирата до восточных рубежей Средней Азии. Говорить же о тяготении к единству экономической жизни, к постоянным торговым связям народов, живущих от берегов Желтого моря до Восточной Европы, не приходится. И монголы не внесли тут ничего нового. Они не только не расширили торговые и культурные связи, но, наоборот, нарушили те, которые уже существовали, ввергнув покоренные ими народы в состояние глубокой изоляции. Ни о каком подъеме не могло быть и речи. Русь претерпела страшное опустошение, города Средней Азии лежали в развалинах. Утверждать обратное — значит издеваться над общеизвестными и твердо установленными фактами.

Что же касается объединения Китая, то под чужеземной властью, утвердившейся насилием и грабившей китайского земледельца, оно не принесло ничего хорошего. В конечном итоге она была сброшена. Если юаньские правители так милы сердцу маоистов, то им следовало бы, сказав «а», говорить и «б», т. е. осудить борьбу собственного народа против монгольского ига.

Короче говоря, идеализация захватнических войн Монгольской империи и ее основателя является очевидной фальсификацией истории и не отражает ничего, кроме гегемонистских устремлений нынешнего китайского руководства.

Глава V

БЫЛ ЛИ КОЧЕВОЙ ФЕОДАЛИЗМ?

Рассмотрение генезиса феодализма у монголов подвело нас к выводу, что с образованием империи у них сложилось раннефеодальное общество. Благодаря своему единству оно сумело одержать победы и захватить такие обширные пространства, какими не удавалось овладеть ни одному из прежних завоевателей. Но, достигнув кульминационных успехов, империя не надолго сохраняет свою целостность. Причин постигшего ее крушения было две. Во-первых, в далеких странах феодальная монгольская верхушка сравнительно быстро сближалась с местными феодалами и подпадала под влияние более высокой культуры, вплоть до принятия господствовавшей там религии (что случилось, например, с хулагуидским ханом Газаном). Она сохраняла существовавшие прежде феодальные повинности, прибавив к ним новые, использовала прежний административный аппарат и поддерживала свою власть при помощи войска, составленного из кочевых племен и феодального ополчения. Особенно быстро такая метаморфоза произошла с монгольской властью в Иране и Азербайджане, областях, по уровню своего развития стоявших гораздо выше завоевателей. «Государство ильханов, — пишет И. П. Петрушевский, — представляло уродливое и внутренне противоречивое сочетание монгольской феодализованной степной государственности с иранскими традициями развитого феодального общества, чингисхановой „Великой ясы“ с мусульманским правом... централистской политики ильханов и феодальной раздробленности»¹. Интересы новой родины становились ближе ее правителям, чем далекой прежней. Так же было и во времена арабских завоеваний.

Во-вторых, в раннем феодализме период единства государства непродолжителен. А затем по мере укрепления крупных феодалов центральная власть ослабевает, и наступает период феодальной раздробленности. Так было везде — и в государстве Меровингов, и на Руси, и на развали-

¹ Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256–1353) // Татаро-монголы... С. 230.

нах монгольской империи. Это — общеисторическая закономерность. Но в империях, созданных в результате завоевания, она имеет ту особенность, что проходит через два этапа: первый — крушение империи и ее раздробление на отдельные государства; второй — раздробление коренного государства. На Западе так обстояло дело с империей Карла Великого, раздел которой положил начало современным Франции, Италии и Германии. А затем очень скоро королевская власть пришла в самое жалкое состояние, и расцвела пышным цветом феодальная анархия.

Монголия при ближайших преемниках Чингиса претерпела аналогичную судьбу. Власть императора приобретала все более лишь номинальный характер, постепенно завоеванные страны отделялись, и уже к XIV в. Юаньская династия распоряжалась только Китаем и собственно Монголией. А во второй половине того же столетия монголы были изгнаны и из Китая.

Разумеется, в распаде империи сыграли свою роль не только внутренние закономерности развития феодального общества, но и освободительные движения, которые в конечном счете уничтожили чужеземную власть. Однако самое отделение этих стран, которое объективно ослабляло господство захватчиков, было закономерным проявлением процесса феодальной децентрализации.

Второй этап феодальной раздробленности наступает для монголов тогда, когда после изгнания Тогон-Тэмюра в стране утвердилась власть самых крупных, а иногда и не очень крупных феодалов, действовавших вполне самостоятельно. Именно такое состояние типично для феодализма кочевников, каким мы его знаем в последующие столетия. Но путь к нему был различен, ибо только у монголов существовало прочное, хотя и кратковременное государство. У прочих же народов Центральной Азии и прилегающих районов процесс сложения феодальных отношений протекал, как сказано выше, иначе — в рамках чужой государственности, и степень централизации или раздробленности определялась состоянием тех народов, в зависимости от которых находились эти кочевые этносы.

Вне зависимости от того, каким был путь к феодальной раздробленности, принципиально уровень развития кочевников не имел никаких различий, но развитие феодальных отношений у монголов шло все же несколько быстрее. Объяснение этому лежит в обстоятельстве, на которое уже обращалось внимание в первой главе: в Монголии переход к феодализму совершался бурно, поэтому основы патриархального бытия были подорваны более основательно, чем у народов, не переживавших такого катаклизма, каким явилось становление и крушение империи.

Многие исследователи предпочитают, характеризуя состояние кочевых народов, термин «патриархально-феодальные отношения», подчеркивая тем самым сочетание феодальной эксплуатации с живыми еще пережитками родоплеменных отношений. Против этого термина, как не вполне точного, высказывались возражения¹, но едва ли стоит тратить силы на полемику по этому поводу, если рассматривать «патриархально-феодальные отношения» как понятие, равнозначное раннему феодализму и, может быть, лишь несколько оттеняющее сохранение патриархальности у некоторых народов, особенно кочевых. При этом, конечно, полагать, что за рассматриваемым термином кроется представление о какой-то особой социальной форме, было бы неправильно. Конкретное изучение социальной структуры «патриархально-феодального» общества показывает, что оно характеризуется теми же чертами, что и раннефеодальное.

Но сам период раннего феодализма достаточно продолжителен: за это время заканчивается становление феодальных отношений, за этим следует период феодальной раздробленности, и по мере экономического прогресса создаются предпосылки для перехода в стадию развитого феодализма с соответствующим ему новым «собираемостью земель», завершающимся сложением централизованного государства, но уже на новой, более высокой основе.

Поэтому, утверждая, что все кочевые народы, вступившие на путь феодального развития, стояли на стадии раннего феодализма, мы вовсе не считаем, что уровень их развития был абсолютно одинаков. Так же, как и при европейском феодализме или капитализме, одни народы ушли вперед, другие несколько отставали, но при этом можно выделить общие черты, в большей или меньшей мере присущие им всем.

В экономической жизни это прежде всего глубокая натуральность хозяйства. Низшие классы удовлетворяли почти все свои несложные потребности за счет собственного производства. Скот давал и одежду, и жилище, и пищу. Забота о скоте пронизывала всю жизнь кочевника, и, чтобы сохранить стадо, он воздерживался от потребления мяса в те сезоны, когда можно было прокормиться молоком. Об этом говорят и Рубрук для XVIII в.², и советские исследователи Казахстана XIX в.³

Натуральность хозяйства сохранялась и в том случае, если скотоводство начинало сочетаться с примитивным земледелием, что наблюдалось у многих кочевых народов.

¹ Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 288–289, 313.

² Путешествия... С. 95–96.

³ См.: Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 162–163.

Основная причина сохранения натуральности хозяйства заключалась в чрезвычайно низком уровне производительных сил, в зависимости кочевника от сил природы. Засухи и гололед, эпизоотии могли превратить достаточно богатого хозяина в бедняка. Но стихийные бедствия обрушивались порой и на земледельца, вызывая в неурожайные годы страшный голод, что наблюдалось в средние века и в Европе, и тем более в Азии. И у земледельческих народов натуральность хозяйства определялась в первую очередь примитивностью производства. Но эта причина не была единственной.

Хозяйственные возможности кочевника, как и земледельца, во многих случаях были скованы малоземельем — следствие феодальной собственности на землю, значительная часть которой изымалась владельцем из пользования аратов для выпаса собственных стад. Л. П. Потапов так характеризует положение тувинцев-скотоводов: «Рядовой кочевник-скотовод не обладал собственностью на кочевья и пастбища, несмотря на то, что имел свое хозяйство, скот, юрту, орудия труда и продукцию своего хозяйства, часть которой он вынужден был отдавать феодалу. Рядовой кочевник только пользовался указанными ему землями, на которых он кочевал, пас свой скот, сеял хлеб или охотился... Рост поголовья стада в таком хозяйстве даже при общинном землепользовании упирался в господство феодальной земельной собственности, ограничивающей размеры пастбищ, предоставляемых в общинное пользование. Недостаток пастбищ был весьма серьезной причиной, сдерживающей рост стад и продукции скотоводческого хозяйства у массы рядовых кочевников...»⁴.

Отсюда следует важный вывод: бедственное положение рядовых кочевников определялось не только изъятием значительной части их продукции в форме натуральных поборов и отвлечением рабочей силы для обслуживания стад феодалов, но также и монопольным правом распоряжения землей. Используя его, феодал занимал лучшие пастбища под выпас собственного скота и отводил своим подданным выпасы, недостаточные для расширенного воспроизводства их стада.

Но еще большее значение имело обстоятельство, на которое обычно не обращают достаточного внимания, а именно условия географической среды, в которой протекала жизнь кочевника. Степные и полупустынные просторы, по которым передвигался номад со своими стадами, отличались однообразием. Природные условия на всем их протяже-

⁴ Потапов Л. П. О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев (XVIII — начало XX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 123–124.

нии были более или менее одинаковы. А это препятствовало географическому разделению труда и, следовательно, развитию внутреннего обмена. В этом отношении кочевники, как общее правило, находились в худшем положении, чем оседлые народы с дифференцированным по климатическим зонам набором культур, со специализированным ремесленным производством. У номадов же последнее, ориентированное почти исключительно на удовлетворение домашних потребностей, отличалось большим единообразием.

Обмен возникает в зоне контактов с оседлым населением и носит по отношению к кочевому обществу внешний характер. При этом набор товаров, которые может предложить маломощное скотоводческое хозяйство, весьма ограничен. Приведя сообщение Марко Поло о том, что монголы, стоявшие войсками в Китае, продавали молоко для приобретения нужных им товаров, Б. Я. Владимирцов сопровождает его своим комментарием: «Молоко продавали, конечно, простые монголы, и это свидетельствует о том, что их положение не было особенно блестящим»¹. Хотя положение монгольских воинов в Китае было столь бедственным, что власти не раз оказывались вынужденными предоставлять им продовольственную помощь², сообщение Марко Поло свидетельствует и о другом: об ограниченности возможностей отчуждения в качестве товара продукции традиционного скотоводческого хозяйства.

Разумеется, хозяйства феодалов и зажиточных общинников могли предложить более широкий набор товаров, в первую очередь скот и лошадей, а также продукцию пушной охоты, поступавшую к ним иногда путем обмена, а иногда и в качестве дани с подчиненных ими мелких охотничьих племен. Но стабильная основа для торгового существования не везде. После падения Юаньской династии степная аристократия сохраняет многие из потребностей, приобретенных за время господства над Китаем, когда образ ее жизни далеко отошел от прежней степной простоты. Они удовлетворялись за счет эксплуатируемых жителей Поднебесной. Но с изгнанием из Китая этот источник был закрыт, и то, что прежде добывалось силой или налоговым обложением, теперь приходилось покупать. Однако сбалансировать торговлю было невозможно. Потребности степняков оказались гораздо большими, чем они могли получить в обмен. К тому же Минское правительство, используя торговые отношения как средство политического давления, постоян-

¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 126–127.

² См.: Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы... С. 382–418.

но ставило им препятствия, и то, что монголы не могли получить путем торгоа, они пытались добыть посредством грабежа, используя для этого, наряду с прямыми набегами, посылку посольств в Пекин. Вопрос о пограничной торговле был центральным в дипломатических сношениях Монголии с минским Китаем³. Для других кочевых народов, учитывая разницу в масштабах торговли, вопрос решался проще, и обычно устанавливались прочные торговые связи с оседлыми жителями приграничных областей. Но этот обмен не нарушал натуральности хозяйства, так как, во-первых, отчуждалась в качестве товара лишь незначительная часть продукции, а во-вторых, в экономической жизни кочевников едва ли удастся обнаружить хоть сколько-нибудь заметное развитие отраслей производства, специально рассчитанных на цели экспорта.

Натуральность хозяйства определялась и отсутствием разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством. Все промыслы носили сугубо домашний характер и почти не имели товарного значения. Только много позднее рассматриваемого времени под воздействием иностранного капитала начинается обособление ремесла как особой отрасли хозяйства. Как отмечает Ш. Сандаг, «ремесло, существовавшее внутри скотоводческого хозяйства, с конца XIX в. стало обнаруживать тенденцию самостоятельного развития»⁴.

Правда, в истории Монголии был период, когда ремесло и градостроительное искусство достигли сравнительно высокого уровня. Плано Карпини и Рубрук, посетившие ставку монгольского хана в XIII столетии, нашли там много ремесленников и искусных мастеров из разных стран Востока и Запада. Но они ничего не сообщают о собственно монгольских ремесленниках. Судя по всему, их просто не было. Захват богатых и культурных стран, приобретение огромного количества рабов, среди которых особенно ценились ремесленники, дало возможность ханскому двору и крупным феодалам удовлетворять свою тягу к роскошной жизни эксплуатацией подневольного труда и освобождало их от необходимости стимулировать соотечественников, чтобы они овладевали новыми специальностями.

С перенесением центра империи в Китай Монголия оказалась на положении захолустной окраины, и наблюдавшийся в ней прежде подъем сменяется глубоким упадком. А после изгнания Тогон-Темур из Китая

³ Обзор их дан в книге: Покотилов Д. История Восточных Монголов в период династии Мин 1368–1634, по китайским источникам. СПб., 1893.

⁴ Сандаг Ш. Политическое и экономическое положение Внешней Монголии в конце XIX — начале XX в. // Монгольский сборник. М., 1959. С. 26.

приток квалифицированной рабочей силы прекращается, и страна возвращается в свое первоначальное состояние, едва ли не худшее по сравнению с доимперским временем.

Все, что было создано чужим трудом, постепенно приходило в упадок и утрачивалось. «Однако, — пишет Б. Ширендыб, — длительные войны, которые вел Чингисхан и его преемники, подорвали экономику Монголии, а борьба народов завоеванных стран ускорила распад Монгольской империи на враждовавшие между собою части. Монгольское феодальное государство длительное время не могло оправиться от тяжелых последствий завоевательной политики»¹.

На наш взгляд, упадок, вызванный уводом большого количества воинов, т. е. представителей наиболее производительной части населения, в чужие страны, где они постепенно растворились в гуще туземного населения, подрыв хозяйства огромными расходами на содержание императорского двора в Хан-Балыке не исчерпывают всех причин последующего отставания Монголии. Наряду с ними были и другие, внутреннего порядка, и, может быть, более глубокие.

На той стадии социального развития, на которой стояла Монголия периода империи, т. е. в раннем феодализме, еще не созрели предпосылки для отделения ремесла от земледелия, в данном конкретном случае — от кочевого скотоводства. Опыт истории показывает, что общественное разделение труда — отделение ремесла от сельского хозяйства происходит при более высоком развитии производительных сил, когда окрепшему ремеслу становится тесно в деревенских рамках, когда натуральность хозяйства начинает подрываться развивающимися товарно-денежными отношениями. Такое отделение влечет за собой возникновение города как центра ремесла и торговли и знаменует вступление феодального общества на более высокую стадию своего развития — в период развитого феодализма. Раннему же монгольскому феодализму до этого было еще очень далеко, так же, как, к слову сказать, и феодальным отношениям у кочевых народов несколько веков спустя.

Поэтому привлечение огромного числа ремесленников, строительство городов — все это не могло хоть сколько-нибудь глубоко затронуть экономическую структуру самого монгольского общества. Степняки дивились на роскошь, в которой утопали их повелители, на различные диковинки вроде пресловутого серебряного дерева, источающего опьяняющие напитки², но это не затрагивало их быта, никак не отражалось

¹ Ширендыб Б. Избранные произведения. М., 1973. С. 32.

² Путешествия... С. 158–159.

на ведении их хозяйства, разве что только вело к возрастанию взимаемых с них поборов. Ханская прихоть оставалась прихотью, и только.

Но все это имело далекоидущие последствия. За более чем столетнее существование империи, хотя все более сокращавшейся в своих размерах, господствующие классы, подвергшись влиянию аристократии завоеванных стран, восприняли ее образ жизни и свойственную ей тягу к роскоши. С полным крушением империи они оказались у разбитого корыта. Благоприобретенные привычки оставались, а способа их удовлетворения уже не было. И в результате нарушился баланс, типичный для раннего феодализма. Имея в виду первые столетия Средневековья, Ф. Энгельс указывает, что «производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала»³.

Теперь же, вкусив сладкой, по их понятиям, жизни, феодалы не хотели удовлетворяться тем, чем могло их снабдить немудреное производство их подданных. Отсюда их упорная борьба за открытие китайского рынка. А когда это удавалось, они усиливали гнет для выжимания товарной продукции в большем количестве, чем это могло выдержать хозяйство зависимых от них кочевников.

Нечто подобное имело место и в истории Европы. Близкое знакомство с Востоком во время крестовых походов и предшествующих ему контактов породило у феодалов новые потребности. Насмотревшись на царившую там роскошь, рыцарь, воротившись домой, «не прочь был теперь сменить грубое домотканое платье на мягкие и красивые восточные одежды; пополнить свой простой стол более изысканными блюдами, приправленными пряностями; самому пить и при случае дать своим гостям отведать ароматное восточное вино...»⁴. Но этот процесс разворачивался на совсем ином историческом фоне. В Европе уже наблюдалось отделение ремесла от земледелия, возникали нового типа города; короче говоря, условия созрели для того, чтобы усиливающийся контакт с Востоком и подъем торговли способствовали дальнейшему прогрессу производительных сил. А для монголов это случилось слишком рано.

В одном можно, правда, обнаружить и аналогию: «Потребности феодалов расширились, а это не могло остаться без последствий и для тех,

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1957. С. 256.

⁴ Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956. С. 472.

за чей счет феодалы вели беззаботную жизнь, т. е. зависимых крестьян»¹. Но и это проявилось по-разному: в Европе ускорило отмирание крепостничества и перевод повинностей в денежную форму, что было шагом вперед; в Монголии же вызвало лишь увеличение повинностей, подрывавшее благосостояние аратов и способствовавшее общему застою.

Конечно, сказанное не означает полного отрицания развития ремесла у кочевников вообще и у монголов в частности. Археология познакомила нас с прекрасными произведениями искусства, созданными руками безвестных мастеров. Традиции ремесленного производства, орнамента, художественного творчества развивались и совершенствовались на протяжении жизни многих поколений, как это наблюдалось у всех средневековых народов. Не прекратилось полностью и градостроительство. Монгольскими археологами обнаружены остатки многих городов, и полученные во время их раскопок данные «свидетельствуют о высоком уровне градостроительства того времени в Монголии и о несостоятельности „теории“ некоторых исследователей, что будто бы Монголия с давних времен являлась классической страной кочевников, а потому, по их мнению, не могло развиваться зодчество и градостроительство среди кочевых народов Монголии»².

Речь идет о том, что процесс развития после падения империи вернулся к исходной точке, а кратковременный «бум» не имел серьезных последствий. Что же касается городов, то их можно рассматривать как разновидность средневековых бургов, являвшихся укрепленным пунктом, может быть, административным центром и по своему экономическому облику лишь далеким прообразом развитых городов позднего средневековья. Наличие в них специализированного ремесла нельзя отрицать не только для монгольских, но и для гуннских городищ, но масштабы его были слишком скромными, чтобы можно было говорить о начале отделения ремесла от сельского хозяйства. Городская жизнь, по-видимому, никогда не прерывалась полностью, так как и в русских документах XVII в. упоминаются «каменные города» в северной части Монголии. У более мелких кочевых народов Центральной Азии и прилегающих районов, вступивших на феодальный путь развития, — тувинцев, алтайцев и других, а также у казахов их не было, хотя на их территории и встречаются развалины оседлых поселений, относящиеся к более позднему времени.

¹ Заборов М. А. Указ. соч.

² Сэр-Оджав Н. Археологическая наука в МНР. Олон улсын монгол эрдэмтний II их хурал. II боть. Улаан-Баатар, 1973. С. 142.

После распада империи Монголия вступает в период феодальной раздробленности, который растянулся на несколько столетий, в течение которых, как будет показано ниже, кочевое общество хотя и медленно, но прогрессировало. И все же нельзя согласиться с оценкой Б. Я. Владимирцова, назвавшего это время расцветом феодализма, ибо феодальная формация до самой революции 1921 г. не раскрыла всех своих возможностей. В то же время следует подчеркнуть, что вполне современно звучат слова Б. Я. Владимирцова: «Монгольская империя распалась и должна была распасться на отдельные независимые части, главным образом, потому, что основана была не только на родовом, но и на феодальном принципе»³. В этом суть дела — феодализм вступил в следующую фазу своего развития.

К сожалению, проследить сколько-нибудь полно эволюцию феодальных институтов не представляется возможным, потому что «темный период» монгольской истории слишком скудно освещен источниками. Поэтому речь пойдет в основном о состоянии монгольского общества к концу самостоятельного существования страны, т. е. о XVI–XVII вв. Для нашей задачи этого достаточно, ибо позволяет осветить проблему генезиса феодализма, что не равнозначно исследованию всей его истории.

За это время произошли значительные изменения. Старая военно-феодальная система пришла в полный упадок, так как монголы не вели более крупных войн, поэтому старинные тумены превратились в обычные феодальные уделы, а в конечном счете термин «минган» был забыт. Взамен возникло новое деление на оттоки и аймаки, носившее уже чисто территориальный характер. Как указывает Б. Я. Владимирцов, семьи, входившие в низшую единицу, аймак, связывали родственные отношения⁴, что свидетельствует о сохранении некоторых черт древней родовой структуры. Но главное заключалось в другом: аймак обязательно располагал общим кочевьем, что и являлось определяющим.

Каждый феодал носил соответствующее значению его удела звание, причем терминология была заимствована у китайцев. Отличие от западной системы титулования заключалось тут в том, что титулы присваивались всей знати, без всякого исключения. Постепенно сложилась строгая система вассалитета с подчинением менее значительных феодалов более крупным, не заключающая в себе ничего специфического. Владетелями крупнейших уделов были чингисиды. И в этом проявлялись тоже родовые пережитки, не наблюдавшиеся на Западе, где

³ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 124.

⁴ Там же. С. 137.

крупнейшие феодальные семейства вовсе не обязательно были связаны узами родства с правящими династиями. Впрочем, такие связи, как и повсеместно, нисколько не препятствовали ожесточенной борьбе за власть между потомками основателя империи.

Ханская власть становилась все более и более номинальной, что тоже обычно для раннего феодализма. Лишь при отдельных энергичных правителях наблюдалось усиление ее, причем лишь тогда, когда возникала угроза независимости страны или когда монголы сами предпринимали походы против восточного соседа. А в промежутках их хаганы удивительно напоминали меровингских «ленивых королей». И финал был одинаков: в 1543 г. после смерти Даян-хана страна распалась окончательно.

Усиление власти сеньоров в пределах их владений сопровождалось наступлением на зависевших от них аратов. Сложившиеся в более раннее время формы отработочной и натуральной ренты сохранялись, и кроме того, феодалы повели наступление на основу аратского хозяйства — личную собственность кочевника, на его скот. Б. Я. Владимирцов, может быть, слишком категоричен, полагая, что зависимые крестьяне постепенно превращались как бы в пастухов чужих стад, что произошло позднее, уже при маньчжурах, но князья присвоили себе право распоряжаться скотом своих подданных при известных условиях, в частности для уплаты своих долгов¹.

Но законодательство в этом отношении было противоречиво. То же уложение, в котором зафиксирована указанная выше норма, устанавливает наказание для нойона, включающего скот албату в свое стадо². Такое противоречие вполне понятно с точки зрения феодального права. Эксплуатируя крестьянина, феодал в то же время вынужден был заботиться о поддержании его хозяйства на таком уровне, который бы обеспечивал воспроизводство рабочей силы и возможность выполнения всех повинностей. Л. П. Потапов приводит любопытные данные об отдаче иногда алтайскими зайсанами скота рядовым кочевникам для поддержания их хозяйства и справедливо замечает по этому поводу, что это было аналогично наделению крестьян землей помещиком, заинтересованным в сохранении платежеспособности крепостного³. Разве что самый тупой из представителей господствующего класса не понимал, что нельзя резать курицу, несущую золотые яйца.

¹ См.: Халха джирум... С. 16.

² Там же. С. 19.

³ См.: Потапов Л. П. О феодальной собственности... С. 299.

Подобно своим европейским и азиатским оседлым собратьям, кочевые феодалы заполнили средневековые шумом битв. Б. Я. Владимирцов указывает на две линии феодальных усобиц. Первая — борьба сайдов, младших феодалов, против царевичей из чингисова дома, ослабленных, а частично и просто истребленных при изгнании из Китая и в прочих войнах. Борьба среднего дворянства против высших известна и в истории других народов. Если в Европе одержать победу над могущественными баронами удалось только при поддержке усилившейся королевской власти и городов, то в Индии раджпуты смогли добиться успехов на более ранней стадии. Так же случилось и в Монголии, где многие сайды освободились от зависимости от своих сюзеренов.

И все же нам представляется, что основной была вторая линия, поскольку она является всеобщей для феодальной эпохи. «Войны друг с другом, — пишет Б. Я. Владимирцов, — монгольских феодалов поддерживались еще необходимостью искать себе добычу ввиду незначительности обмена в пределах одного феодального владения. Вообще узкие, партикулярные интересы, характерные для феодализма, оказываются доминирующими»⁴. К этому нечего добавить и в свете науки сегодняшнего дня.

Страдающей стороной в этих бесконечных феодальных распрях было, как и везде, крестьянство. Подобно тому, как европейские бароны разоряли деревни своих противников, не располагая достаточными ресурсами для штурма их замков, так и монгольские нойоны захватывали прежде всего скот и людей, рассеянных по кочевьям. Примерами тому изобилует история любого кочевого общества.

Если в положении и действиях кочевых феодалов трудно усмотреть что-либо специфическое для этого класса, то с низшими слоями общества дело обстоит иначе. Тут имеются свои особенности, и притом весьма значительные. Они связаны с отличиями в форме собственности. Оседлый крестьянин являлся собственником орудий труда и тягловой силы. Но и то, и другое не имело большого значения, так как основным средством производства — землей владел феодал. А иногда, как, например, при распространенной в Иране и некоторых других восточных странах так называемой пятичленной системе, он снабжал производителя и инвентарем, и рабочим скотом, взимая за это установленную мзду. В любом случае собственность крестьянина распространялась на второстепенные средства труда.

⁴ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 150.

В кочевом обществе основным средством производства являлась тоже земля. Но кормился кочевник не от плодов земных, а от своего стада. Оно же оставалось в его личной собственности, хотя часть продукции — дойный и рабочий скот, продукты животноводства — поступала в порядке выполнения повинностей в ставку феодала. Тем не менее регламентация повинностей открывала возможности для накопления. И этим обуславливается отличная от оседлого общества структура основного производящего класса.

Для оседлых народов характерна в раннем феодализме ликвидация имущественного неравенства крестьянства, того имущественного неравенства, которое подорвало единство общины и стало исходной предпосылкой перехода к классовому обществу. В раннем феодализме идет процесс нивелирования имущественного положения крестьян на самом низком уровне и нивелирование их социального положения, получившее во французской истории название «экспансии серважа»¹. Начался этот процесс в ранний период средневековья, завершился несколько позднее, не затронув лишь те области, в которых были некоторые локальные особенности (интенсивное сельскохозяйственное производство, рыболовство, угроза внешних вторжений)².

У кочевников же процесс имущественного расслоения не прерывался, и это рождает очень сложную проблему социальной природы зажиточного крестьянства — байства, или «лучших людей», по терминологии старинных русских и монгольских документов. Некоторые исследователи ничтоже сумняшися безоговорочно считают баев феодалами.

Какая на этой почве возникает путаница, мы покажем на одном примере. В чрезвычайно содержательном и в целом глубоком исследовании, посвященном кочевникам-кипчакам, их общественный строй характеризуется следующим образом: «Как мы уже отмечали, общественный строй кипчаков в XI–XII вв. был патриархально-феодалным, с сильными пережитками родового строя. Кипчакское общество этого периода распадалось на свободных членов семьи — хозяев и зависимых от них рабов... Следует отметить, что не все свободные семьи находились на одинаковом общественно-экономическом уровне: одни из них были зажиточными, знатными, другие — бедными. Разорившиеся семьи могли легко попасть в зависимость от богатых семей или главы рода... Видимо, основной хозяйственной ячейкой у кипчаков была

¹ Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954. С. 133–138.

² Там же. С. 138–141.

семья, а ее глава (*baj*) являлся владельцем всего имущества. Под его властью находились не только члены семьи, но и рабы, члены семей разорившихся бедняков... Бедные семьи находились в зависимом положении от крупных феодалов, последние облагали большими поборами своих родичей»³.

Что же это за общество? В нем имеются крупные феодалы, которые держат в зависимости бедные семьи (а богатые?) и облагают поборами родичей. Наряду с ними богатые семьи эксплуатируют бедных, лично свободны и держат рабов. Все это весьма необычно с точки зрения теории феодализма. Трудно представить себе крупного (!) феодала, который распространял бы свою власть только на сородичей да на бедноту и с которым бы мирно уживались семьи более состоятельные, сохраняя свою свободу. Вероятнее всего, такое общество стоит только на переходной ступени к феодализму. И, несмотря ни на что, в этой хаотической картине есть зерно истины.

Сохранение лично свободных производителей в раннем феодализме, как показывает опыт многих стран, возможно. Были они и в Европе, и на Востоке, но уже в виде исключения, а не правила. Феодал постепенно подчинял себе всех. Однако в кочевом обществе сохраняется прослойка зажиточного крестьянства, имеющая возможность эксплуатировать более бедных общинников, используя частично дофеодалные, замаскированные под родовую взаимопомощь, а частично и чисто феодальные формы эксплуатации.

На явление, отмеченное К. Ш. Шаниязовым, обратил внимание и Б. Я. Владимирцов: «Аратская масса, простонародье в средневековой Монголии далеко не представляли собой однородной группы. В ней совершенно ясно различалось несколько пластов»⁴. К высшей группе принадлежали «лучшие люди», «имевшие в своем распоряжении значительное количество скота, домашних слуг, а иногда и рабов». Из этой группы рекрутировались чиновники, а иногда удачный брак обеспечивал им переход в разряд табунангов, т. е. княжеских зятьев. В их ряды влилась и часть низвергнутых феодалов. Эта социальная группа тождественна байству у других кочевых народов. Б. Я. Владимирцов называет их мелкими феодалами-сеньорами «из простых».

Точность такого определения вызывает некоторые сомнения. Но существо дела — наличие промежуточного социального слоя между фео-

³ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. С. 61–62.

⁴ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 167.

далом и крепостным — несомненно. Такая прослойка существовала и в европейских, а также в оседлых азиатских странах, но там она не была связана с сельским хозяйством, тогда как баи вели собственное скотоводческое хозяйство. В дальнейшем байство у многих кочевых народов укрепляется и настолько копирует подлинных феодалов, что отнесение его к феодальной категории вполне правомерно. Определение его места в социальной структуре кочевников требует специального исследования, выходящего за рамки нашей темы.

Б. Я. Владимирцов неудачно, на наш взгляд, называет всех албату «крепостными вассалами», тем самым термином, которым он именвал и унаган-боголов, хотя форма зависимости тут была совсем иная. Но существо дела им отмечено правильно.

Типично для раннего феодализма и возникновение промежуточного слоя чиновников, но они не сумели обеспечить себе наследственность должностей, в отличие от Франкского королевства¹. Параллели с азиатскими оседлыми государствами тут невозможны, так как там чиновничество в условиях феодализма в государственной форме конституировалось как господствующий класс.

Феодализм в кочевом обществе отличается большая стойкость пережитков патриархально-родовых отношений. Они были подорваны в значительной степени у монголов, особенно у восточных, где исчезла сама память о своей родовой принадлежности. Но на это потребовалось очень длительное время, так как еще в XVII в. и даже в начале XVIII в. халхасам, переходившим после захвата Монголии Цинами на русскую сторону, было известно, к какому роду они принадлежат. По-видимому, сказался все же радикализм произведенных Чингисом преобразований, нарушивших строгое родоплеменное членение общества и заменивших его военно-территориальным.

У других же кочевых народов родоплеменная структура в сильно трансформированном виде дожила до наших дней, как сохранились и свойственные ей формы эксплуатации, например отдача скота на выпас. К слову сказать, у народов с более развитыми феодальными отношениями она если и сохранялась, то не играла сколько-нибудь существенной роли. Б. Я. Владимирцов не упоминает о ней в «средний период», П. С. Преображенская, отмечая, что она не зафиксирована в исторических документах, все же полагает, исходя из общих соображений, что она должна была существовать².

¹ Неусыхин А. И. Проблемы... С. 237.

² См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 97.

Пережитки патриархально-родовых отношений проявлялись в совместном кочевании группы близкородственных семей, в том, что эксплуатация прикрывалась «родовой взаимопомощью», в «заботе» о пропитании бедных, компенсировавшейся работой на их благодетелей. Нечто подобное наблюдалось у всех кочевых народов, факты хорошо освещены в литературе, что освобождает нас от необходимости обращаться к ней в подкрепление общеизвестных истин.

Сохранение патриархально-родовых отношений тормозило превращение родовой, а иногда и семейной общины в территориальную и было поэтому одной из причин замедленного развития феодализма у кочевников. Можно согласиться с С. Е. Толыбековым, что патриархально-родовой быт (подчеркиваю — именно быт, а не социальная организация) казахов, да и не только казахов, «был столько же фактором, объединяющим людей в роды, сколько и фактором, разъединяющим весь народ на мелкие родоплеменные группы»³. Разумеется, и С. Е. Толыбеков обращает на это внимание, патриархальный быт существует в рамках патриархально-феодального, по его терминологии, т. е. раннефеодального общества. В старую родоплеменную форму вкладывается новое содержание.

В оседлом обществе родоплеменные отношения разрушаются еще в дофеодальный период. В кочевом они прослеживаются в большей или меньшей степени на протяжении всего раннего феодализма. И степень их сохранения может служить критерием для определения уровня феодальных отношений, так как говорить о феодализме у кочевников как о чем-то едином столь же невозможно, как и в отношении оседлых народов. Одни обгоняют, другие несколько отстают. Но только диапазон различий ограничивается рамками дофеодального и раннефеодального периодов. Если говорить конкретно, то монгольские народы ушли дальше по пути феодализации, чем их соседи. И одной из важных причин тут является большая сохранность пережитков предшествующей формации у последних.

С сохранением патриархальных пережитков, по-видимому, связано и то, что господствующий класс раннефеодального общества сравнительно долгий срок довольствуется старой религией, тогда как в оседлом обществе становление феодальных отношений сопровождается, как правило, и принятием новой религии, поддерживающей эксплуататорский строй, и идеологическим воздействием на народные массы, и мощью самой организации.

³ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 324.

Хотя в отдельные периоды монгольской истории ханы проявляли некоторый интерес к буддизму, широкое распространение его в Монголии начинается только в XVI в., в период полного распада страны на изолированные друг от друга уделы, владельцы которых, чтобы держать в узде своих подданных, стали нуждаться в сильной религии, способной внушить народу идеи смирения и безусловного повиновения своим господам. Ламаизм в высшей степени соответствовал этим целям.

Возможно, тут сыграло известную роль и еще одно обстоятельство. А. И. Востриков в одном из своих публичных выступлений выдвинул интересную мысль, что буддийские монастыри приняли на себя функции города как оседлого центра, в котором, помимо основного клерикального его направления, развивались различные ремесла и художественные промыслы не исключительно религиозного содержания. Это сложный вопрос, требующий специального исследования, но теоретически такая гипотеза вполне допустима, так как к концу раннефеодального периода уже возникает потребность в городе, полностью реализуемая уже на следующей стадии развития феодального общества. Кроме того, распространение ламаизма создавало, хотя и символически, представление о единстве всех монголов, признание которого сохранялось и после распада государства. Об этом свидетельствует высокое положение главы ламаистской церкви — гегена, который по шкале наказаний за преступление против личности котиrowался выше любого нойона. Более того, за невыполнение его повелений нойоны подвергались большому штрафу¹.

Благодаря щедрым пожертвованиям богомольных князей церковь вскоре обзавелась обширными землями и крепостными — шабинарами. Став крупнейшим землевладельцем, она, естественно, всем своим авторитетом защищала и поддерживала феодальный строй. Более того, нигде крепостничество не было выражено в таких крайних формах, как в дацанском ведомстве.

Роль, которую играла в кочевом обществе желтая вера, в точности соответствует роли любой другой высшей религии в оседлом. Здесь, при всех различиях канонов и ритуалов, трудно усмотреть какие-либо существенные отличия. И там и здесь социальная функция церкви была одинакова — защита феодального строя. Если же искать частные отличия, то можно указать, что у оседлых народов эксплуатация монастырских крестьян была несколько мягче, чем во владениях светских феодалов, а в Монголии шабинары были самой обездоленной ча-

¹ См.: Халха Джирум... С. 61.

стью трудового народа. Это общее правило не исключает, конечно, того, что и в Монголии араты, спасаясь от жестокости своих господ, бежали под защиту монастыря, причем закон предусматривал наказание для нойона, самовольно забирающего такого беглеца².

Будучи защитниками феодальной системы в ее наиболее застойных проявлениях, в чем выражалась реакционная роль ламаизма, монастыри в то же время стали очагами средневековой культуры, содействуя распространению грамотности и просвещения, хотя и для очень узкого круга, т. е. играли ту же роль в культурной жизни, что и монастыри европейского средневековья.

Отрицая самую возможность повышения культуры в кочевом обществе, С. Е. Толыбеков утверждает: «При таком уровне общественно-экономического развития все кочевники постоянно разрушали производительные силы оседлых обществ, сами же, будучи поголовно неграмотными, были не в состоянии оставить каких-либо существенных памятников материальной и духовной культуры, что объяснялось условиями материального производства — кочевого скотоводства»³. Это говорится о временах Чингиса, но, очевидно, может быть спроецировано на более поздний период, так как условия материального производства не изменились: кочевники оставались кочевниками.

Позволительно спросить нашего автора: а каков был процент грамотности у оседлых народов в момент становления феодальных отношений? Если Чингис был неграмотен, то хорошо известно, что и Карл Великий был не в ладах с грамматикой. Неграмотны были и сподвижники монгольского завоевателя, но ведь и европейские рыцари раннего средневековья в массе своей не превосходили их в этом отношении. Нельзя все объяснять кочевым бытом и идеализировать оседлость, не считаясь с характером эпохи. У народов Востока письменность сохранилась со времен рабовладельческого общества, на Западе же античные традиции были утеряны, и просвещение начинает распространяться первоначально только в связи с практическими потребностями: необходимостью ведения дел и распространения слова божия.

Также и у монголов постепенно сформировались два разных поля письменной культуры: светское, канцелярское, и церковное, монастырское. В течение 7 столетий эти два поля письменности существовали всегда рядом, время от времени они частично совпадали, их межи стали расплывчатыми; нередко преобладала ламская письменность.

² Халха Джирум... С. 62.

³ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 231.

Монастыри больше нуждались в письменности, чем государство, ведь письменность служила важным орудием в распространении буддийского учения¹. К этому следует добавить и другую струю: летописание и художественную литературу. Говорить об обреченности кочевников на полное невежество — значит не считаться с общеизвестными фактами и принижать культурное наследие кочевых народов.

В значительной степени через посредство ламаизма в Монголию проникает богатая средневековая культура Индии и других стран Востока. Но, как и везде в раннем феодализме, эта культура затрагивает почти исключительно только верхи общества. Но ведь точно так же обстояло дело и у оседлых народов. И у тех, и у других в противовес официальной клерикальной культуре развивается народная, находящая выражение в богатом народном творчестве.

Резюмируя, следует сказать, что никаких особенностей в социальной роли религии у кочевников нет. Как и у оседлых народов, она была верной опорой эксплуататорского строя.

Естественно, закрепощение простых людей, превращение их в крепостных, лишенных права покинуть своего господина, не могло не вызывать сопротивления. К сожалению, информация о формах классовой борьбы крайне недостаточна. На это жалуются все исследователи истории кочевых народов. Да и у оседлых дело в этом отношении обстоит немногим лучше. Объясняется это тем, что источники, вышедшие из-под пера представителей господствующего класса, стараются обойти эту щекотливую для них тему.

Следует также учитывать, что пережитки патриархальщины, позволяющие камуфлировать эксплуатацию иллюзией родовой взаимопомощи, ослабляют остроту социальной борьбы.

Там, где нет прямых указаний источников, приходится опираться на косвенные. При просмотре монгольских законов обращает на себя внимание большое количество статей, посвященных беглым. Тут и наказание за укрытие беглеца, и вознаграждение за его поимку, и порядок возвращения его прежнему владельцу². Не вдаваясь в подробное рассмотрение весьма детализированных норм, посвященных этому сюжету, следует отметить, что неудачный побег мог повлечь за собой полную потерю всего имущества беглеца и, следовательно, его полуголодное существование.

Само обилие таких статей показывает, что речь идет не об одиночных случаях, а если не о массовом, то широко распространенном явлении

¹ Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972. С. 15.

² См., напр.: Халха Джирум... С. 48, 53, 55, 75.

и более раннего времени, чем XVIII в., к которому относятся законы, собранные в «Халха Джирум». Аналогичные статьи имеются и в «Великом уложении» 1640 г., из чего в «Очерках истории Калмыцкой АССР» делается правильный вывод: «Самой распространенной формой протеста являлось бегство рядовых калмыков от одних владельцев к другим»³.

По классификации, предложенной Б. Ф. Поршневым, «уход или бегство... полный разрыв с сеньором, поиски лучших условий в другом месте» являются второй, более высокой по сравнению с отказом от выполнения отдельных требований феодала формой открытого крестьянского сопротивления⁴. Первая форма, по-видимому, тоже не была исключением, так как в законах предусматриваются и наказания за оскорбление нойонов и других привилегированных лиц разных рангов. Сведений о высшей форме борьбы — крестьянском восстании источники не сохранили.

То, что приведенные выше данные относятся к сравнительно позднему времени, нас не смущает, так как трудно предполагать, чтобы такие явления могли принять массовый характер за короткий срок.

При всей недостаточности наших сведений можно, опираясь на юридические нормы, утверждать, что классовая борьба, может быть, не очень интенсивная, велась монгольскими и калмыцкими аратами в открытой форме. И именно в той форме, в которой боролось на равном уровне социального развития европейское или азиатское крестьянство. Правда, Европа знала и крестьянские восстания, но преимущественно в областях, подвергшихся насильственной феодализации.

Раздробление Монголии имело своим следствием обособление западных племен от восточных, южных от северных. Хотя общемонгольское единство признавалось, что проявлялось, в частности, в периодических съездах князей, начинался процесс консолидации в более ограниченных регионах. Идет процесс обособления, с одной стороны, ойратов, с другой, в результате тесных связей в экономической, политической и культурной жизни, — халхасов. Исходя из этого Д. Гонгор небезосновательно полагает, что «в XV–XVI вв. возникли условия для формирования самостоятельной народности „Халха“ среди других монгольских народностей»⁵, которые привели к ее выделению среди других монголов в XVII в.

³ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 98.

⁴ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. С. 278–279.

⁵ Гонгор Д. К вопросу формирования халхасской народности // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. I боть. Улаан-Баатар, 1973. С. 123.

Но наряду с центробежными тенденциями проявляется и стремление к объединению. Первые его попытки, при Эсене и Даян-хане, оказались лишь эпизодами в монгольской истории, потому что предпринимались тогда, когда еще не существовало объективных условий для преодоления феодальной раздробленности. Теперь же с обострением классовых противоречий, с разгулом феодальной анархии, от которой страдали не только араты, но и мелкие феодалы, возникает тяготение к объединению страны. Но затронул этот процесс до потери Монголией независимости только ойратов. Известно указание К. Маркса, что объединение страны при отсутствии для этого достаточных экономических предпосылок может произойти, когда возникает серьезная угроза независимости и необходима консолидация всех сил для ее отражения.

Такая ситуация сложилась в XV–XVI вв. в Джунгарии. Теснимые халхасами с востока и казахами с запада, раздираемые феодальной усобицей, ойраты оказались в ситуации глубокого кризиса, преодолеть который можно было только укреплением центральной власти¹. Создание Джунгарского ханства и его история лежат за пределами нашей темы, ибо возникновение этого ханства не являлось естественным результатом развития феодализма.

Основной массе монголов не удалось преодолеть феодальную раздробленность, так как в конце XVII в. Монголия стала жертвой маньчжуро-китайской агрессии, что нарушило нормальный ход ее истории. Если основная задача, стоявшая перед страной, заключалась в ее объединении, то маньчжурская политика была направлена к прямо противоположной цели. «Маньчжурские феодалы сразу же начали проводить политику административного раздела страны на мелкие удельные владения, чтобы не допустить объединения сил антиманьчжурского сопротивления. В стране утвердился деспотический режим, при котором все стороны жизни монгольского народа строго регламентировались»².

Та система, которую китайцы установили в Монголии, может быть охарактеризована как синтез китайской системы государственного феодализма и частнофеодальной системы, сложившейся в Монголии. Три больших удела, существовавших в Халхе и бывших зародышем будущей консолидации, были раздроблены на множество хошунов, и утверждение их правителей стало прерогативой маньчжурского двора. Но в то же время «правители мелких удельных княжеств, являясь

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. Гл. 2.

² Ширендыб Б. Избранные произведения. С. 32–33.

вассалами маньчжурского императора, были фактически собственниками земли в пределах своих владений»³.

Раздробление страны, консервация феодальных отношений в самых крайних и отсталых формах, засилье китайского торгового капитала, разорявшего аратство, усиление тягот в связи с огромными тратами феодалов, потянувшихся к китайской роскоши, отвлечение значительной части трудоспособного населения в монастыри, духовный и экономический гнет ламаизма — все это в совокупности обусловило тот застой, который наблюдался в Монголии вплоть до освободительной революции 1921 г.

Мы рассмотрели основные черты генезиса феодализма в кочевом обществе на примере той страны, в которой он протекал в наиболее чистой форме, и теперь остается сделать выводы из этого обзора.

Прежде всего встает вопрос: каким путем шли кочевники, прогрессировало их общество или находилось в состоянии застоя?

Этот вопрос приобретает актуальность в связи с выступлениями С.Е. Толыбекова, который упорно отказывает кочевникам в праве на прогресс. Приведем некоторые его высказывания. «На самом деле, — пишет он, — в общественном производстве, образе жизни и политико-экономическом строе кочевых обществ монголов XI–XII вв. и хуннов III–II вв. до нашей эры нет существенной разницы»⁴. Действительно, прогресс кочевого и, кстати сказать, оседлого общества в дофеодальную эпоху не был быстрым. Но неужели можно всерьез говорить о топтании на одном месте на протяжении полутора тысяч лет в отношении народов, оставивших яркий след в мировой истории? Хуннское объединение было союзом кочевых племен, монголы стояли на пороге феодального общества. И уже одного этого достаточно, чтобы говорить о значительном продвижении вперед.

Впрочем, с феодализацией монгольского общества наш автор как раз и не согласен. Он называет государство Чингиса «полурабовладельческим или полуфеодальным»⁵. Чтобы не утомлять читателя, ограничимся еще одной цитатой, вполне отчетливо демонстрирующей методы полемики С.Е. Толыбекова: «Кочевое скотоводство из-за рутины

³ Ширендыб Б. Указ. соч.

⁴ Толыбеков С.Е. Кочевое общество... С. 220.

⁵ Там же. С. 220, 228.

и отсталости обрекало трудящихся на мучительное, полуголодное и полурабское существование. Скопление большого количества стад и табунов в руках степных богачей было результатом присвоения прибавочного труда патриархальных рабов, полурабского труда бедняков и членов их семей... Различие экономических условий патриархально-феодального кочевого скотовладения и развитого феодального землевладения объясняется различием видов общественного производства и различием существовавших в них форм собственности на землю»¹.

Выше уже упоминалось, что С. Е. Толыбеков сравнивает раннефеодальное кочевое хозяйство с развитым земледельческим. А если взять вещи сопоставимые, т. е. ранний феодализм и у кочевых, и у оседлых народов? Разве не было земледелие тогда таким же отсталым и рутинным? Разве земледелец, закабаляемый крупным собственником, не был обречен на мучительное, полуголодное существование, как, к слову сказать, и при развитом феодальном земледелии? Что же касается полурабовладельческого якобы состояния Чингисова государства, то это новое слово в науке. Но каждое новое положение следует не только декларировать, но и аргументировать. А без этого дискуссия бесплодна.

Если отрицать зарождение феодальных отношений у монголов в эпоху Чингиса, то когда же они сложились? Или, может быть, их не существовало вовсе, и Монголия так и осталась полурабовладельческой, полуфеодальной страной и в дальнейшем? На этот вопрос «концепция» С. Е. Толыбекова ответа не дает.

О его отношении к культурным возможностям кочевников мы уже говорили.

Прогресс, по мнению С. Е. Толыбекова, возможен только при переходе к земледелию. Это в какой-то мере верно, но нельзя абсолютизировать и данный тезис, ибо дело не только в типе хозяйства, но и в уровне социального развития. Часть тувинцев и алтайцев сочетали скотоводство с земледелием, но это не привело ни к каким существенным переменам в их общественном строе, в котором по-прежнему раннефеодальные отношения переплетались с патриархальщиной.

Наш автор не видит в кочевом обществе ничего положительного. Они грабили другие народы, и обогащение их верхушки носило паразитический характер (а верхушки оседлого общества?). «Таким же паразитическим полурабовладельческим и полуфеодальным переходного типа государством (синтез рабовладельческого и феодального строя! — Е. З.) было государство Чингисхана. Чингисхан типичный во-

¹ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 336.

енный авантюрист, вначале вожак разбойничьей банды, умело использует недовольство обездоленных народных масс, выходит победителем из борьбы со своими могущественными противниками и создает сильное централизованное военно-рабовладельческое государство, сразу вступающее на путь широкой внешней экспансии, успех которой является условием самого его существования»².

В советской и монгольской исторической науке установился ведь совсем иной взгляд на начальный период деятельности Чингиса. Со всем можно спорить, но просто делать вид, что никто не занимался этим вопросом, что после Б. Я. Владимирцова о Чингисе не сказано ни слова, нельзя. Можно ли игнорировать всю новейшую литературу вопроса? С. Е. Толыбеков ссылается на Н. Карамзина, Э. Реклю, но никаких упоминаний о статье И. М. Майского, о трудах Б. Ширендыба и Ц. Нацагдоржа и многих других в его книге не найдешь. Элементарные требования к научной работе тут явно нарушены. Но ввести таким образом в заблуждение можно только совсем неосведомленного читателя.

И еще один тезис С. Е. Толыбекова вызывает резкое возражение. Взаимоотношения между кочевым миром и оседлым рассматриваются только в одном плане: кочевники ничего положительного не могли создать, они только грабили и уничтожали оседлые страны — Китай, Среднюю Азию и т. д. Но, во-первых, ведь и они не раз в своей истории были объектом экспансии. Достаточно вспомнить неоднократно и жестокую агрессию Китая в средние века против кочевников. Во-вторых, военные столкновения перемежались периодами мирных сношений, когда устанавливались торговые и культурные связи, в которые кочевники вносили свою лепту. Такова точка зрения современной науки.

«Существование и тесное взаимодействие земледельческих районов с миром кочевых племен на протяжении многих веков и тысячелетий были характерным явлением исторического развития Средней Азии и многих других стран Востока», — пишет Б. Г. Гафуров. «Конечно, — продолжает он, — история взаимоотношений этих двух миров полна трагическими эпизодами — грабительскими набегами, истреблением мирного населения, уничтожением многих материальных и культурных ценностей. Однако нельзя забывать о том, что контакты кочевых и земледельческих племен и народов имели и многие положительные последствия. Это выражалось как во взаимообогащении культур тех и других, обмене хозяйственными навыками, так и не-

² Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 314–315.

редко в принципиально новых прогрессивных процессах социально-го и политического развития стран и областей, входящих в зону контактов»¹.

Кардинально важен вопрос о возможности эволюции кочевого феодального общества, о пределах его развития. Возможен ли переход его в стадию развитого феодального общества? И. Я. Златкин и А. С. Твритинов в своей рецензии на первую книгу С. Е. Толыбекова отвечают на этот вопрос утвердительно². Но этот вывод не может быть подкреплён ни одним примером, так как ни один чисто кочевой народ не достиг такого уровня социально-экономического развития. Поэтому вывод носит чисто умозрительный характер, и с ним трудно согласиться.

Развитый феодализм предполагает возникновение города, расширение товарно-денежных отношений, высокий уровень ремесленного производства. По определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев»³. Вторая форма собственности, средневековая организация ремесла, не могла сложиться на базе кочевого быта. Она требует оседлости. Даже у хуннов не очень развитое ремесло, обнаруженное при раскопках в Забайкалье, было сосредоточено в оседлых поселениях. Значит, необходим город. А он неизбежно вызывает и новые формы хозяйства. Кроме того, трудно представить, чтобы такое сравнительно высокое развитие производительных сил могло не затронуть основную сферу производства. Ведь частичное переключение на земледелие наблюдается у многих кочевых народов на гораздо более низкой стадии. Поэтому правильной видится точка зрения С. Е. Толыбекова, отрицающая такую возможность⁴.

Теперь остается ответить на вопрос, вынесенный в заголовок этой главы: существовал ли кочевой феодализм, и что он собой представлял? Сам этот термин не привился, только Н. В. Устюгову он показался наиболее точным⁵. По вопросу о кочевом феодализме все еще ломают копья. И самый активный противник Б. Я. Владимирцова С. Е. Толы-

¹ Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в Кушанскую эпоху: труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. Душанбе, 2 сентября — 6 октября 1968 г. М., 1974. С. 63.

² Вопросы истории. 1961. № 1.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 23.

⁴ Толыбеков С. Е. Кочевое общество... С. 311.

⁵ Устюгов Н. В. Научное наследие. С. 200.

беков, и ученик покойного академика Г. Н. Румянцев критикуют «кочевой феодализм». Первый обрушивается на «теорию кочевого феодализма», усматривая главный ее грех в признании земли главным средством производства и государства Чингиса феодальным. Второй очень сдержан и видит основные недостатки концепции Б. Я. Владимирцова «монгольский кочевой феодализм» «в преувеличении им уровня общественного развития монголов и степени феодализации монгольского общества в XII–XIII вв., в придании монгольскому феодализму законченных „классических“ черт западноевропейского феодализма XIII–XIV вв.»⁶.

Поразительно, что за 45 лет, прошедших со времени смерти Б. Я. Владимирцова, никто не обнаружил отсутствие самого предмета спора. И «концепция», и «теория» кочевого феодализма есть нечто воображаемое. Правда, на обложке книги стоит подзаголовок «Монгольский кочевой феодализм», но в тексте этот термин употребляется один-единственный раз и, можно сказать, мимоходом. Нигде Б. Я. Владимирцов не говорит о какой-то уникальности, или особенности данного типа феодализма. Он даже не ставит перед собой такой задачи. Он просто описал развитие феодальных отношений в Монголии, следуя за данными своих источников, превосходно им проанализированных. Недостаточная методологическая подготовка помешала ученому уяснить роль социальных противоречий в создании империи и сложении феодализма. Источники об этом молчат, а он слишком скрупулезно следовал за ними. За этот недостаток Г. Н. Румянцев его справедливо упрекает⁷.

Следовательно, никакой особой концепции не существует. А есть очерк развития феодализма в Монголии, в основной своей части остающийся классическим трудом по истории и этой страны, и кочевого общества вообще. Неслучайно на него опираются все исследователи истории кочевников.

Нам представляется, что следует отвести первое из приведенных здесь критических замечаний Г. Н. Румянцева. Впечатление о преувеличении степени развития феодализма у монголов создается потому, что Б. Я. Владимирцов широко пользовался терминологией развитого феодального общества, чем вводил в заблуждение своих читателей. Конечно, точность научной терминологии — вещь необходимая, но вместе с тем следует определять, какой смысл вкладывается в термин тем или иным автором, если он не совпадает с общепринятым.

⁶ Румянцев Г. Н. Труды... С. 81.

⁷ Там же. С. 81.

Обращение же к сравнительному материалу было не слабой, а сильной стороной труда Б. Я. Владимирцова, так как вводило монгольскую историю в общемировой исторический процесс, что соответствует современным требованиям.

Сравнительно-исторический анализ состояния монгольского общества, в котором мы опирались главным образом на работу Б. Я. Владимирцова, доказал, что все описанные им институты соответствуют не развитому, а раннему феодализму, несмотря на отмеченную выше терминологическую путаницу, и предлагаемый Г. Н. Румянцевым вывод о том, что оно было раннефеодальным, непосредственно вытекает из всего сообщаемого в «Общественном строе монголов» материала.

С другой стороны, этот анализ показал, что при наличии определенных особенностей, которые мы всюду старались специально отметить, в кочевом обществе не обнаружилось никаких существенных различий с обществом оседлым, и процесс генезиса феодализма протекал в рамках общих закономерностей. Подтвердилось мнение И. Я. Златкина, что «в основных существенных чертах нет принципиальных отличий в характере и закономерностях развития общественных отношений у кочевых народов по сравнению с народами оседлых земледельческих культур»¹.

Таким образом, нет оснований для выделения особого типа генезиса феодализма в кочевом обществе². Он вполне укладывается в ту типологию генезиса феодализма, которая была предложена в первой главе. В кочевом обществе происходит переход к феодализму из первобытно-общинного строя, и в главном, существенном процесс этот не имеет принципиальных отличий от аналогичного ему в обществе оседлом.

¹ Проблемы возникновения феодализма... М., 1969. С. 288.

² Автор предполагал, что кочевое общество представляет особый тип генезиса феодализма (Залкинд Е. М. Заметки к изучению феодальной истории крестьянства национальных районов Сибири // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 123), но данное исследование убедило его в ошибочности такого предположения.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Е. М. ЗАЛКИНДА, НАУЧНЫХ СБОРНИКОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЕГО ПАМЯТИ, И ПУБЛИКАЦИЙ О НЕМ (сост. О. Ю. Курныкин, Г. И. Курныкина)

1. Древние народы китайских хроник и эвенки // Советская этнография. 1937. № 1. С. 68–79.
2. Рец.: Помус М. И. Бурят-Монгольская АССР. М.: Соцэкгиз, 1937. 395 с. // Советское востоковедение. 1940. № 1. С. 255–256. (В соавт. с С. Дылыковым).
3. Рец.: Работа по истории школ в Бурят-Монголии (Панчуков А. П. Очерки по истории развития школ в Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1939. 48 с.) // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при ЦИК БМАССР. Вып. II / редкол.: Б. Санжиев (отв. ред.), А. Баинов. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, Типография Наркомместпрома БМАССР, 1940. С. 156–158.
4. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII веке // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории. Вып. III–IV / редкол.: Б. Санжиев (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1941. С. 225–242.
5. Рец.: Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII–XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Издание Бурят-Монгольского ГИЯЛИ, 1939. 292 с. // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории. Вып. III–IV / редкол.: Б. Санжиев (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1941. С. 267–272.
6. Периодизация истории бурят-монголов (в порядке постановки вопроса) // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории. Вып. V–VI. Улан-Удэ: Бургиз, Типография изд-ва республик. газет БМАССР, 1941. С. 68–76.
7. Из истории баргузинских эвенков конца XVIII века // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и исто-

- рии. Вып. V–VI. Улан-Удэ: Бургиз, Типография изд-ва республик. газет БМАССР, 1941. С. 116–140.
8. Рец.: Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции // Советское востоковедение. 1941. № 2. С. 306–309. (В соавт. с С. Дылыковым).
 9. Экспедиция Института в Бурят-Монгольскую АССР // Советское востоковедение. 1941. № 2. С. 316.
 10. Изучение истории, языка, литературы и экономики Бурят-Монголии // XX лет Бурят-Монгольской АССР / отв. ред. Б. Санжиев. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во «БУРМОНГИЗ», 1943. С. 152–170.
 11. Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов / Бурят-Монгольский госуд. науч.-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории; ред. М. Шулушкин. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1943. 31 с., вкл. обл.
 12. М. Н. Хангалов (жизнь и деятельность) / Бурят-Монгольский гос. науч.-исслед. ин-т культуры и экономики; отв. ред. М. Шулушкин. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1945. 63 с. Рец.: Кудрявцев Ф. А. Е. М. Залкинд «М. Н. Хангалов». Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, Типография госуд. газетного изд-ва при Совмине БМАССР // Записки Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры и экономики. Вып. VII / редкол.: Г. Ц. Бельгаев (гл. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1947. С. 143–146.
 13. Кидане и их этнические связи // Советская этнография. 1948. № 1. С. 47–62.
 14. Пионеры просвещения Балаганской степи // Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та культуры и экономики. Вып. VII / редкол.: Г. Ц. Бельгаев (отв. ред.), Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1947. С. 87–96.
 15. К этногенезу эвенков // Ученые записки Бурят-Монгольского педагогического института им. Доржи Банзарова. Вып. 1 / отв. ред. Г. Ф. Кудрявцев. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. С. 69–79.
 16. Из истории Западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII века // Ученые записки Ленинградского государственного университета / редкол.: В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский и др., отв. ред. И. П. Петрушевский. № 98. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленинград. госуд. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949. С. 215–233.
 17. О времени расселения эвенков в бассейне Енисея // Советская этнография. 1950. № 1. С. 193–194.

18. Новые данные по истории Бурят-Монголии в XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. История и филология стран Востока. № 128. Серия востоковедческих наук. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленинград. госуд. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1952. С. 104–122.
19. Из истории обычного права западных бурят // Советская этнография. 1952. № 1. С. 184–188.
20. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности // Записки Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры. Вып. XXII / редкол.: К. М. Герасимова и др., отв. ред. Ц. Б. Цыденбаев. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, Типография Министерства культуры БМАССР, 1956. С. 23–45.
21. Хозяйство бурят-монголов в XVII — начале XVIII в. // Записки Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры. Вып. XXIV / редкол.: К. М. Герасимова и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1957. С. 140–170.
22. Бухарский торговый караван в Иркутске // Ученые записки Омского педагогического института им. А. М. Горького. Вып. 8 / редкол.: Г. С. Парфенов (отв. ред.), В. Я. Ионова и др. Омск: Типография отд. Трансжелдориздата на Омской ж.д., 1957. С. 93–101.
23. Присоединение Бурятии к России // Записки Бурятского госуд. науч.-исслед. ин-та культуры. Вып. XXV / редкол.: К. М. Герасимова и др., отв. ред. Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 3–18. URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=455>.
24. Присоединение Бурятии к России / отв. ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.
25. Добровольное вхождение Бурятии в состав России и его прогрессивное значение // Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 1 / редкол.: Б. Р. Буянтуев, К. М. Герасимова и др., отв. ред. Д. Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Министерства культуры Бурятской АССР, 1959. С. 13–20.
26. О некоторых источниках по истории бурят XVIII в. // Краткие сообщения Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 1 / редкол.: Б. Р. Буянтуев и др., отв. ред. Д. Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Министерства культуры БМАССР, г. Бабушкин, 1959. С. 103–108.
27. К истории бурят-хоринцев в конце XVII в. // Краткие сообщения Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 4. Серия историко-филологическая / редкол.: О. В. Макеев (гл. ред.),

- М. Р. Мангутов и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, г. Бабушкин, 1962. С. 68–72.
28. Монголо-бурятские связи в XVIII веке // Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 8. Серия востоковедная / редкол.: Г. Н. Румянцев (отв. ред.), Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1962. С. 36–48.
29. К вопросу об основных закономерностях развития феодализма у кочевых народов // Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 8. Серия востоковедная / редкол.: Г. Н. Румянцев (отв. ред.), Е. М. Залкинд, К. М. Герасимова и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1962. С. 186–192.
30. Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII — начале XIX века // Из истории народов Бурятии. Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 10. Серия историческая / редкол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), С. А. Максанов, Б. М. Митупов и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, г. Бабушкин, 1962. С. 73–83.
31. Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах // Из истории народов Бурятии (исследования и материалы). Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 10. Серия историческая / редкол.: Е. М. Залкинд, С. А. Максанов, Б. М. Митупов и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, г. Бабушкин, 1962. С. 157–168.
32. Источник по этнографии бурят в начале XVIII века // Этнографический сборник. Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 3 / редкол.: П. Т. Хаптаев (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1962. С. 154–156.
33. К биографии Д. Хуреганова // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 11. Серия историческая / редкол.: И. А. Асалханов (гл. ред.), Е. М. Залкинд, С. А. Максанов и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, г. Бабушкин, 1963. С. 189–191.
34. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII — первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. / отв. ред. В. И. Шунков. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1965. С. 236–247.

35. Начало русской колонизации бассейна р. Уды // Культура и быт народов Бурятии. Этнографический сборник. Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 4. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 142–145.
36. Из истории кодификации обычного права бурят // Труды Восточно-Сибирского госуд. ин-та культуры. Вып. IV / ред. С. С. Бадмацзренов, Б. Б. Батуев, Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Б.и., 1965. С. 175–184.
37. К вопросу о синтезе в развитии общественного строя // Труды Восточно-Сибирского госуд. ин-та культуры: тезисы докладов второй научной конференции профессорско-преподавательского состава / ред. Б. Б. Батуев. Улан-Удэ: Иволгинская типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1967. С. 19–20.
38. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды Бурятского ин-та общественных наук СО АН СССР. Вып. 5. Серия историческая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1968. С. 140–149.
39. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды Бурятского филиала ин-та общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 5. Серия историческая / редкол.: И. А. Асалханов (гл. ред.), Е. М. Залкинд, Н. В. Ким. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1968. С. 212–216.
40. Памяти Георгия Никитича Румянцева // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Труды Бурят. ин-та общественных наук. Вып. 1. Серия востоковедная. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 195–198.
41. Изучение генезиса феодализма у бурят // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 253–266, 295–299.
42. Изучение этногенеза бурят и эвенков Бурятии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конф. 11–13 мая 1969 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. С. 127–128.
43. Изучение этногенеза бурят и эвенков Бурятии // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции / Сибирское отделение АН СССР, Институт истории, филологии и философии; ред. Е. И. Убрятова. Вып. 1. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1969. С. 151–152.
44. Проект американской экспансии в Сибири в середине XIX века // Труды Восточно-Сибирского госуд. ин-та культуры. Вып. V. Серия

- историко-филологическая / ред.: С. С. Бадмацыренов, Б. Б. Батуев, А. А. Белоусов, Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Би., 1968. С. 97–105.
45. Памяти М. Н. Хангалова // Этнографический сборник. Труды Бурят. ин-та обществ. наук Бурятского филиала СО АН СССР / редкол.: К. М. Герасимова, Е. М. Залкинд (отв. ред.), Т. М. Михайлов, Ю. Б. Рандалов. Вып. 5. Улан-Удэ: Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1969. С. 180–199.
 46. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. / отв. ред. Г. Н. Румянцев. М.: Наука, 1970. 400 с.
 47. Очерки истории культуры Бурятии / редкол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. Т. I. (От редакции: с. 5–7; гл. I, § Древние буряты: с. 36–39; гл. V. Присоединение Бурятии к России — новый этап в развитии культуры: с. 117–140; гл. X. Бурятия в конце XIX — начале XX века: с. 297–308).
 48. Некоторые проблемы изучения истории крестьянства национальных районов Сибири в период феодализма // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири: тезисы докладов и сообщений научной конф. Ин-та общественных наук БФ Института истории, филологии и философии СО АН СССР / редкол.: Е. М. Залкинд, Б. М. Митупов и др. Улан-Удэ: Типография Управления печати при Совете Министров БурАССР, г. Бабушкин, 1971. С. 59–61.
 49. Участие представителей коренного населения Забайкалья в русских административных органах XVIII века // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы научной конф. 24–25 июня 1971 г. / Читинский педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского; редкол.: А. П. Окладников (отв. ред.), Н. А. Ревняк, И. И. Комогорцев и др. Чита: Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1972. С. 110–117.
 50. Иностранные путешественники о Бурятии // Исследование и материалы по истории Бурятии. Труды Бурятского ин-та общественных наук БФ СО АН СССР. Серия историческая. Вып. 20 / редкол.: И. А. Асалханов, Т. М. Михайлов, П. Т. Хаптаев (отв. ред.). Улан-Удэ: Типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров БурАССР, 1973. С. 139–154. URL: <http://www.kcmb.ru/index2.php?option=content&task=view&id=920&pop=1>
 51. Предисловие к книге: Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья / ред. Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. С. 3–7.

52. Заметки к изучению феодальной истории крестьянства национальных районов Сибири // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири / редкол.: В.И. Бойко, Н.Я. Гуцин, А.П. Окладников (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. С. 119–124.
53. Развитие исторической науки в Бурятии // В братской семье народов: материалы конференции, 30–31 мая 1973 г. / отв. ред. А.А. Бадиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. С. 132–139.
54. Рец.: Сатлаев Ф. Кумандинцы // Советская этнография. 1976. № 6. С. 144–147. (Совместно с В.П. Дьяконовым).
55. Вольтер об империи Чингисхана // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. № 1. Серия общественных наук. Вып. 1. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. С. 87–94.
56. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982. (Член редколлегии, автор разделов: Ч. I, гл. 1.2. Этнодемографическая обстановка в Сибири накануне колонизации; Гл. 3.9. Сельскохозяйственное производство аборигенного населения (совместно с В.Н. Ивановым, Н.А. Миненко); Гл. 9.2. Участие коренного населения Сибири в классовой борьбе крестьянства (совместно с В.Н. Ивановым, Н.А. Миненко, Д.Я. Резун); Ч. II, гл. 11.2. Классовая борьба крестьянства в национальных районах (совместно с Н.А. Миненко, В.Н. Ивановым); Ч. III, гл. 1.2. Новые явления в материальной культуре аборигенного крестьянства (совместно с Н.А. Миненко, В.Н. Ивановым); Гл. 4.3. Влияние русских на общественное сознание аборигенного крестьянства (совместно с В.Н. Ивановым, Н.А. Миненко)).
57. Этнографические исследования в Бурятии // Быт бурят в прошлом и настоящем: сб. статей / редкол.: К.Д. Басаева (отв. ред.), Е.М. Залкинд, П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Б.и., 1980. С. 3–14. (В соавт. с Т.М. Михайловым).
58. М.Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 120 с. (В соавт. с П.Т. Хаптаевым).
59. Отчет об обследовании дацанов Бурят-Монголии в 1939 году (1940) // Андреев А. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX в. (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб. — Самара — Прага: Агни, 1997. 335 с. Прил. 2.
60. Древние народы китайских хроник и эвенки хун-ху, дун-ху, сянь-би, ши-вэй (обзор теорий) // Памяти Е.М. Залкинда / сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 9–25.

61. Кидане и их этнические связи // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 26–50.
62. Бухарский торговый караван в Иркутске // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 51–60.
63. Некоторые этнонимии Восточной Азии (монголы, манджуры, тунгусы) // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 61–74. (Напечатано по тексту рукописи).
64. Забытые имена // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 75–78.
65. Монголо-бурятские связи в XVIII в. // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 79–98.
66. К вопросу об основных закономерностях развития феодализма у кочевых народов // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–110.
67. Вольтер об империи Чингисхана // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 111–128.
68. Фрагменты из книги Е. М. Залкинда «Присоединение Бурятии к России» (приложение к статье Н. И. Круговой «Творчество Е. М. Залкинда в свете современных тенденций развития исторической науки») // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 161–187.
69. Фрагменты из книги Е. М. Залкинда «Общественный строй бурят XVIII — первой половины XIX в.» (приложение к статье Н. И. Круговой «Творчество Е. М. Залкинда в свете современных тенденций развития исторической науки») // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 187–190.

Список публицистических и просветительских работ Е. М. Залкинда

1. Выступление на конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т. II. М. — Л., 1936. С. 338–339.
2. К вопросам дальнейшего изучения истории Бурят-Монголии // Бурят-Монгольская правда. 1941. 29 апр. № 100 (7351).
3. Рец.: Путешествие в Центральную Азию и Китай (Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай.

- М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 235 с.) // Бурят-Монгольская правда. 1941. 29 мая. № 124 (7375).
4. О работе ГИЯЛИ [Государственный институт языка, литературы и истории] // Бурят-Монгольская правда. 1942. 23 окт. № 252 (7814).
 5. Всемерно развивать ореховый промысел // Бурят-Монгольская правда. 1942. 15 дек. № 294.
 6. Хайнык¹ и перспектива его разведения // Бурят-Монгольская правда. 1942. 27 дек. № 305.
 7. Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 30 с.
 8. Великая дружба бурят-монгольского и русского народов // Бурят-Монгольская правда. 1943. 30 мая. № 113 (7983).
 9. В борьбе за советскую Бурят-Монголию // Бурят-Монгольская правда. 1943. 6 июля. № 140 (8010).
 10. Двадцатилетие Бурят-Монгольской АССР (совместно с А. Туйск и П. Хаптаевым) // Блокнот агитатора / редкол.: Б. Санжиев (отв. ред.), Д. Введенский и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. газетное изд-во, 1943. Июнь. № 12. С. 17–33.
 11. Дружба, окрепшая в огне борьбы // Бурят-Монгольская правда. 1945. 3 февр. № 22 (8312).
 12. Очередные задачи НИИКЭ [Научно-исследовательский институт культуры и экономики] // Бурят-Монгольская правда. 1946. 9 марта. № 52 (8697).
 13. Исторические корни дружбы бурят-монгольского и русского народов // Бурят-Монгольская правда. 1947. 25 янв. № 19 (8924).
 14. Знаменательный юбилей (К 125-летию со дня рождения Доржи Банзарова) // Блокнот агитатора / редкол.: А. Казаков (отв. ред.), П. Петухов и др. Улан-Удэ: Типография госуд. газетного изд-ва при СМ БМАССР, 1947. Февр. № 5. С. 19–29.
 15. К 125-летию со дня рождения Доржи Банзарова (совместно с П. Т. Хаптаевым) // Бурят-Монгольская правда. 1947. 25 февр. № 41 (8946).
 16. Уголок краеведа (Тувинцы в Бурятии. Прозрачная рыбка. Хайныки. Засысывающие пески. Баргузинская долина) // Бурят-Монгольская правда. 1947. 1 марта. № 44 (8949).
 17. Выдающийся юбилей (К 125-летию со дня рождения Доржи Банзарова) // Бурят-Монгольская правда. 1947. 15 марта. № 54 (8959).

¹ Хайнык — помесь тибетского яка с крупным рогатым скотом местной породы. Разводился в Окинском и Закаменском аймаках Бурятии (прим. сост.).

18. Уголок краеведа (Бауктовская тайга. Колонок. Кедровая сосна. «Сибирские яблоки») // Бурят-Монгольская правда. 1947. 22 марта. № 59 (8964).
19. Первый бурят-монгольский этнограф (К тридцатилетию со дня смерти М. Н. Хангалова) // Бурят-Монгольская правда. 1948. 8 апр. № 70 (9256).
20. Забытые имена // Байкал. 1961. № 3. С. 144–146.
21. В защиту поэта: критическая заметка о творчестве Солбонэ Туя // Байкал. 1961. № 4. С. 153–154.
22. Кооперирование сельского хозяйства в МНР (Рец. на книгу Д. Б. Улымжиева «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в МНР») // Правда Бурятии. 1969. 23 янв. № 19 (12273). (В соавт. с Г. Л. Санжиевым).
23. Эстафета научного дерзания [К 150-летию юбилею Доржи Банзарова] // Правда Бурятии. 1972. 29 марта. № 74 (13733).
24. Доржи Банзаров. 150-летие со дня рождения // Знаменательные и памятные даты по Бурятии на 1972 год. Улан-Удэ, 1972. С. 20–23.
25. В братской семье советских народов к коммунизму (совместно с Е. Е. Тармахановым и Д. Б. Улымжиевым) // Блокнот агитатора. Улан-Удэ, 1973. № 7. С. 1–10.
26. Берегите памятники археологии: письмо строителям Байкало-Амурской магистрали // Правда Бурятии. 1975. 5 апр. (Совместно с Е. Хамзиной, П. Коноваловым, А. Тиваненко).
27. Всё остается людям // Правда Бурятии. 1976. 19 дек.
28. Под небом Забайкалья [о Музее культуры и быта народов Забайкалья] // За науку в Сибири. 1976. 23 дек.

Список научных изданий, членом редколлегий/ответственным редактором которых являлся Е. М. Залкинд

1. Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1942. 198 с.
2. Обручев С. В. Полезные ископаемые и минеральные источники Окинского аймака Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 27 с.
3. Записки Бурят-Монгольского госуд. науч.-исслед. ин-та культуры и экономики. Вып. VII / редкол.: Г. Ц. Бельгаев (отв. ред.), Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1947. 152 с.

4. Слово эвенка: сборник песен, стихов и сказок эвенков Бурят-Монголии / сост. М. Воскобойников; ред.: Е. М. Залкинд, М. Родина = Эвенки турэнин: бурят-монголия эвэнкилнги стихилтын, давлавуртын, ичэттэн нимгакартын. М.; Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госуд. изд-во, 1947. 83 с. На обложке автор не указан. Текст параллельный русский, эвенкийский.
5. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым / подг. к печати, введение и примечание Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1958. 78 с.
6. История Бурятской АССР: в 2 т. Т. 2 / редкол.: П. Т. Хаптаев (гл. ред.), В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев и др. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. 644 с. Е. М. Залкинд — литературная редакция тома.
7. Труды Бурятского комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 8. Серия востоковедная / редкол.: Г. Н. Румянцев (отв. ред.), Е. М. Залкинд, К. М. Герасимова, А. Н. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1962. 201 с.
8. Из истории народов Бурятии: исследования и материалы. Труды Бурятского комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 10. Серия историческая / редкол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), С. А. Максимов, Б. М. Митупов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 192 с.
9. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
10. Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / отв. ред.: Е. М. Залкинд, Б. М. Митупов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 166 с.
11. Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 1964 год / Респ. библиотека им. М. Горького. Улан-Удэ, 1963.
12. Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды Бурят. комплексного науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Вып. 11. Серия историческая / редкол.: И. А. Асалханов (гл. ред.), Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, г. Бабушкин, 1963. 216 с.
13. Жамцарано Ц. Ж. Из прошлого и настоящего Бурятии: краеведческое пособие для 4 класса. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. 64 с.
14. Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры / ред.: С. С. Бадмацыренов, Б. Б. Батуев, Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Б.и., 1965. Вып. IV. 191 с.
15. Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у наро-

- дов Сибири: тез. докл. науч.-практ. конф. / Институт общественных наук БФ СО АН СССР; редкол.: Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Б.и., 1966. Вып. 2. 105 с.
16. Рандалов Ю. Б. Социалистическое преобразование хозяйства, быта и культуры бурятского улуса за годы Советской власти (1917–1961 гг.). Опыт историко-этнографического исследования. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 173 с.
 17. Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды Бурятского ин-та общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 5. Серия историческая / редкол.: Е. М. Залкинд, И. А. Асалханов (гл. ред.), Н. В. Ким. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1968. 220 с.
 18. Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры. Вып. 5. Серия историко-филологическая / ред. С. Бадмацыренов, Б. Б. Батугев, Е. М. Залкинд и др. Улан-Удэ: Б.и., 1968. 187 с.
 19. Этнографический сборник. Труды Бурятского ин-та общественных наук БФ СО АН СССР / редкол.: К. М. Герасимова, Е. М. Залкинд (отв. ред.), Т. М. Михайлов, Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, Типография Управления печати при Совете Министров БурАССР, 1969. Вып. 5. 256 с.
 20. История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири: тез. докл. и сообщ. науч. конф. / Ин-т истории, филологии и философии БФ СО АН СССР; редкол.: Е. М. Залкинд, Б. М. Митупов и др. Улан-Удэ: Типография Управления печати при Совете Министров БурАССР, г. Бабушкин, 1971. 189 с.
 21. Очерки истории культуры Бурятии: в 2 т. / Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР; общ. ред.: Д. Д. Лубсанов (гл. ред.) и др. Т. 1: Дооктябрьский период / редкол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), Н. В. Ким, Т. М. Михайлов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 490 с.
 22. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
 23. Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольхонского районов Иркутской области). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 112 с.
 24. Этнографический сборник. Труды института общественных наук БФ СО АН СССР / редкол.: К. Д. Басаева, Е. М. Залкинд, Н. В. Ким. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. Вып. 6. 245 с.

25. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 220 с.
26. Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. статей / ред.-сост. В. Е. Ларичев; редкол.: Д. Д. Лубсанов, Е. М. Залкинд, П. Т. Хаптаев и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 459 с.
27. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
28. Быт бурят в настоящем и прошлом: сб. статей / Ин-т общественных наук БФ СО АН СССР; редкол.: К. Д. Басаева (отв. ред.), Е. М. Залкинд, П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: Б.и., 1980. 157 с.
29. Материальная культура и искусство народов Забайкалья / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский филиал, Институт общественных наук, Этнографический музей народов Забайкалья; редкол.: Е. М. Залкинд, Н. В. Ким (отв. ред.). Улан-Удэ: Б.и., 1982. 92 с.

Научные сборники памяти Е. М. Залкинда

1. Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 228 с.
2. Центральная Азия и Сибирь: материалы первых научных чтений памяти Е. М. Залкинда, 14 мая 2003 г. / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2003. 312 с.
3. Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур: материалы вторых научных чтений памяти Е. М. Залкинда, 20 мая 2005 г. / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2005. 334 с.
4. Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: материалы третьих научных чтений памяти Е. М. Залкинда, 18 мая 2007 г. / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2007. 474 с.
5. Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: Актуальные вопросы истории и международных отношений: материалы четвертых научных чтений памяти Е. М. Залкинда, 22 мая 2009 г. / под ред. А. В. Старцева. Барнаул: АзБука, 2009. 258 с.

Научные публикации о Е. М. Залкинде

1. Батуев Б. 90 лет со дня рождения ученого Е. М. Залкинда // Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 2002 год / Национальная библиотека Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2001. С. 71–78.
2. Боронин О. В. Евгений Михайлович Залкинд: творческий путь // Центральная Азия и Сибирь: материалы первых научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 11–16.
3. Владимиров В. Н. Об учителе — двадцать лет спустя // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 149–152.
4. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири по материалам ревизии И. Н. Толстого (1842 г.) // Сибирский исторический сборник (социально-экономическое и политическое развитие Сибири) / отв. ред. И. И. Кузнецов, В. Т. Агалаков, Л. М. Дамешек. Вып. 3. Иркутск: Б.и., 1975. С. 77–98. Из содерж.: Е. М. Залкинд, о нем — С. 77, 79, 80.
5. Залкинд Евгений Михайлович // Профессора Алтайского университета: биографический справочник. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 108–110.
6. Ким Н. Юбилей ученого // Правда Бурятии. 1972. 17 нояб. (В соавт. с Т. Михайловым).
7. Корниенко В. К. Личный фонд этнографа и педагога Евгения Михайловича Залкинда (1912–1980) // Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул: ГМИЛИКА, 2009. С. 154–155.
8. Кругова Н. И. Творчество Е. М. Залкинда в свете современных тенденций развития исторической науки // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 153–160.
9. Курныкин О. Ю. Вспоминая Учителя // Центральная Азия и Сибирь: материалы первых научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 24–28.
10. Курныкин О. Ю. Основные вехи жизненного и профессионального пути Е. М. Залкинда // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: материалы третьих научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2007. С. 7–15.
11. Курныкин О. Ю. Залкинд Евгений Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И / гл. ред. В. А. Ламин; отв. ред.

- В. И. Клименко; редкол.: С. С. Букин и др. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2010. С. 576.
12. Курныкин О. Ю., Курныкина Г. И. Сто лет со дня рождения историка Е. М. Залкинда (1912–1980) // Алтайский край, 2012: календарь знаменательных и памятных дат / ред. совет: В. С. Олейник (гл. ред.), В. Б. Бородаев и др. Барнаул: Принт-Экспресс, 2011. С. 83–86.
 13. Лепехов С. Ю. 100 лет со дня рождения ученого-историка, доктора исторических наук Евгения Михайловича Залкинда // Бурятия: календарь знаменательных и памятных дат на 2012 год / сост. Э. Ф. Тумунова, И. Ж. Шарпова. Улан-Удэ, 2011. С. 174–180.
 14. Манушкина Е. Г. Теоретические аспекты изучения улусной родовой общины // Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной науч.-практ. конференции (посвящ. 80-летию со дня рождения д-ра ист. наук Б. Б. Батуева и 60-летию Победы в Великой Отечеств. войне). 26 апр. 2005 г. / редкол.: Б. В. Базаров (гл. ред.), М. В. Амгаланова и др. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. С. 436–440. Из содерж.: Е. М. Залкинд, о нем — с. 438–439.
 15. Михайлов Т. М. Историк-сибиревед Е. М. Залкинд // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. с. 135–141.
 16. Мозес Т. А. Личные книжные коллекции как социально-культурный феномен // Культурное наследие Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 134–140. (В соавт. с И. М. Семененко). *О личных книжных коллекциях в фондах научной библиотеки АлтГУ, в том числе Е. М. Залкинда.*
 17. Нимаев Д. Д. Актуальные проблемы истории монгольских народов в трудах Е. М. Залкинда // Центральная Азия и Сибирь: материалы первых научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 17–23.
 18. Список научных трудов Е. М. Залкинда / подгот. О. Ю. Курныкин // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур: материалы вторых научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2005. С. 10–17.
 19. Храмов А. А. Воспоминания — размышления о юбилее кафедры // Актуальные вопросы отечественной истории XX века: сб. науч. статей (к 20-летию кафедры новейшей отечественной истории АлтГУ и 50-летию научно-педагогической деятельности первого заведующего кафедрой Александра Андреевича Храмова). Барнаул: АзБука, 2006. Из содерж.: Е. М. Залкинд, о нем — с. 17.

20. Чимитдоржиев Ш. Б. Е. М. Залкинд в моей памяти // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 131–134.
21. Шерстова Л. И. Е. М. Залкинд как этнограф // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: материалы третьих научных чтений памяти Е. М. Залкинда / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2007. С. 16–24.
22. Шестаков А. В. Профессор Е. М. Залкинд в Алтайском государственном университете // Памяти Е. М. Залкинда: сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 142–148.

Документальные источники о Е. М. Залкинде

1. Алтайский государственный университет. Архивный отдел Управления документального обеспечения. Оп. 3-л. Д. 615. Личное дело Е. М. Залкинда.
2. Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. Архив. Личное дело Е. М. Залкинда. № 1703(1). 1941–1942 гг. № 1703(2). 1960–1977 гг.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1775. Личный фонд Е. М. Залкинда. 99 ед. хр.
4. Государственный музей истории, литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Личный фонд этнографа и педагога Евгения Михайловича Залкинда (начало XX в. — 1980 г.). 391 ед. хр.
5. Омский государственный педагогический университет. Архив. Ф. Р-1027. Личное дело Е. М. Залкинда.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

1978

1973

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ответственного редактора	3
<i>Шерстова Л. И. Е. М. Залкинд и его труд</i> <i>«Очерки генезиса феодализма в кочевом обществе»</i>	<i>5</i>
<i>Курныкин О. Ю. Жизненный путь Евгения Михайловича Залкинда</i> <i>(1912–1980)</i>	<i>18</i>
<i>Чернышов Ю. Г. Евгений Михайлович Залкинд — человек,</i> <i>преподаватель, ученый</i>	<i>33</i>
<i>Мальцева Т. Г. Личный фонд Е. М. Залкинда</i> <i>в КГКУ «Государственный архив Алтайского края»</i>	<i>39</i>
<i>Залкинд Е. М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе</i>	<i>46</i>
Предисловие	46
Глава I. О путях генезиса феодализма	50
Глава II. Восток и Запад	84
Глава III. Дофеодальный период	130
Глава IV. Сложение феодальных отношений	157
Глава V. Был ли кочевой феодализм?	190
Библиография трудов Е. М. Залкинда, научных сборников, посвященных его памяти, и публикаций о нем (сост. О. Ю. Курныкин, Г. И. Курныкина)	217

Научное издание

Залкинд Евгений Михайлович

**ОЧЕРК ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА
В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

*На обложке: Битва между монголами и китайцами.
Миниатюра из летописи Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих»*

Редактор И. С. Васенко
Подготовка оригинал-макета — О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 30.11.2012. Формат 100х70/16.
Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 13,72.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru